

ПОДМОСКОВНЫЙ ЛЕТОПИСЕЦ

Историко-краеведческий
альманах

1(51)2017

КЛИНЪ.

700 лет
Клину

2

О первых веках
древнего Клина

26

Клин в 1941 году

48

Пётр Ильич Чайковский
в Клину

Содержание

«Конеутка»

Юбилей

2 **Андрей Петровский, Вадим Пирог**
О первых веках древнего Клина

8 **Андрей Шугаев**
Миссия Дмитрия Лопаты Пожарского, или Клин в 1618 году

12 **Надежда Лисицына**
О чём можно узнать из метрических книг. Демографическая ситуация в конце XVIII – первой четверти XIX века

16 **Галина Петухова**
Клинские купцы Тябликовы

20 **Лев Шамис**
Клинский фотолетописец Василий Андреевич Беликов

26 **Лариса Соловьёва**
Клин в 1941 году. Воспоминания участников Московской битвы

32 **Ирина Овчинникова**
100 лет с краеведением

36 **Галина Митькина**
Антон Капитонович Флёров — библиотекарь и журналист: к 150-летию со дня рождения

Святые

40 Священник **Евгений Мальков, Михаил Молотников**
«Бог благоволил быть храму». Клин православный

47 **Свиток новостей**

Музеи Подмосковья

48 **Наталья Горбунова**
П.И. Чайковский: «Я к Клину сам не знаю как, ужасно привязался»

57 **Новые книги**

58 **Галина Сизко**
Музей П.И. Чайковского в годы Великой Отечественной войны

60 **Лариса Титова**
Д.И. Менделеев и его друзья — И.Е. Репин, Н.А. Ярошенко

Малоизвестное

64 **Оксана (Ксения) Анзимирова**
Быт усадьбы Бирево

68 **Светлана Архипова**
Священник Николай Бруни в Клину

Неисчезнувший след

78 **Ольга Евдокимова**
Право на память: Николай Михайлович Сулейкин

Малоизвестное

82 **Александр Гречихин**
Ас из Праслово

86 **Анатолий Рондин**
Две мировые войны в истории одной семьи

Поиски. Открытия. Находки

88 **Ярослав Леонтъев**
Необычайные приключения клинского отходника во время революции и Гражданской войны

ПОДМОСКОВНЫЙ ЛЕТОПИСЕЦ

Историко-краеведческий
альманах

1(51)2017

Выходит один раз в квартал. Распространяется в розницу и по подписке.
Индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 11256

Учредители

ГАУ МО «Издательский дом «Московия»
ОАО «Подольская фабрика офсетной печати»
ООО «Медиа Подмосковья»
ГАУ МО «Издательство «Подмосковье»

Издатель

Государственное автономное учреждение Московской области «Издательство «Подмосковье»

Выпускается при содействии Главного управления по информационной политике Московской области

Выпуск издания осуществлён при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Редакционный совет

Н.С. Ватник

Кандидат исторических наук, доцент Московского социально-гуманитарного института

В.Н. Захаров

Доктор исторических наук, заместитель директора по научной работе Института истории РАН

В.Ф. Козлов

Кандидат исторических наук, профессор, председатель Союза краеведов России

А.А. Шаблин

Кандидат исторических наук, доцент Московского социально-гуманитарного института, председатель Луховицкого краеведческого общества

С.Ю. Шокарев

Кандидат исторических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета

Н.А. Чернышова

Председатель Союза журналистов Подмосковья. Главный редактор ГАУ МО «Издательство «Подмосковье»

Главный редактор **С.Ю. Шокарев**

Ответственный секретарь **Н.В. Рыбалко**

Дизайн и вёрстка **А.М. Игитханян, Б.Г. Аразян**

В оформлении номера использованы материалы из фондов Государственного мемориального музыкального музея-заповедника П.И. Чайковского и МАУК «Клинское музейное объединение»

Для читателей старше 16 лет

Адрес издателя и редакции: 141400, Московская обл., г. Подольск, Революционный пр-т, 80/42
Тел/Факс 8 (496) 769-97-22, 8 (495) 249-44-89
E-mail: pletopisec@yandex.ru
<http://i-podmoskovie.ru>

Цена свободная

Рекламное агентство «Межрегиональные Медиа»
Тел. 8 (495) 660-22-17

Номер отпечатан в ОАО «Подольская фабрика офсетной печати». Подольск, Революционный проспект, 80/42

Дата выхода в свет

Заказ 26775

Тираж 3000 экз.

Формат 60x90/8

По вопросам распространения обращаться по тел.: 8 (495) 249-44-89, 8(926) 119-55-03

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-68619 от 03.02.2017 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Журнал можно приобрести в Москве, в книжном магазине «Русская деревня» — ул. Рождественка, 12, стр. 1; а также в редакции — ул. 5-я Магистральная, 3

При перепечатке, а также использовании в любой форме, в том числе в электронных СМИ, ссылка на журнал «Подмосковный летописец» обязательна.

© «Подмосковный летописец», 2017

Великая Русь
Художник Борис
Ольшанский

О первых веках древнего Клина

Полемика о дате основания «московского» Клина ведётся уже минимум 222 года. Раскрыв «Лексикон» Василия Никитича Татищева (1795), мы найдём свидетельство о первом упоминании нашего города к 1190-м гг. Какими документальными источниками руководствовался прославленный государственный деятель и историк, доподлинно неизвестно. Архив Татищева (так считается до сих пор) пропал в пожарах Отечественной войны 1812 года. Возможно, это была Иоакимовская летопись, также не дошедшая до наших времён. В XV томе энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, изданном в 1895 г., сказано об упоминании города в 1234 г. По-видимому, авторы популярного словаря воспользовались данными, приведёнными в Троицкой, Лаврентьевской или Новгородской Старшего извода летописях.

Василий Никитич
Татищев

В 1970-е гг. датой основания Клина был принят 1317-й год — год упоминания города в Никоновской летописи. При этом во внимание не были приняты факты, говорящие в пользу более старшего возраста Клина. Дата «1234» была признана ошибочной. По мнению доктора исторических наук В.А. Кучкина, в Новгородской летописи упомянут не наш Клин, а новгородский — стоявший на границе владений Новгорода Великого с Торопцом. Действительно ли Никоновская летопись содержит самое раннее упоминание Клина? На каком основании отвергнуты более ранние огласки города? И, наконец, какой именно Клин упомянут в средневековых летописях? Проанализируем имеющиеся свидетельства.

Летописные свидетельства о древнем Клине

В городской газете «Серп и молот» от 3 июня 1978 г. вышла статья «Ошибка исправлена», в которой сотрудник краеведческого музея К.В. Герман обосновал дату первого летописного упоминания города в 1317 г. как единственно верную. При этом город «потерял» без малого сто лет. Новая дата была принята

безоговорочно. Никто не мог и не хотел в 1970-е гг. подвергать сомнению эту датировку, да и особенно об этом не задумывался.

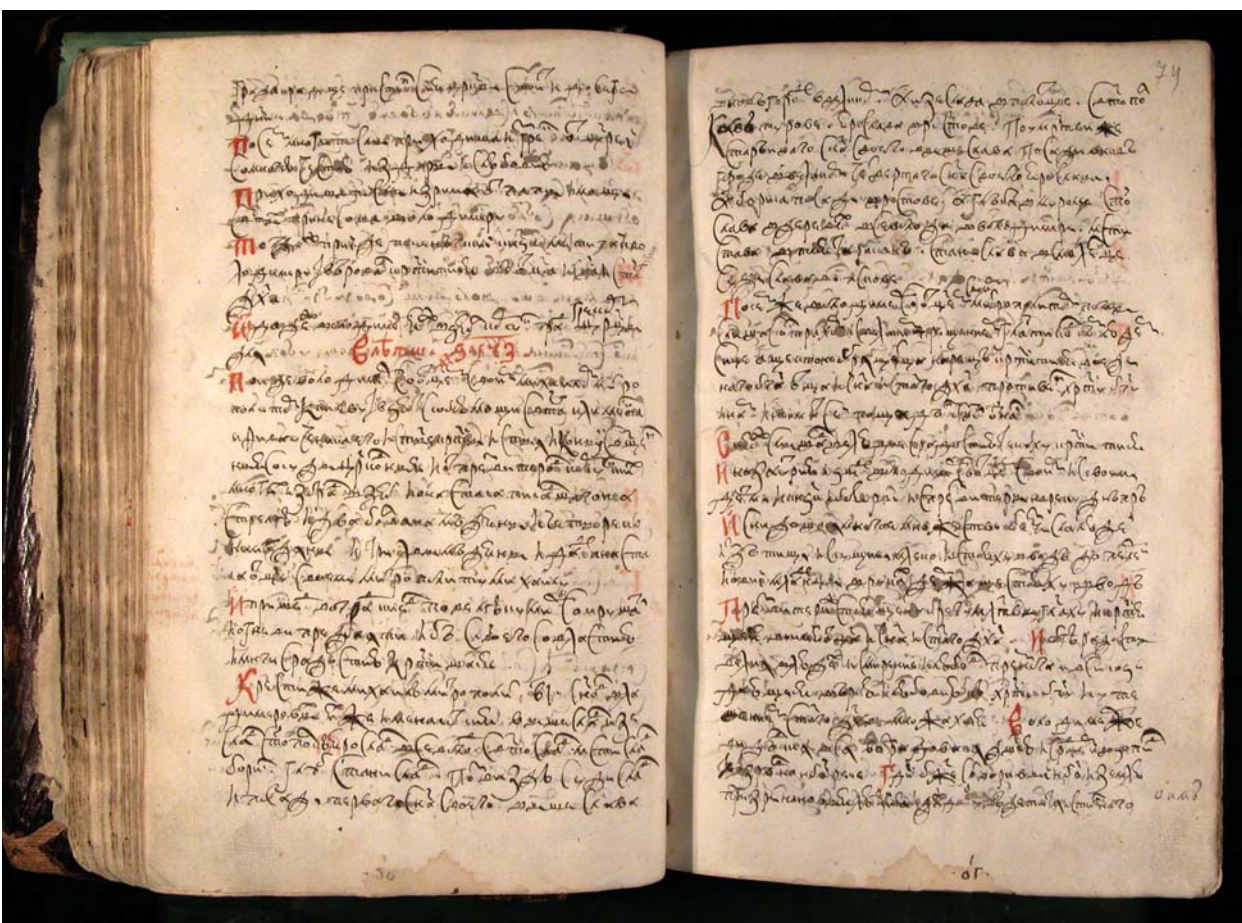
Основанием для выбора даты «1317» стало свидетельство Никоновской летописи. Несмотря на то, что топоним «Клин» упоминается и в других памятниках отечественного летописания: Троицкой, Лаврентьевской, а также Новгородской Старшего Извода летописях, именно Никоновская летопись, по мнению советских историков, содержит самые ранние сведения о существовании Клина.

В научной среде сложилась точка зрения, в соответствии с которой принято считать за дату основания поселения первое упоминание в письменных источниках. Причём самое раннее из дошедших до нашего времени. Но точка зрения на то она и точка, чтобы рассматривать явление с какой-то одной (зачастую не всегда объективной) стороны. А в таком важном деле, как датировка, нужны не точки, а кругозор. Только на основании системного подхода к данной проблеме и может быть сделан единственно верный вывод о дате возникновения Клина.

Во-первых, необходимо провести анализ всех дошедших до наших дней письменных источников Средневековья, в которых упоминается Клин. Начнём с Никоновской летописи, далее исследуем Иоакимовскую, Троицкую и Новгородскую Старшего Извода летописи.

Святой Михаил Тверской

Никоновская летопись

Во-вторых, нужно рассмотреть репрезентативную выборку городов, находящихся в шаговой доступности (день-два-три пути) от Клина, и рассчитать гипотетический средний возраст нашего города, учитывая даты основания выбранных городов. Причём города эти, находясь на территории нескольких древнерусских княжеств, связаны между собой торговыми путями, сходной культурой, ремеслом и временем зарождения.

В-третьих, соотнести вычисленную гипотетическую дату основания города с материальными свиде-

Печать Михаила Александровича Тверского

тельствами его бытования. Необходимо вовлечь в научный оборот предметы материальной культуры, в частности, результаты археологических раскопок.

Приступим.

Что известно о Никоновской летописи? Данный летописный свод назван по имени патриарха Никола, которому принадлежал один из списков. Датируется этот документ 1550-ми гг. Оригинал первоначальной редакции Никоновской летописи представлен в списке Оболенского, в его первых 939-ти листах, и датируется он второй половиной 1520-х гг. Позднее к списку Оболенского были добавлены листы 940–1166, в которых отражены события 1521–1556 гг. Заключительная часть летописи (листы 1167–1209) повествует о событиях 1556–1558 гг. Текст с интересующими нас событиями за 1304–1418 гг. опубликован в X томе «Полного собрания русских летописей» [3,6].

Клин упомянут в Никоновской летописи под 6825 г. от сотворения мира (1317 год от Рождества Христова) в числе городов, оказавшихся на пути войска московского князя Юрия Даниловича. Летопись сообщает: «В лето [6825] ... тое зимы князь Великий Юрьи Данилович Московский с Кавгадыем и со многие татари, и со князи Суздальскими, и со иными князи, и со многими силами поиде с Костромы к Ростову, а от Ростова поиде к Переяславлю, и от Переяславля поиде к Дмитрову, а из Дмитрова к Клину».

Речь идёт о военном походе московского князя Юрия Даниловича против тверского князя Михаила Ярославовича. Несмотря на то, что тверской князь признал за московским властью, он советовал не вступать в его владения. Под Тверью, в местечке Бортенево, войска московского князя были разбиты, а его жена попала в плен.

Клин в Никоновской летописи упомянут мимоходом, в контексте событий социально-политической борьбы начала XIV в. Достоверность данного сообщения не подлежит сомнению: поход Юрия Даниловича описан во многих источниках той поры. Сомнения возникают по поводу вольной трактовки историками даты основания Клина на основе одного-единственного упоминания. Более того, она не выдерживает даже поверхностной критики: Никоновская летопись не является достоверным документом, на основании которого можно делать какие-либо выводы о дате основания Клина. И вот почему:

1. Самый ранний список Никоновской летописи датируется серединой XVI в. Поэтому к событиям 1317 г., имеющим место быть на двести с лишним лет ранее составления текста летописи, надо относиться с аккуратностью, ни в коей мере не принимая их за непреложную истину. Надо иметь в виду, что летописи — это своеобразные средства массовой информации того времени. Возможно, они отражают не достоверные факты, а преобладающую точку зрения власть предержащих, замалчивая «неудобные» события и акцентируя внимание на «удобных» или же на «главных», среди которых Клин оказался отнюдь не на первых позициях.

2. Никоновская летопись изобилует массой неточностей, во многом передавая представления середины XVI в. Особенно это относится к так называемым «дополнениям» — сведениям, аналогам и подтверждениям которым нет в более ранних источниках. Ещё Н.М. Карамзин скептически относился к данным сведениям и не опирался на них при работе над «Историей государства Российского». Таких дополнений, учтённых Карамзиным, насчитывают до сотни. Почему же нам не согласиться с маститым учёным?

3. В летописи не сказано, что упомянут именно наш Клин, а не Клин земель Тверских, Новгородских или же Псковских. Более того, неясно, город ли это, село или деревня? Ведь ещё в XIX в. топонимов с названием «Клин» насчитывалось в Тверской губернии шесть, а, к примеру, в Псковской — 21. Не будем забывать, что в XVI в., до польско-литовского нашествия, населённых пунктов в границах современной Московской области было почти вдвое больше, чем в XIX-м. А что творилось в XIV в. — одному Богу известно: междоусобные раздоры, нашествия иноплемеников, моровые поветрия способствовали как скорому исчезновению, так и скорому возникновению деревень, сёл и городов. Но факт остаётся фактом: был и есть лишь один Клин, единственный в своём значении. Мог ли значимый населённый пункт, столь важный в Средние века, исчезнуть не только физически, но и в литературных источниках и исторических документах? Именно в значении и роли крупного (для своего времени) города! И второго Клина, на который нападали как на опасный стратегический объект и куда стремились как в значительный военный форпост, просто не существовало. Тогда почему на веру принята Никоновская летопись, а упоминание о Клине в Троицкой

летописи отвергнуто? Причём более раннее, 1234-го года? И нет никаких оснований ставить под сомнение эту дату: доводы о принадлежности Клина Троицкой летописи к Новгородским землям бездоказательны.

Таким образом, считать 1317-й не только годом основания, но и даже годом первого летописного упоминания «нашего» Клина не вполне правомерно.

Хорошо, допустим, что Клин, упоминаемый в Никоновской летописи, именно наш. Допустим также, что сам летописный отрывок — достоверный источник, на основе которого можно делать выводы. То есть выберем другой способ выявления истинного знания, известный ещё со школьной скамьи — «доказательство от противного».

Как можно видеть, в Никоновской летописи упоминаются равные по значимости города, которые «заслуживают» летописного упоминания: Кострома, Ростов, Переяславль, Дмитров, Клин. То есть летописец отмечает данные города как важные ориентиры на местности, имеющие крупное торговое, политическое и военное значение. По современной карте расстояние между Костромой и Ростовом по прямой 111 км, по трассе 130 км, между Ростовом и Переславлем-Залесским по прямой 61 км, по трассе 81 км, между Переславлем-Залесским и Дмитровом по прямой 92 км, по трассе 109 км, между Дмитровом и Клином по прямой 49 км, по трассе 61 км. Если учесть, что за день конное войско могло пройти примерно 50 км, а максимальная скорость движения составляла 120 км в сутки, данные города находились в нескольких днях пути друг от друга. Здесь войска могли пополнить запасы продовольствия, расквартироваться на постой, а в случае угрозы — укрыться в стенах крепости и выдержать долговременную осаду.

Наиболее вероятны два аспекта возникновения и развития Клина. Во-первых, это торговля. В силу своего выгодного положения на пересечении водных путей (по реке Сестре к Волге и через волок к Оке) и сухопутных дорог из Москвы в Тверь и Новгород Великий, из Новгорода в Рязань, из Смоленска в Ростов Великий, а также из Волока на Ламе в Дмитров, Клин играл немаловажную роль в торговле средневековой Руси.

Во-вторых, безопасность: то есть наличие укреплений, способных выдержать долговременную осаду. Не будем забывать, что средневековый Клин представлял собой хорошо укрепленный форпост, игравший заметную роль в политических притязаниях Тверского княжества.

Таким образом, небольшая крепость Клин, находясь в составе Тверского княжества, на протяжении двух с половиной столетий «вклинивалась» в московские владения. Отсюда, по-видимому, и пошло название Клин: «Московская земля очерчена с одной стороны рекой Яхромою, а с другой Шошою, подавшись почти до самой Корчевы, образовали из себя в Тверских владениях очевидный клин земель московских. Поэтому и находящийся здесь город назван Клином» [2].

Москва, Ростов, Переяславль и другие упоминаемые в Никоновской летописи города-крепости воз-

никли не на пустом месте. Во многом обустройство фортификационных сооружений диктовало характер выбора места. Как правило, это высокий холм, окруженный оврагом, либо рекой.

Что же представлял собой средневековый Клин? Его крепость размером 150 на 96 метров располагалась на высоком холме с крутыми склонами, в излучине реки Сестры. Окруженный по периметру частоколом, древний острог был надёжно защищён: с двух сторон крепость прикрывала река, с двух других — глубокий ров и земляной вал высотой в шесть аршин. На валах стояли сторожевые башни. Проездных башен было две — по Дмитровскому тракту. По обеим сторонам крепости располагались торги и посады. Примечательно, что земляные укрепления сохранялись на протяжении нескольких веков, свидетелем тому — геометрический план города 1766 г., на котором показаны вал и ров с юго-запада и северо-востока [7]. В наши дни только перед зданием бывшего Казначейства с восточной стороны видны остатки рва старинной крепости.

А теперь попробуем подсчитать, на сколько «среднестатистический» город, упомянутый в Никоновской летописи под 1317 годом, старше своего упоминания. Для этого приведём первые летописные упоминания городов, расположив их в том порядке, в котором они приводятся в Никоновской летописи: Кострома 1213 год (по Татищеву 1152), Ростов 862 год, Переяславль (Залесский) 1152 год, Дмитров 1154 год. Косвенно также упомянуты Тверь 1135 год, Москва 1147 год и Суздаль 1024 год. Оказывается, города эти связаны между собой не только торговыми путями, сходной культурой, ремеслом, но и временем зарождения. Конечно, выборка невелика. Но факт остаётся фактом: средний возраст города, «достойного» упоминания в данном отрывке Никоновской летописи, на 200 лет старше самого упоминания. И это неудивительно: «Москва не сразу строилась»! Для того чтобы небольшое поселение «выросло» до размеров города, обзаведясь собственной крепостью и посадом, наладило торговые связи с другими городами, стало, наконец, примечательным топонимом, который служил узнаваемым для современников ориентиром, необходимо несколько десятков, а то и сотен лет. Необходимо «добавлять» к дате первого упоминания некий временной промежуток, потребный для создания города. Каким будет этот временной промежуток, зависит, в конечном итоге, от непосредственных свидетелей древности Клина — археологических находок.

«Конеутка», крест и печать

Как правило, археологические находки с территории древнего поселения бывают старше его летописного упоминания. Планомерные, масштабные раскопки в историческом центре Клина никогда не производились. Исключение составляет обследование древней части города в начале и середине

Крест

«Конеутка»

изготовленная по восковой модели, относится к XII–XIII вв. [8]

Такого рода привески являются составной частью амулета и крепятся к большим кольцам в нижней его части. Уши и хвост «конеутки» сделаны в форме колец. Кольца изображают солярный круг, у славян связанный с культом солнца. Рельефно-зубчатый орнамент по краям привески символизирует воду, показывая и движение утки по воде, и скак коня.

В славянской мифологии и конь, и утка занимают важное место. По словам академика Б.А. Рыбакова, «некогда на Руси существовала легенда, в соответствии с которой солнце проделывает свой путь на конях по небу, а ночью плывёт на утках по подземной реке» [9]. Сюжеты и мотивы, связанные с конём или уткой, часто встречаются в древнерусском быту и культуре. Достаточно вспомнить конька на крыше русской избы, братину, стилизованную в виде фигуры утки.

При археологических раскопках в Новгороде найдены остатки мастерских, где во множестве изготовляли такие привески. Оттуда происходит множество «конеуток», найденных на территориях древнерусских княжеств. Можно предположить, что данную привеску завезли к нам новгородские купцы, или по однотипным формам производили у нас в древнем городе на посаде.

В 2003 г. на склоне за Успенским храмом, благодаря естественной эрозии поверхностного слоя земли, обнаружен нательный крест. По мнению док-

XX в., нашедшее отражение в археологической карте Московской области [1]. Но там содержатся весьма скудные упоминания о Клинском городище XIII–XVII веков.

Более подробная информация о материальных свидетельствах жизни древнего Клина содержится в статьях [4, 5]. Речь идёт о случайных археологических находках, сделанных в последнее десятилетие: шумящей коньковой привески XII–XIII вв., древнерусского нательного креста XI–XIII вв., а также вислой печати, предположительно князя Ярослава Всеволодовича (1191–1246 гг.).

Шумящая коньковая привеска, или «конеутка», обнаружена в 2008 г. при строительстве здания на улице Папивиной. Это один из немногих случаев последних лет, когда при проведении работ на территории Клинского городища были приглашены археологи. На стройплощадке был заложен небольшой раскоп, в котором обнаружены предметы преимущественно XVIII–XIX вв.: керамика, кованые гвозди, осколки аптечных пузырьков и т.п. Однако, по неизвестным причинам, «конеутка» в официальный отчёт не попала.

Коньковая привеска отлита из бронзы на весьма высоком художественном уровне. Можно отметить плавность форм, переходов, мелких деталей орнамента. Этот тип зооморфных украшений — амулетов — наследует художественный принцип более ранних, уплощённых подвесок. В нашем случае «конеутка»,

Шлем Ярослава Всеволодовича

тора исторических наук А.К. Станюковича, данный крест «относится к не часто распространённому типу древнерусских нательных крестов с кругом в средокрестии и уплощёнными профилированными концами» [10]. Отлит он из медесодержащего сплава. Точная датировка бытования такого типа крестов — XI–XIII вв.

В 1996 г. при проведении работ по ремонту трубопровода на ул. Папивина была обнаружена вислая печать — знак княжеской власти. Такие печати подтверждали полномочия владельца документа и его

Лицевая сторона печати

Оборотная сторона печати

подлинность. Так как предмет достаточно сильно повреждён коррозией, имя князя определить было довольно сложно. На лицевой стороне, вероятно, отсиснуто изображение святого Феодора, имя которого получил князь при крещении. Святой показан в полный рост, с копьём в правой руке и со щитом в левой. Вокруг точечный ободок. Обратная сторона несёт на себе изображение Иисуса Христа, восседающего на Престоле. В правой руке Евангелие, левая сложена в благословляющем жесте. С обеих сторон от Спасителя находятся инициалы *ic xс*.

По предположению доктора исторических наук П.Г. Гайдукова, «на печать претендовали два князя: Ярослав Всеволодович (1191–1246) и Михаил Ярославич (1271–1319)» [11]. Такая неопределённость существовала долгое время. Однако массовые находки актов печатей князя Ярослава Всеволодовича в результате археологических раскопок на территории нескольких древнерусских княжеств в последнее десятилетие позволяют с уверенностью причислить клинскую вислую печать к печатям князя Ярослава Всеволодовича.

Ярослав Всеволодович (в крещении) сын Всеволода Большое Гнездо и королевы чешской Марии Шварновны, отец Александра Невского. За свою относительно долгую, по средневековым меркам, жизнь успел Ярослав побывать князем Переяславским, Новгородским, великим князем Владимирским и Киевским.

Появление вислой печати в клинском кремле смело можно датировать годами до 1246 включительно.

Таким образом, в первой половине XIII столетия была написана некая грамота, скреплённая княжеской печатью. Этот документ ввиду особой важности хранился в клинском кремле долгое время. Что стало причиной гибели грамоты? Разорение Клина Едигеем в 1408 г., опричный поход Иоанна Грозного в 1569 г., польская осада 1617 г.? Доподлинно неизвестно.

Данные предметы подтверждают нашу гипотезу о том, что Клин старше летописного упоминания 1317 года, как минимум, на пару столетий. Очевидно, что летописец говорит не о времени основания города, а о факте его существования в данное время. Поэтому и свидетельство Никоновской летописи не противоречит предположению о том, что город мог возникнуть в более раннее время.

Библиография

1. Археологическая карта России: Московская область. Часть 2 / Сост. Король Г.Г., Николаенко Т.Д., Янишевский Б.Е. Институт Археологии РАН. М., 1995.
2. Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь (со внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений). М., 1900.
3. Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М.: Наука, 1980.
4. Петровский А.В., Пирог В.Р. Современники первых веков древнего Клина // Клино: древние страницы. Материалы районной краеведческой конференции 27 апреля 2016 г., Клино, 2016.
5. Пирог В.Р., Петровский А.В. Сфрагистика на службе краеведения // Петербургский коллекционер. № 5 (73). СПб., 2012.
6. ПСРЛ. Том X. VIII летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1885.
7. План города Клина с заселёнными и незаселёнными землями. 1766 г. (РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 2466).
8. Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. Л., 1981.
9. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1987.
10. Станюкович А.К., Осипов И.Н., Соловьёв Н.М. Тысячелетие креста. Произведения русской христианской металлопластики X–XX веков из частных собраний. М., 2003.
11. Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 3. Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. М., 1998 г.

Андрей Викторович Петровский, председатель клинского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК) (Клино)

Вадим Ростиславович Пирог, горный инженер (Клино)

Юбилей

Миссия Дмитрия Лопаты Пожарского, или Клин в 1618 году

Андрей Шугаев

Барон Ф.Е. Мейендорф в наряде воеводы большого полка войск князя Пожарского 1904 г.

В декабре 1627 г. князь Дмитрий Петрович Лопата Пожарский обратился с челобитной к царю и патриарху. В ней он сетовал, что недостаточно награждён «за службишку, и за кровь, и за раны». Не будь этой жалобы, Клинская земля лишилась бы одной из примечательнейших страниц своей истории.

Война

В июне 1617 г., после провала очередных мирных переговоров, вновь разгорелась длившаяся с 1609 г. война между Московским государством и Речью Посполитой — конфедерацией Королевства Польского и Великого княжества Литовского. Король Сигизмунд III решил силой оружия всё-таки возвести на русский престол своего старшего сына Владислава, которого ещё в 1610 г. московские бояре признали царём.

Для нового похода на Москву Речи Посполитой не удалось собрать ни достаточного числа войск, ни необходимых средств. Главные силы армии Владислава в октябре 1617 г. заняли Вязьму и остановились здесь на неопределённое время по причине холодов, отсутствия провианта и нежелания наёмных войск идти дальше из-за невыплаты жалования.

Для прикрытия левого фланга Владислав отрядил часть сил для захвата города Белый (ныне в Тверской области). В отличие от Дорогобужа и Вязьмы, бельский гарнизон отказался «целовать крест» Владиславу и заперся за деревянными крепостными стенами. В начале декабря в Москву пришло сообщение, что

Царь Михаил Фёдорович
Портрет XVII века

Король Владислав IV Ваза
Портрет XVII века

«осадные сидельцы, будучи на Белой, хлебными запасами оскудали». Но помочь Белому хлебом царь Михаил Фёдорович пока не мог: государев хлебный запас (ежегодная натуральная подать) собирался в течение зимы и только потом отправлялся служилым людям в гарнизоны. Поэтому 9 декабря 1617 г. из Москвы в Торопецкий уезд был отправлен воевода князь Иван Мещерский с задачей собрать здесь поместное дворянское ополчение и «Белую очистить». Мещерский, однако, ополчение не собрал, а, напротив, бежал на сторону королевича Владислава.

23 декабря из Москвы в Волок (Волоколамск) был направлен четырёхтысячный отряд князя Дмитрия Мамстрюковича Черкасского, которому также предписывалось «помочь чинить» осаждённому Белому. Но Черкасский реальной помощи бельским «сидельцам» тоже не оказал. Наконец, в феврале завершился сбор хлебного запаса, основная часть которого была свезена в Москву. Хлеб, предназначенный для служилых людей бельского гарнизона, было решено везти окружным путём — через Тверь.

Для сопровождения хлебного обоза в Белый был сформирован воинский отряд под командованием дворянина Бельского уезда Сергея Семёновича Левашова и дворянина Казанского уезда Саввы Тимофеевича Аристов. С Левашовым и Аристовым царь указал быть «казанским и украиным (пограничным) городов стрельцам». Оба занимали должности сотенных голов, то есть имели в подчинении в общей сложности 200 человек. В отряд также входили служилые казаки под командованием Дмитрия Ивановича Конохова. Конохов под Смоленском вместе со своей сотней перешёл на сторону королевича Владислава, но в феврале 1618 г. вновь вернулся на службу к царю Михаилу Фёдоровичу. Таким образом, общая численность отряда составляла порядка 300 человек. Отряд вёл с собой обоз саней, запряжённых лошадьми из московских государевых конюшен. Обоз был немалый, учитывая, что на нём предстояло перевезти в Белый запас муки, круп и соли с расчётом на годовое «хлебное жалование» 700 служилых людей. Часть обозных саней была гружена отрядным продовольствием и фуражом.

На маршруте от Москвы до Твери общее командование обозом и его охранение было поручено стольнику князю Дмитрию Петровичу Лопате Пожарскому, 27 февраля 1618 г. получившему царский наказ «идти на государеву службу во Тверь».

Дмитрий Петрович Лопата Пожарский был потомком удельных стародубских князей Рюриковичей, и принадлежал суздальским служилым землевладельцам. Первую часть фамильного «прозвания» он унаследовал от прадеда Фёдора Фёдоровича Лопаты, прославившегося в 1521 г. во время осады казанскими татарами Переяславля-Рязанского (Рязани). Сам Дмитрий Петрович впервые громко заявил о себе во время войны с Иваном Болотниковым. В 1607 г. он отличился при взятии у болотниковцев острога Серебряные Пруды и в качестве награды был отправ-

лен с сеунчем (вестью о победе) к царю Василию Шуйскому. В 1612 г., под командованием своего родственника князя Дмитрия Михайловича Пожарского, Лопата Пожарский участвовал в «Московском очищении» от поляков. Когда войска великого гетмана Литовского Яна Ходкевича пытались прорваться в кремль, со своим отрядом конных дворян сражался на самых ответственных участках — у Арбатских ворот и в Замоскворечье. Затем был воеводой в половецкой крепости Самаре. В 1615 г. участвовал в погоне за литовским отрядом Александра Лисовского, совершавшим глубокий рейд по территории Московского государства. Годом спустя «промышлял» над вольными казаками, занимавшимися разбоем в Суздальском уезде.

Письмо «с Клина»

Доверенная Лопате Пожарскому миссия по проводке хлебного обоза в Тверь не являлась слишком сложным предприятием, так как выбранная дорога через город Клин считалась весьма отдалённой от театра боевых действий тыловой коммуникацией. Достаточно сказать, что в Клину в то время не было ни воеводы, ни гарнизона.

Свою челобитную от 1627 г. князь с описания этого похода и начал: «Государю Царю и Великому Князю Михаилу Фёдоровичу и великому Государю Святейшему патриарху Филарету Никитичу Московскому и всеа Русии бьёт челом холоп ваш Микита Пожарский. В прошлом, Государи, во 7126 году (1618 г.), как шёл Королевич под Москву, послал ты, Государь, меня, холопа своего, на свою Государеву службу с Москвы из осады во Тверь в осаду, и как я, холоп твой, пришёл на Клин, а со мною были посланы головы, а с ними стрельцы и казаки твои Государевы запасы провожать на Белую; и на меня, Государи, пришёл в те поры на Клин пан Соколовский со многими людьми, и я, холоп ваш, с Клина к вам, Государям, писал».

К сожалению, упомянутое письмо «с Клина» до нас не дошло. Судя по всему, оно сгорело вместе со

Боярин и князь
Дмитрий
Михайлович
Пожарский
По миниатюре
XVII века

многими другими государственными документами во время московского пожара 1626 года. Поэтому события приходится восстанавливать по другим источникам, и в первую очередь по документам польской стороны и сохранившемуся архиву Разрядного приказа — главного органа военного управления Московского государства.

Начнём с «пана Соколовского».

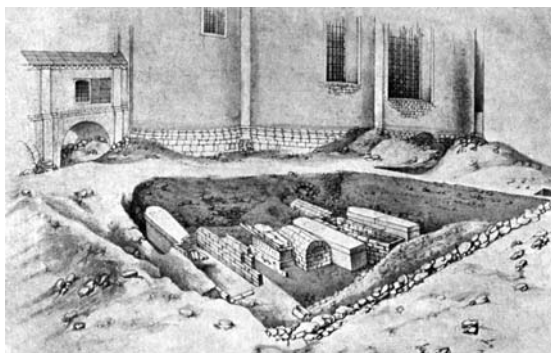
Василий Соколовский, имевший чин писаря Литовского, командовал наёмной казачьей хоругвью, на вербованной им по королевскому патенту из бед-

Казак
Художник
Ю. Брандт

патриарха он просил награду за примерную службу, к тому же у русских воевод вообще было в обычае всячески преувеличивать свои заслуги). Штатная численность литовской казачьей хоругви составляла сто человек. Однако по причинам военного времени бойцов под знаменем Соколовского было ещё меньше. Такому отряду было легче затеряться среди подмосковных лесов, деревушек и просёлочных дорог, тем более, что рядом, в Москве, располагалась основная группировка русских войск.

Шедший в Белый большой хлебный обоз, несомненно, являлся для ротмистра Соколовского значимой целью, но нападение на более чем втрое превосходящий по силам отряд русских было рискованным делом. И скорее всего на него вряд ли бы пошли находившиеся под командой Соколовского казаки-наёмники, не только уже отягощённые хорошей добычей, но и давно не получавшие обещанного королём денежного жалованья. Характерно, что о «приходе на Клин» Соколовского Лопата Пожарский отправил в Москву «весть» — то есть не победный сеунч, а простое боевое донесение, в котором обычно сообщалось о небольших столкновениях с противником, пе-

Усыпальница князей Пожарских во время археологических раскопок графа А.С. Уварова в 1851 г.

ной литовской шляхты. Казаками в армии Речи Посполитой назывались лёгкие кавалеристы, которые, в отличие от легендарных польских гусар, полностью закованные в железные латы, из защитного вооружения имели в лучшем случае кольчугу или шлем-прилобичу. Соколовский слыл лихим «наездником», мастером набеговых и рейдовых операций. Во время смоленской осады 1609–1610 гг. он из-под смоленских стен со своими казаками рейдировал до самой Москвы, где брал добычу и языков. В период квартирования армии королевича Владислава в Вяземском уезде ротмистр Соколовский партизанствовал под Москвой, собирая разведданные, грабя подмосковные вотчины, церкви, монастыри и купеческие обозы.

Про «многих людей», имевшихся у Соколовского, князь Лопата Пожарский, очевидно, сильно приукрасил (что, впрочем, объяснимо, учитывая, что у царя и

Часовня на месте усыпальницы князей Пожарских в Спасо-Евфимьевом монастыре в Суздале

ремещения вражеских отрядов или о полученных от пленных сведениях. То есть имели место, скорее всего, только стычки дозоров и захваты языков.

Кстати, выражение «с Клина» в XVII в. тоже понималось не в современном однозначном смысле. Уезды в официальных документах тогда часто назывались так же как и города, бывшие их административными центрами. То есть территория Клинского уезда обозначалась просто «Клин». И вполне возможно, что именно она, а не город имелась в виду в челобитной Лопаты Пожарского. В подтверждение того, что город Клин не

осаждался казаками Соколовского, свидетельствует тот факт, что уже 27 марта 1618 г. в Москве было принято решение, чтоб хлебный запас для Белого был переправлен из Твери через Ржев Володимиров (Ржев). К слову, во время этой операции отряд Левашова-Аристов-Конюхова показал полное отсутствие какой-либо боеспособности. Ему было предписано в Ржеве Володимирове соединиться с отрядом стольника князя Фёдора Елецкого и уже вместе с ним с боем прорываться к Белому. Но оказалось, что проливать свою кровь никому не хотелось.

«И как я, Государи, пришёл во Тверь, — писал далее в своей челобитной Лопата Пожарский, — тех голов отпустил с запасами на Белую, с ними провожатых стрельцов и казаков; и как они были с запасами во Ржеве Володимирове, те, Государи, от них стрельцы и казаки своровали, твои Государевы запасы пометали, а бежали мимо Твери; и я, холоп ваш, тех стрельцов и казаков велел переимать, и за то их бил кнутом нещадно, и в тюрьму их сажал, и опять их во Ржеву к воеводе ко князю Фёдору Елецкому за приставы отослал».

Примечательно, что на дальнейшей карьере Сергея Левашова и Саввы Аристов-Аристов это никак не сказалось. После войны первый получил впоследствии чин московского дворянина, а второй стал самым богатым землевладельцем Казанского уезда. А за доставку государева хлебного запаса в Белый вся слава досталась князю Фёдору Елецкому. 26 мая в Москве царём ему были жалованы в награду «шуба атлас золотной на соболах, цена 105 рублёв 25 алтын 2 деньги» и «кубок серебрян золочён с покрывкою, весу 2 гривеники 1 золотник». Лопата Пожарский, хоть и с большим опозданием, но тоже был награждён. После рассмотрения челобитной 1627 г. царь повелел передать ему в вотчину, то есть не в служебное, а в наследственное пользование, 120 четей земли (около 60 современных гектаров). Впоследствии князь Дмитрий Петрович будет ещё долго воеводствовать в разных городах, а перед смертью в 1641 г. примет монашеский постриг с именем Дионисий. Похоронен он был в родовой усыпальнице князей Пожарских, в суздальском Спасо-Евфимьевом монастыре.

А Клин в анналах похода королевича Владислава на Москву остался не только благодаря хлебному обозу Лопаты-Пожарского.

К этому надо добавить, что 24 клинянина, служилых дворян и детей боярских Клинского уезда, входили в состав отряда князя Дмитрия Мамстрюковича Черкасского, охраняли дорогу на Москву через Волок и в июне 1618 г. участвовали в сражении за Можайск.

Ещё 19 служилых клинян находились в гарнизоне Москвы и во время штурма русской столицы войсками Владислава 1 октября 1618 г. обороняли крепостные стены у Сретенских ворот. Клиняне входили и в состав конвоя русского посольства во время переговоров с королевичем Владиславом о заключении 15-летнего перемирия.

Литература

- Белокуров С.А. *Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.)*. М., 1907.
- Бельский летописец // *Полное собрание русских летописей*. Т. 34. М., 1978.
- Вержбовский Ф.Ф. *Материалы к истории Московского государства в XVI и XVII столетиях*. Вып. 2. Варшава, 1903.
- Веселовский С.Б. *Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства*. Т. 2. М., 1916.
- Дело о пожаловании князю Д.П. Пожарскому из поместья в вотчину по уложению // *Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских*. Кн.4. М., 1849.
- Дневник осады Смоленска польским королём Сигизмундом в 1609, 1610 и 1611 годах // Бутурлин Д.П. *История Смутного времени в России в начале XVII века*. Ч. III. СПб., 1846.
- Документы, относящиеся к истории Православия в Западной России // *Вестник Западной России*. Т. 3. Кн. 11. Вильно, 1867–1868.
- Книга сеунчей 1613–1619 гг. // *Памятники истории Восточной Европы: источники XV–XVII вв.* Т. 1. М., 1995.
- Книги разрядные по официальным оных спискам. Т. 1. СПб., 1853.
- Козляков В.Н. *Михаил Фёдорович*. М., 2010. (Жизнь замечательных людей).
- Красницкий А. *Развитие армии Речи Посполитой [Электронный ресурс]* // www.historia-pl.ucoz.ru.
- Лаппо-Данилевский А.С. *Организация прямого обложения в Московском государстве со времён Смуты до эпохи преобразований*. СПб., 1890.
- Муханов П.А. *Подлинные свидетельства о взаимоотношениях России и Польши, преимущественно во время самозванцев (документы 1606–1622 гг. на русском и польских языках)*. М., 1834.
- Приходно-расходные книги Московских приказов // *Русская историческая библиотека*. Т. 28. М., 1912.
- Савёлов Л.М. *Князья Пожарские*. М., 1906.
- Сказание польского историка Кобержицкого о походах польского короля Сигизмунда и королевича Владислава в Россию. Ст. 2. *События 1617–1618 гг.* // *Сын Отечества*. Ч. 2. № 4. СПб., 1842.
- Станиславский А.Л. *Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории*. М., 1990.
- Сухотин Л.М. *Четвертики Смутного времени (1604–1617 гг.)*. М., 1912.

Андрей Юрьевич Шугаев,
журналист, историк, краевед (Клин)

Юбилей

Пряха
Художник
А.Г. Венецианов

Старик крестьянин
Художник
А.Г. Венецианов

О чём можно узнать из метрических книг

Демографическая ситуация в Клинском уезде в конце XVIII — первой четверти XIX века

Надежда Лисицына

Мало кому из наших современников знакома система «записей актов гражданского состояния», существовавшая до появления отделов со звучным названием «ЗАГС». До них эту функцию выполняли церкви. Именно там велись метрические книги, являющиеся основным источником сведений по демографии России до 1917 г.

Метрическая книга церкви Знамения Пресвятой Богородицы села Михайловское

В Клинском краеведческом музее хранится подшивка метрических книг прихода церкви Знамения Пресвятой Богородицы села Михайловское Клинского уезда (1790–1828 гг. 295 л. ККМ НВФ 2792). Этот документ чуть не сгорел во время пожара. Значительно пострадала поверхность объёмной книги — обложка и крайние листы утрачены, обрез обгорел. Кроме того, утрачено несколько листов в середине, а чернила местами сильно выцвели. И всё же, несмотря на сохранность, в метриках удалось почерпнуть интереснейшие сведения о прошлом.

Метрические записи Знаменского прихода охватывают период с 1790 года по 1828-й, то есть 38 лет, — больше, чем треть века. Период достаточный, чтобы составить общее представление о рождаемости и смертности двести лет назад, сделать некоторые выводы и сравнить с современным положением дел.

Наряду с данными церковного учёта, в конце XVIII — первой трети XIX вв. велась и государственная статистика. Это — так называемые «ревизские сказки», служившие основным документом для налогообложения (а налоги брались с каждой «ревизской души» (взрослого мужчины) из податных сословий). Однако данные церковного учёта вызывают больше доверия, чем светский государственный учёт. Во-первых, ревизии проводились через определённое время, а церковные записи велись непрерывно, фиксируя три главных события в жизни человека — рождение, венчание (бракосочетание) и смерть. Во-вторых, метрические записи ограничены пределами церковного прихода, в нашем случае — Знаменского. И, в-третьих, ощущается большая личная ответственность составителей. «В записной метрической книге писано нами всё сущее справедливо и ничего не утаено, а ежели же в чём показали несправедливость и учинили в чём-нибудь ут-

рату, за то повинны положенному по правилам и указам штрафованием. Священник Иван Николаев руку приложил. Той же церкви дьячок Андрей Петров руку приложил. Той же церкви пономарь Данила Иванов руку приложил».

Местом составления метрик являлась церковь Знамения Пресвятой Богородицы села Михайловское Клинского уезда. Это село находится к югу от Клина; окрестные деревни от Мисирево в направлении Малеевки входили в состав прихода. Село Михайловское на рубеже XVIII–XIX вв. было вотчиной капитана Петра Фёдоровича Телегина. К Знаменскому приходу относились окрестные селения: деревни Кононово и Елино, а также сельцо Марфино, сельцо Отрада и сельцо Караваево.

Помещичьи крестьяне составляли наибольшую часть прихожан Знаменской церкви. Кроме них прихожанами были, как следует из документа, «ямщики Клинского яму деревни Иевлево» и «того же Яму сельца Мисирева», — разумеется, с семьями. Также в состав прихода входили государственные деревни: Ситниково и Кузнечиково, ранее (до секуляризации церковных земель в 1764 г.) принадлежавшие Церкви.

Метрические книги состояли из трёх разделов и велись параллельно. Любая запись начиналась с даты, а каждая книга — с января месяца.

В разделе «О родившихся» указывается, какого пола ребёнок, от каких родителей, какое имя при крещении получил, и кто были его восприемник и восприемница. Распространено другое название для «воспринимающих ребенка от купели»: «крестные отец и мать». Они приносили младенца в церковь крестить (родная мать идти в церковь ещё не имела права), а в дальнейшем — следили за воспитанием своего подопечного.

Заканчивался год, и записи первого раздела завершала приписка: «В нашем показанном Знаменском приходе таких младенцев, кои б по рождении не были святого крещения сподоблены, в 792-м году не имелось». А если книгу вёл более старательный священник, то подводил итог: «Итого в 793 году родилось и святого крещения сподоблено мужеска пола — 17, женска пола 18, обоего пола 35 человек».

Раздел о сочатавшихся браком. Приведём пример записи из этого раздела. В 1792 году венчаны: «Клинской округи вотчины девицы Марьи Николаевны Лаговшиной сельца Марфина крестьянин вдовы Марьи М... (неразборчиво) сын с крестьянкой той же вотчины и деревни Василия Михайлова дочерью, девкой Катериной Васильевой, обои первым браком».

В среднем в Знаменской церкви происходило 10–11 бракосочетаний, а в некоторые годы — до 15–16 и даже 19 (1792 г.). Лишь в 1812 г. состоялось одно венчание; тогда было не до свадеб: летом того памятного года 600-тысячная армия Наполеона вторглась в Россию.

Раздел об умерших. В разделе записывалось, кто именно умерший (мужского или женского пола), имя, в каких годах, и отдельная графа — «какими болезнями». Именно так, не закончив мысль на бумаге (писавший знал, что имеет в виду) указана в метриках причина смерти. Записанный одним словом со слов крестьян диагноз основывался на их представлениях о медицине, и был очень приблизительным. Хотя, наверное, современные врачи могут в ряде случаев дать принятое теперь название тех болезней. Например, чахотка — устаревшее название прогрессирующего истощения организма при хронических заболеваниях. Чем чаще всего была вызвана смерть? «Чахоткой», «горячкой», «опухолью», «удушьем». Зафиксирован случай, когда человек «утонул нечаянно в воде». Есть — «родами». Встречается «оспой». Был случай, когда девица 23-х лет утонула в колодце. А чаще всего — «неизвестно». Последние две графы: возраст умерших и причины смерти велись не всегда, в течение 16 лет с перерывом, там, где «Пётр Григорьев руку приложил», затем прервались. Другой священник вёл записи более упрощённо.

Проследим данные о детской смертности. Закрепилось мнение, что в прошлом была высокая детская смертность. Из метрик следует, что в 1793 г. в приходе умерли два младенца: трёх и семи недель от роду. Исключение — 1825-й год. Тогда за один год в приходе умерло 14 младенцев в возрасте одного года. Встречается запись ещё о двух умерших детях — 10 и 11 лет. Получается, что за 16 лет умерло 16 младенцев и ещё двое отроков. Напомним, что возраст умерших записывался не всегда, а лишь в течение 16 лет, поэтому за остальные 22 года о детской смертности мы сказать ничего не можем.

Обратимся к русской классике. У пушкинского литературного героя — дворянина Петра Гринёва девять братьев и сестёр умерло в младенчестве. Дей-

ствие происходит во второй половине XVIII века, немного раньше составления наших метрик. Данные метрических книг дают другую картину детской смертности: 16 крестьянских детей за 16 лет во всех деревнях прихода. С учётом, что в 1825 г. была, вероятно, какая-то эпидемия (14 годовалых младенцев на 10 деревень). Получается, что распространённое представление, что «много рождалось детей, но много их и умирало» не подтверждается. Или касается других, неблагоприятных времён.

Часть об умерших завершалась словами: «В показанном нашем приходе таких людей, чтобы померли, а не получили христианского погребения, в (таком-то) году не имелось». Такого рода приписки ещё раз подтверждают добросовестность метрических записей.

Средняя продолжительность жизни. В течение 12 лет в метрических книгах указывался возраст умерших. Затем священник, который вёл книги, сменился, и система записей упростилась. За 12 лет в селениях Знаменского прихода умерло 70 человек, а родилось — 518 (!). Среди умерших были крестьяне, дожившие до 80 и 82 лет. В трёх случаях возраст умерших не указан. Средняя же продолжительность жизни прихожан Знаменской церкви составляла 51–52 года. Интересно, что средняя продолжительность жизни правящих представителей династии Романовых была в среднем 45 лет.

Соотношение числа родившихся и умерших. И, наконец, самое главное, что создаёт картину демографической ситуации: сравнение ежегодного числа родившихся и умерших. Рассмотрим эти данные в табличной форме.

Выводы из приведённой таблицы сделать несложно. Хотя в записях, которые охватывают почти 40 лет, есть пропуски, цифры всё же впечатляют. Из самой первой записи — 1790 года — следует, что родилось 35 человек, а умерло 5. Легко посчитать, что родившихся — в 7 раз больше. В 1791 г. родилось 26, умерло 6, то есть в 4,3 раза больше родилось. До 1810 г. наблюдаем ежегодный рост населения. Рождаемость превышала смертность, подчас в 8 и даже в 10 раз. А в 1811 г. родилось 20 человек, а умерло 22. После 1812 г. до 1828 г. такая картина (когда умирало людей больше, чем рождалось) повторялась четыре раза, но не было года, чтобы смертность превышала рождаемость хотя бы даже в два раза.

Разумеется, на основе метрических книг одного из приходов Клинского уезда мы не можем говорить о демографической ситуации в целом по России. Но представление о положении дел в Клинском крае всё же удаётся получить. Сопоставление данных рождаемости и смертности конца XVIII — первой четверти XIX века с ситуацией XXI века — не в пользу современности. Согласитесь — есть, о чём задуматься.

Надежда Евгеньевна Лисицына, старший научный сотрудник МАУК «Клинское музейное объединение» (Клин)

О чём можно узнать из метрических книг.
 Демографическая ситуация в Клинском уезде в конце XVIII — первой четверти XIX века

Год	Родилось Мужчин/ женщин	Всего	Венчано/ Супружеств	Умерло Мужчин/ женщин	Всего	Прирост	Возраст умерших
1790	26/9	35	14/7	5/0	5	В 7 раз	45, 69, 61
1791	15/11	26	16/8	4/2	6	В 4,3 раза	58, 61, 62, 56, 61, 80
1792	13/5	18	38/19	5/4	9	В 2 раза	66, 65, 57, 61, 58, 59, 3 неде- ли, 7 недель
1793	17/18	35	12/6	4/3	7	5 раз	40, 52, 63, 70, 66, 63, 69
1794	16/16	32	10/5	3/1	4	8 раз	25, 56, 76, 58
1795	12/8	20	26/13	1/1	2	10 раз	56, 45
1796	13/15	28	2/1	3/1	4	7 раз	82, 62, 24, 37
1797	18/10	28	14/7	1/5	6	4,66 раз	67, 55, 65, 57, 30, 36
1798	11/8	19	10/5	3/3	6	3,16 раз	63, 73, 65, 55, 52, 59
1799	16/9	25	20/10	6/1	7	3,57 раз	33, 56, 35, 16, 62, 72
1800	14/9	23	4/2	—	—	—	10, 60, 11
1801	21/14	35	10/5	6/0	6	5,83 раза	67, 62, 47, 64, 53, 43
1802	13/10	23	16/8	2/6	8	2,87 раз	48, 28, 38, 46, 44, 69, 42, 42
1803	—	38	20/10	—	10	3,8 раз	Упрощена сис- тема записей
1804	—	34	16/8	14/16	30	1,13 раза	
1805	—	34	10/5	4/6	10	3,4 раза	
1806	—	39	18/9	—	—	—	
1807	—	28	16/8	1/12	24	1,16 раза	
1808	9/17	26	20/10	3/6	9	2,88 раза	
1809	16/8	24	16/8	6/5	11	2,18 раза	
1810	12/11	23	14/7	8/7	15	1,53 раза	
1811	—	20	30/15	—	22	Отрицательный в 0,9 раза	
1812	27/8	35	2/1	13/6	19	1,84 раза	
1813	16/6	22	16/8	13/9	22	—	
1814	15/12	27	22/11	15/14	29	Отрицательный в 0,93 раз	
1815	—	—	—	—	—	—	—
1816	13/10	23	22/11	12/12	24	Отрицательный в 0,95 раз	
1817	22/37	59	16/8	5/14	19	3,10 раз	
1818	19/16	35	28/14	17/8	25	1,4 раза	
1819	12/16	28	14/7	17/12	29	Отрицательный в 0,96 раза	
1820	15/15	30	20/10	24/14	38	Отрицательный в 0,78 раз	
1821	17/23	40	32/16	12/10	22	1,8 раз	
1822	18/21	39	20/10	8/13	21	1,85 раз	
1823	14/22	36	14/7	6/7	13	2,76 раз	
1824	25/28	53	20/10	4/9	13	4,07 раз	
1825	23/18	31	20/10	—	14 младенцев одного года	—	Бланки прежней системы
1826	20/24	44	18/9	19/13	32	1,37 раз	
1827	22/26	48	28/14	10/16	26	1,84 раз	
1828	18/21	39	8/4	8/16	24	1,6 раз	

Неисчезнувший след

Анисим Иванович Тябликов с сыновьями

Клин в XVIII–XIX вв. был городом ямщиков, ремесленников, мецан и купцов, где находились постоянные дворы, трактиры и многочисленные торговые лавки, принадлежавшие клинским торговым людям. Купеческое сословие было заметной частью клинского общества.

К

Клинские купцы Тябликовы

Галина Петухова

В XVIII — начале XX вв. купечество в России — по привилегированное, так называемое «третье» — после дворянства и духовенства — сословие. Жалованная грамота городам 1785 года предоставила купечеству монополию на торговую деятельность. Согласно Жалованной грамоте, купцы распределялись по трём гильдиям в зависимости от объёма капиталов и имели разные права.

О купцах I гильдии в Клину неизвестно. По-видимому, их не было, поскольку они должны были объявить большой капитал и платить значительные гиль-

дейские сборы. Но имея весьма крупные средства, они имели право вести заграничные дела, владеть морскими судами, иметь «паспортную льготу» — право свободного передвижения по стране. Торговали в Клину купцы II и III гильдий, их имена известны. Принадлежность ко II гильдии давала возможность (как, впрочем, и к первой) владеть фабриками и заводами. Дельцы освобождались от телесных наказаний и от рекрутской повинности. Купцы III гильдии могли вести мелочную торговлю, содержать трактиры и постоянные дворы, заниматься ремеслом. Для поощрения сословия было введено почётное гражданство.

Уже в XVIII в. в Клину напротив Почтового двора размещаются Торговые ряды. Первоначально они были деревянными, а после пожара 1885 г. были выстроены кирпичные. Многочисленными лавками, заполненными продовольственными и промышленными товарами, владели купцы Воронковы, Ивановы, Скоков, Соболев, Прудкины-Стамескины, Грязновы, Маслов, Максимовы, Панкратов, купчихи Кузнецова, Вязова, Щукина и другие. В двухэтажном каменном доме рядом с комплексом почтового дво-

ра размещался ресторан почётного гражданина города Клина купца Ивана Кузьмича Горшкова. В 1870 г. И.К. Горшков учредил «Дом гостиного содержания» с правом иметь там торговые места, с содержанием фирменного магазина «кондитерских, фруктовых, винных дел» для особ присутственных мест, двора и приезжих¹.

Преуспевающие торговцы, имея средства, открывали производства. Купец II гильдии Василий Григорьевич Орлов в 1886 г. в конце Дворянской улицы основал стекольный завод, на котором производилась аптекарская, химическая, парфюмерная посуда, стеклянные трубки для различных целей, стекло для ламп. Аптекарская посуда поставлялась и в клинскую аптеку. Она находилась в центре города и занимала первый этаж дома В.Г. Орлова. Это здание, построенное в стиле модерн, одно из красивейших в

Торговые ряды, построенные после пожара 1885 г.

Тябликовы не стали оплачивать гильдейские сборы и вышли из купеческого сословия. Судьбы потомков этого рода тесно связаны с послереволюционными событиями. Леонид Васильевич Тябликов, сын Василия Анисимовича, выбрал военную службу. Во время Первой мировой войны он был отправлен во Францию в составе русского корпуса, получил ранение под Верденом, вернулся в Россию. В Гражданскую воевал в Белой армии, ему пришлось эмигрировать во Францию. Леонид женился на французке, своим детям дал русские имена: Вера,

городе. Аптеки здесь уже нет, но до сих пор многие клинчане называют его «аптека».

Основателем другого завода — кирпично-изразцового — был А.И. Тябликов. В ряду известных купцов имя Анисима Ивановича Тябликова (1832–1907) занимает достойнейшее место. Он основатель дела в первом поколении, его дед и отец были ямщиками. Становление кирпично-изразцового производства купца Тябликова происходило в 1885–1893 гг. Этот товар был крайне необходим, поскольку на постройку новых деревянных домов взамен сгоревших в опустошительном пожаре 1885 года требовались стройматериалы. Для облицовки печей и каминов многие горожане использовали изразцы. В фондах Клинского музейного объединения хранятся некоторые образцы того времени. На печных изразцах стоит клеймо завода Тябликова.

После смерти Анисима Ивановича промышленное производство перешло к вдове Анне Егоровне Тябликовой. В 1904 г. было организовано Товарищество братьев Тябликовых, в которое вошли три сына Анисима Ивановича: Иван Анисимович, Семён Анисимович и Аркадий Анисимович. Всего в семье Анисима Ивановича были шесть сыновей: старший Ва-

Дом В.Г. Орлова («Аптека»)

Соня, Борис, Сергей (Серж), Надя. Вначале Леонид Анисимович писал в Клин брату Владимиру Анисимовичу, но, опасаясь подвергнуть риску своих клинских родственников, в 1928 г. прекратил переписку.

Несколько лет тому назад его внучка, французская гражданка, побывала на соревнованиях в Малайзии и там встретила с яхтсменкой из России. Французка рассказала о том, что её дед родом из Клина, и его фамилия Тябликов. Нетрудно догадаться, что русская спортсменка в свою очередь сообщила, что в

Дом купца
А.И. Тябликова
на ул. Ново-
Ямской

**Потомки
А.И. Тябликова
в Клину у дома
прапрадеда**

МГУ работает учёный-физик Владимир Сергеевич Тябликов. Из Франции прислали фотографию братьев Тябликовых, и Владимир Сергеевич в одном из них узнал своего деда Владимира Васильевича. Далее началась электронная переписка. Изучением родословной занялся внук Леонида Васильевича Кристиан, который написал книгу о сложном жизненном пути своего деда Леонида Васильевича Тябликова.

По приглашению троюродного брата, Владимира Сергеевича Тябликова, Кристиан дважды бывал в России, собирал документы и воспоминания. Он знакомился с достопримечательностями столицы, приезжал в Клин, где посетил посвящённую купечеству выставку в Торговых рядах, побывал у родового дома Тябликовых на улице Ново-Ямской, почтил память своего прапрадеда Анисима Ивановича Тябликова, похороненного рядом с церковью иконы Божией Матери «Всех Скорбящих радость». Кристиан сделал глиняный оттиск сохранившегося клейма завода Тябликова, который как драгоценную память о своих предках увёз во Францию. А в краеведческий музей он передал книгу о своём русском деде, написанную на французском языке.

Владимир Сергеевич Тябликов очень трепетно относится к изучению истории своего рода. Начиная с 2013 г. основную часть свободного времени он посвящает исследованиям в архивах, поиску интересных фактов истории семьи купцов Тябликовых. Он узнал, что его дед, Владимир Васильевич, был старшим братом Леонида. Революция и Гражданская война разлучили их навсегда. Леонид так и не смог вернуться из эмиграции (умер в 1981 г.), а Владимир Васильевич большую часть жизни прожил в Клину (в 1965 г. переехал в Москву, умер в 1980 г.), но ни детям, ни внукам почти не рассказывал о прошлом. Это понятно, ведь ему пришлось пережить страшные 1930-е годы. Владимиру Сергеевичу Тябликову стало известно, что брат деда, Сергей Васильевич, погиб в Первую мировую войну. Евгений Васильевич, самый младший брат, был мелиоратором, работал в Туркмении на строительстве Каракумского канала, был награждён.

Потомки купца Тябликова себя называют Васильевичи, Семёновичи, Аркадьевичи. О семье Аркадия — последнего сына родоначальника купеческой династии Анисима Ивановича Тябликова, сле-

дует рассказать подробнее. Аркадий Анисимович Тябликов женился на купеческой дочке Вере Андреевне Кузнецовой, выпускнице клинской гимназии. У них было трое детей: Борис, Валентин и Люба. После революции Аркадий Анисимович продолжал заниматься кирпичным производством, но по воспоминаниям его дочери Любови Аркадьевны, в 1927 г. его арестовали и посадили в клинскую тюрьму, находившуюся на Тихой улице. Жена с маленькими детьми была отправлена на поселение в Сибирь, лишь только хлопоты их родственника Н.В. Орлова помогли вернуть семью в Клин и освободить Аркадия Анисимовича. Он вернулся из заключения больным и вскоре умер.

Сыновья Аркадия Анисимовича в годы Великой Отечественной войны защищали Родину. Старший, Борис Аркадьевич, кадровый военный, офицер, погиб во время Курской битвы. Валентин Аркадьевич, пройдя трудными дорогами войны, вернулся живым. За боевые подвиги он был удостоен нескольких военных наград. Младшая в семье Аркадия Анисимовича дочка Люба в 1936–1938 гг. занималась спортом, была очень активной и жизнерадостной девушкой. Когда началась Великая Отечественная война, она училась в 10 классе. Ещё до прихода немцев в Клин она в числе 14-ти человек по путёвке комсомола работала во Фроловском на лесоповале, потом в клинской типографии². А после освобождения Клина от немецко-фашистских захватчиков ей тоже пришлось много трудиться. Несмотря на то, что семья и отец пострадали, всегда считала, что для народа советская власть сделала очень много.

Кирпичный завод, основанный купцом Тябликовым, продолжал работать, а во время Великой Отечественной войны было налажено ещё и гончарное производство. В послевоенные годы здесь выпускали черепицу и дренажные трубки³. После 1945 г. предприятие переименовали в «Клинский керамический завод», затем в Клинский завод стройдеталей, так как на предприятии кроме кир-

**Потомки
А.И. Тябликова
на открытии
выставки «Клин
купеческий»**

пича производили панели, востребованные в стройиндустрии. В последние годы предприятие остановлено.

Сегодня промыслы и ремёсла начинают возрождаться. В 2013 г. в городе организовано новое производство «Клинская керамика», перенявшее исторические традиции изготовления изразцов. Они идут на оформление православных храмов, фасадов домов, каминов. Клинскими изразцами уже оформлены иконостасы восьми церквей, в том числе в Воскресенском храме, одном из древнейших в нашем городе. На предприятии проводятся экскурсии и мастер-классы «Глинomanия» — это работа с глиной, лепка и роспись керамических изделий.

Потомки Тябликова, живущие в России и за рубежом, люди достойнейшие, многие состоялись как хорошие специалисты в разных профессиях, они с благодарностью и интересом относятся к прошлому своей семьи и России.

Примечания

¹ Юдин В.С. *Край наш Клинский. Клин, 1999. С. 49.*

² Папулова И. *Клинское купечество // газета «Серп и молот» от 18.10.2015 г.*

³ *Очерки по истории Клинского края: по материалам краеведческого марафона «Клину — 685». Клин, 2004. С. 37.*

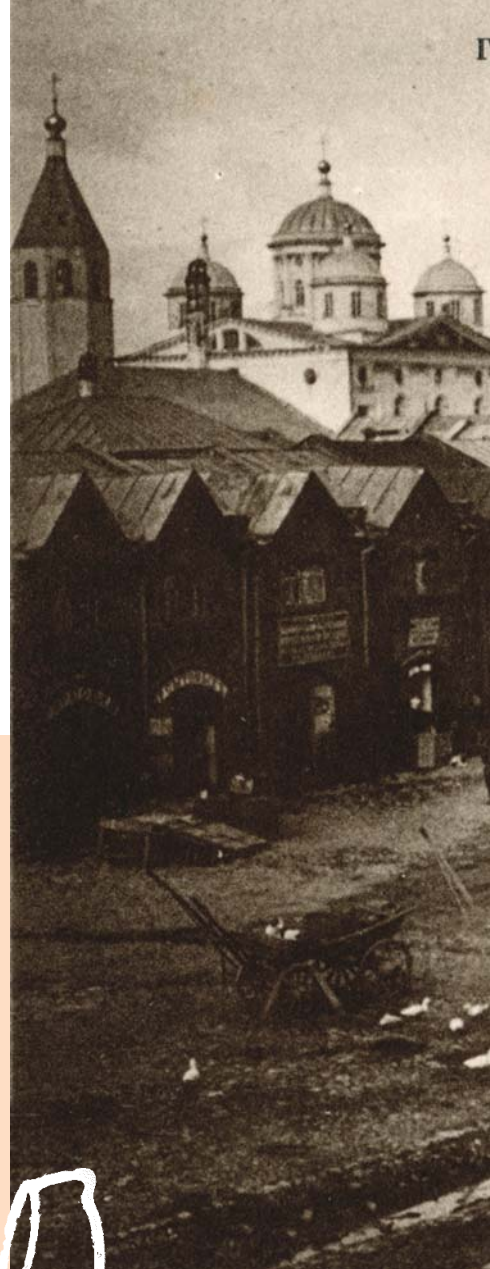
Галина Петровна Петухова, ведущий методист
ТИЦ МАУК «Клинское музейное объединение»
(Клин)

Юбилей

Перелетъ Москва—Петербургъ.
Авіаторъ Васильевъ надъ Клиномъ.

Лев Шамис

Клин. Торговая площадь

К Клинский фотолетописец Василий Андреевич Беликов

Клин
1893 $\frac{25}{X}$ 1900

Складной портативный фотоаппарат
Конец XIX века

Очень трудно без видовых открыток представить облик российских городов начала XX века, отдельные события тех лет, живших тогда людей. При бурном развитии фотодела в начале XX века открытки благодаря тиражам имели куда больше шансов уцелеть в смутные времена, ожидавшие страну.

Для исследования истории Клина видовые открытки города являются не только ценнейшим источником. Достаточно многочисленные фотоиздания (более 100 видов Клина и его окрестностей начала XX в.), по сути, появились в результате деятельности одного человека — купца и издателя Василия Андреевича Беликова.

К сожалению, несмотря на всю значительность его трудов во благо Клина, мы о нём знаем очень немного. Больше неизвестного, чем известного. Нет сведений о годах его жизни, не найдены пока его изображения. В.А. Беликов — «человек в фуляре № 2» (вспомните учителя греческого языка Беликова из рассказа А.П. Чехова «Человек в фуляре»). Если чеховский Беликов — «человек в фуляре № 1» «...прятался от действительной жизни», то наш клинский Беликов пока успешно прячется от потомков (или мы не очень любопытны). Небольшим прорывом стало то, что удалось установить его имя и отчество. В справочнике «Вся Россия» (справочная книга российской промышленности, торговли, сельского хозяйства, представителей общественной, частной и экономической деятельности) за 1911–1912 гг., издание А.С. Су-

ворина, в разделе «Московская губерния» и подразделе «Клин» указаны владельцы промышленных и торговых заведений. В их числе и хозяин магазина писчебумажных и канцелярских принадлежностей «Беликовъ Вас. Андр.»

Описание деятельности В.А. Беликова как издателя клинских открыток опирается на мою коллекцию и, безусловно, не может претендовать на какую-то исчерпанность темы.

В.А. Беликов стал выпускать фотооткрытки (открытки на фотобумаге) в девятисотые годы XIX века. Наиболее ранняя фотооткрытка Беликова (и пока вообще клинская) с клинским сюжетом, имеет почтовый штемпель, датируемый 1902 г. Мне известны четыре фотооткрытки, изданные Беликовым.

Следующим этапом его деятельности стал выпуск открыток, напечатанных типографским способом, причём точно можно сказать, что первые такие открытки появились до 1904 г. (до принятия стандарта Всемирного почтового союза). Тогда на оборотной стороне писали только адрес. Собственно фотография занимает не всё поле открытки, и на свободном месте можно было написать несколько слов письма.

г. Клинь, Моск. губ.

Дворянская ул., съ птичьего полета.

Часовня и биржа
извозчиков

Сколько было выпущено сюжетов-видов до 1904 г., неизвестно, имеющиеся повторяют сюжеты на первых фотооткрытках. Это Троицкий собор, вид от Московского шоссе, Дворянская улица, церковь Успения и река Сестра, дом П.И. Чайковского и его кабинет.

Через некоторое время желание и возможности расширить этот вид деятельности у В.А. Беликова совпали, и он начал более масштабно издавать открытки с видами Клина.

Отдельные виды Беликовым переиздавались неоднократно. Причём сюжеты (виды) «один в один» почти не повторяются. Там, где Беликов повторял сюжет, он, как правило, использовал фотографию с несколько другим ракурсом, и новая открытка несла дополнительную информацию в отличие от её первого варианта.

Открытки выходили сериями, я их условно называю выпусками. Они классифицируются в зависимо-

Дворянская улица с птичьего полёта

сти от шрифта, цвета надписи на открытке, цвета открытки, других признаков. Таких выпусков я насчитал пять. Сколько было открыток в каждом из них, сказать трудно. По-видимому, позже В.А. Беликов предпринял издание нумерованного выпуска клинских открыток. В нём нумерованных открыток было сорок, мною не найдены пока четыре. Судя по использованным шрифтам, его В.А. Беликов издал не менее двух раз. В нём были продублированы ранее выпущенные открытки. Им было издано и несколько сувенирных открыток: «Привет из Клина», «Поклон из Клина» и так называемые «бабочки».

В 1907 г. В.А. Беликов подаёт прошение об открытии книжного магазина и открывает его в Твери (эти сведениями любезно поделился известный тверской исследователь А.Н. Семёнов). Тогда же были выпущены открытки книжного магазина Беликова в Твери. Были изданы 40 нумерованных тверских открыток (точнее 39, одна не найдена) и ещё две сувенирные «Привет из Твери».

Интересно, что в клинском кинематографе (первом в городе), открытом Беликовым в 1907 г., показывали «...сюжеты разные, виды городов и дере-

вень. Местные события каждую неделю новые». Ещё нужно отметить, что в фотоателье (фотографии) Беликова были сделаны десятки, если не сотни снимков клинчан. Думаю, что в клинских семьях ещё хранятся очень качественные фотографии различных форматов («визит-портрет», «кабинет-портрет» и другие на паспарту (многослойном картоне), сделанные в фотоателье В.А. Беликова.

После 1912–1913 гг. беликовские клинские открытки уже не издаются. Почему? Наиболее вероятная гипотеза: именно в эти годы завершился его жизненный путь. Одним из доказательств является то, что фотоснимки Беликова с 1914 г. использует для печатания открыток фототипия Шерер, Наболец и К^о (одна открытка), и, в первую очередь, издательство контрагентства А.С. Суворина. Вероятно, наследники В.А. Беликова продали права на его фотоснимки. Подтверж-

Станция Клин
Николаевской
железной дороги

Троицкий собор

дающим обстоятельством является аналогичная ситуация с тверскими открытками Беликова. Беликовские сюжеты один в один после 1912 г. выпускает издательство контрагентства А.С. Суворина. Но это гипотеза, других весомых фактов, увы, нет.

«Суворинских» однотипных выпусков открыток с клинскими видами было не менее четырёх: в 1912–1913-м, 1914-м, 1916-м и 1917 гг. В каждом выпуске было 18 видов (открыток). Я упоминаю «суворинские» издания, так как анализ показал, что авторство не менее пяти сюжетов-фотографий (из 18) в этих изданиях принадлежит В.А. Беликову.

Фактов из жизни и деятельности Василия Андреевича немного, а отсюда, естественно, много вопросов. Где печатались открытки В.А. Беликова? У него был брат Фёдор Андреевич, имевший типографию в Москве. Я предполагал, что открытки и печатались в

этой типографии. Однако только за 1911–1912 гг. в справочнике «Вся Россия» Фёдор Андреевич указан как владелец типографии, в предшествующие годы (период наиболее активной издательской деятельности В.А. Беликова) среди владельцев типографий, литографий и т.д. он не значится. Очень трудно поверить слух, что расширению деятельности В.А. Беликова способствовала его женитьба.

В краеведческой литературе можно прочитать, что Беликов открыл типографию в Клину в 1862 г. и сдал её в аренду. На мой взгляд, этот факт вызывает сомнение по двум причинам. Первая: Беликову тогда должно было быть не менее 25–30 лет (предполагаемые годы рождения — 1832–1837). Пик его деятельности, по крайней мере, связанный с изданием открыток, приходится на 1904–1911 гг. В этом случае В.А. Беликову было бы более 70 лет, и можно ли было

ожидать от него активности в этом возрасте в таком далеко не простом труде (нет нужды напоминать о «портативности» фотографических аппаратов начала XX века)! Вторая: сдать в аренду типографию по законам того времени было практически нереально.

Что снимал и издавал В.А. Беликов? Круг сюжетов был весьма обширен. Обобщённо можно выделить следующие: городские виды (улицы, примечательные и общественные здания), главные клинские достопримечательности (Троицкий собор, городские торговые ряды), железнодорожный Клин, панорамные виды города, отдельные события (перелёт Петербург – Москва), река Сестра и мосты, окрестности Клина. Думаю, что далеко не всем уездным российским городам повезло иметь такого увлечённого и продуктивного фотолетописца. Безусловно, следует отметить качество и удачные ракурсы большинства снимков В.А. Беликова.

Среди беликовских открыток есть несколько с панорамными видами Клина, часть из них так и подписана «... с птичьего полёта». На мой взгляд, эти открытки таят загадки, заданные Беликовым: непонятно пока, как были сделаны панорамные снимки. Ведь, как известно, «серьёзных» гор возле города нет, а самое высокое здание города — Троицкий собор сам изображён на таком снимке. Был он снят со специально сооружённой башни, аэростата (воздушного шара) или? ...

Открытие железнодорожного сообщения между Петербургом и Москвой в 1851 г. стало для Клина

знаковым событием. Вокзал, железная дорога и всё, что её окружало, стало неотъемлемой частью города, городского пейзажа. В.А. Беликов, конечно же, не мог не запечатлеть виды железнодорожного Клина. Клинский вокзал — в ряду старейших в России. Известный исторический факт: при его сооружении были перепутаны чертежи, и уездный Клин получил вокзал I класса, полагавшийся губернским городам.

Троицкий собор по праву считается одной из главных достопримечательностей Клина. Его соору-

Кабинет
П.И. Чайковского

Дом П.И. Чайковского

жение продолжалось с 1802-го по 1836-й гг. Здание, построенное в стиле классицизма, с треугольными фронтонами, с красивым оформлением окон выглядит величественно.

Наш Клин — признанный культурный центр, куда стремятся приехать музыканты со всего мира. В городе жил и творил гений мировой музыкальной культуры П.И. Чайковский. В числе первых фотооткрыток, изданных Беликовым в начале XX в., дом композитора, его кабинет. Эти беликовские фотооткрытки, вероятно, стали первыми изображениями дома великого музыканта. Открытка с видом деревни Майданово важна потому, что там до покупки усадьбы жил Пётр Ильич. На ней изображена церковь Знамения, построенная в 1772 г.

Городские торговые ряды — уникальный памятник архитектуры XIX в., клинская историческая достопримечательность, объект исторического и культурного наследия федерального значения. Их строили из камня на пожертвования московского и клинского купечества с 1886-го по 1888-й гг. на месте сгоревших деревянных лавок по проекту архитектора, реставратора и общественного деятеля Сергея Константиновича Родионова (1859–1925). В 1885–1889 гг. он служил городским архитектором Клина. Ряды выполнены в псевдорусском стиле из фигурного кирпича с многочисленным узорчатым декором. На первом этаже здания находились торговые лавки, на втором — конторы.

Облик города нельзя представить без реки. Клин на реке Сестре — наиболее точная и ёмкая географическая его привязка. Время идёт, и, как правило, сейчас уже невозможно узнать те пейзажи, которые более ста лет назад снимал В.А. Беликов.

Одним из заметных общероссийских событий начала XX в. был первый авиаперелёт Петербург – Москва. Клинский «след» этого события также отражён на открытке В.А. Беликова. В надпись на ней вкралась ошибка: перелёт не Москва – Петербург, а наоборот.

В клинской фотолетописи В.А. Беликова есть фотографии, имеющие один общий заголовок «Окрестности Клина». Это снимки Высоковска, Демьянова, Петровского и некоторых других мест.

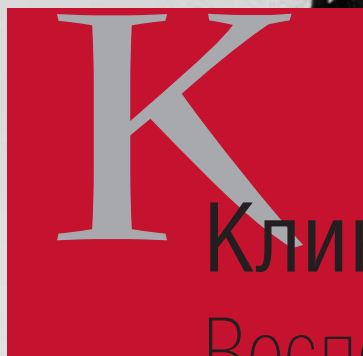
Главной достопримечательностью Высоковска, которую запечатлел В.А. Беликов, была прядильно-ткацкая фабрика «Товарищества Высоковской мануфактуры», которая была основана в 1879 г. Корпуса фабрики в основном были построены к 1883 г. Позднее появились казармы, больница, училище. Моя интуиция подсказывает мне, что впереди новые краеведческие фотонаходки.

Лев Вениаминович Шамис, коллекционер, краевед (Клин)

Открытки из коллекции автора

Перелёт
Москва – Петербург.
Авиатор
Васильев над
Клином

Юбилей

Клин в 1941 году

Воспоминания участников

Московской битвы

Лариса Соловьёва

По материалам фондов Клинского краеведческого музея

В фондах Клинского музейного объединения хранится большое количество

материалов, повествующих о Великой Отечественной войне и Московской битве. Есть фотографии, документы, книги, личные вещи бойцов Красной Армии, элементы снаряжения воинов немецкой армии... Имеются также ценнейшие экспонаты, которые мы не только показываем на выставках, где на них можно не обратить внимания, но и активно изучаем. Это воспоминания непосредственных участников Московской битвы (альбомы, тетради, письма).

Собраны они были ещё Клинским народным музеем в основном в 1960–1970-е гг., когда музей вёл переписку с участниками освобождения Клина (особенно активно она велась в связи с 30-летием битвы под Москвой).

Теперь это уникальные исторические источники. Понимая их важность, сотрудники Клинского музея подготовили и издали сборник «Воспоминания о битве под Москвой». В него вошли около двух десятков статей — это 200 печатных страниц. Воспоминания позволяют глубже изучить события зимы 1941–1942 гг. на Клинской земле.

В основном мемуары представляют собой исписанные чернилами или карандашом листы рукописного текста, хотя есть и машинопись. Их авторы, как правило, офицеры среднего звена или рядовые. Это ведь именно они были на передовой и видели войну в деталях с самого близкого расстояния.

В разных местах встретило бойцов известие о том, что столице нашей Родины Москве угрожает опасность. Кто-то уже в этот момент был в госпиталях.

Из воспоминаний:

«Мы все, как один, с чувством, что вот-вот можем потерять “что-то” для нас близкое и дорогое, плака-

Клин в 1941 году. Воспоминания участников Московской битвы
(По материалам фондов Клинского краеведческого музея)

ли от обиды, а на обходе просили выписать досрочно и рекомендовать в действующую армию...» (Дёмин А.М., участник освобождения Клина).

Это воспоминания, отражающие как оборону Клина (подробно описаны действия 17-й кавалерийской дивизии и истребительного батальона Б.Я. Левина), так и освобождение города (описываются действия 371-й, 379-й, 348-й стрелковых дивизий, 8-й танковой бригады). Клин находился на правом фланге обороны Москвы, он неоднократно подвергался бомбардировкам немецкой авиации. Не исключалась возможность

Аркадий Михайлович Дёмин

Воспоминания А.М. Дёмина

высадки десантов врага. Летом 1941 г. был создан клинский истребительный батальон, задачей которого была охрана городских учреждений, патрулирование улиц, борьба с диверсантами и вражеским десантом. Командиром был назначен Б.Я. Левин. В ноябре 1941 г. отряду пришлось удерживать наступление врага со стороны деревни Ямуги. Батальонный комиссар погиб смертью героя в бою при обороне Клина.

Из воспоминаний В.М. Тимошенко о Б.Я. Левине.

«Это был кадровый офицер, одетый в форму внутренних войск МВД. У меня с первых дней сложилось хорошее впечатление о командире Б.Я. Левине. Он полностью отдавал себя службе, и с ним легко было решать вопросы, стоящие перед батальоном. Кстати сказать, что в то время только Борис Яковлевич был одним военнотружущим в истребительном батальоне. Личный состав состоял в основном из коммунистов и комсомольцев. Большинство из них — это молодые люди, которые служили в батальоне без отрыва от производства. Каждый горел желанием внести свой вклад в оборону г. Клина и Москвы, но им не хватало военных знаний. По указанию Б.Я. Левина мною был разработан учебный план и расписание занятий с личным составом батальона. Таким образом, наряду с круглосуточным дежурством по обороне г. Клина, в истребительном батальоне проводились занятия по изучению военного дела, как-то: строевая подготовка, стрелковая подготовка, тактическая подготовка, изучались уставы. Особое значение придавалось полити-

Воспоминания о войне. Записки участника
в боях за Москву.

Александр Ч. Перисовский, урядов баша Красная Армия перешло в
капустники В Пскове капустники 1-ой УА освобождения Издана, Клин,
Перова Светлара, армию турки к Лотошину, встретили брест на
взрывательными минами, франц отлеталики сопротивлялись противника
Лотошину. Три отряда к месту брест канал Москва-Волга, Издана
на брест в мосты ледки легкой кавалерии танк. Францки. Ново-
браница Вадеросовский у. кезе, Я. Тотте Издана, в Кабинку (Севе).
Урадев Оросейские эскадроны, кавалеры про себя турки, это отряды
эскадроны, по-видимому, отряды из всей кавалерии францискской бригады
Своей кавалерией с Севера на Москву, урадев перешел брест
канал и встретил кавалерией Тотте в кавалерийской кавалерии, с
которой противник не ершил, больше им шло вперед.

Взвездой армии турки Издана, в которую предпринималось
Часть им освобождать брест армии в окружении Клина с юга...
Ка кавалерийской армии кавалерии своим францискской бригады Чубан
и 56-го ... на Михайловское, А.Косинка ...

Минию, кавалерия Чубан в освобожденном городе, кавалерия Чубан
15.11. Ледки Издана им. Издана брестки турки, это
танк в мосты ледки. Но освобождения кавалерии францискской
им. П.И. Издана. Издана с кав. кавалерии кавалерии
Ледки, освобождения кавалерии и освобождения кавалерии ... В
эти брест танк францискской бригады кавалерии Издана,
с которой танк Издана с кавалерии освобождения кавалерии
в бригаду.

Чубан, освобождения кавалерии. Противник решил держаться
за второй пункт Издана (Лотошину), за кавалерии кавалерии.
Окон, кавалерии, кавалерии. У кавалерии, кавалерии и кавалерии. Отлеталики
Издана, турки кавалерии все кавалерии. Издана кавалерии, кавалерии кавалерии
урадевский. Светлара Издана. Издана кавалерии. В это время кавалерии
кавалерии на месте танк. Издана турки и кавалерии кавалерии,
Светлара в этот же кавалерии танк кавалерии кавалерии кавалерии
кавалерии, Светлара кавалерии и кавалерии в свои кавалерии кавалерии
Светлара кавалерии - кавалерии.

Ноги кавалерии кавалерии, кавалерии, кавалерии ... Издана.
Издана кавалерии кавалерии, это кавалерии кавалерии кавалерии, кавалерии
в танк на кавалерии ее кавалерии. У кавалерии в кавалерии кавалерии
кавалерии кавалерии. Решили кавалерии Издана кавалерии кавалерии
Вот кавалерии кавалерии кавалерии кавалерии кавалерии кавалерии кавалерии
братаном. Кавалерии кавалерии, кавалерии кавалерии кавалерии кавалерии
танк кавалерии кавалерии кавалерии кавалерии кавалерии. Кавалерии
отлеталики Издана кавалерии кавалерии

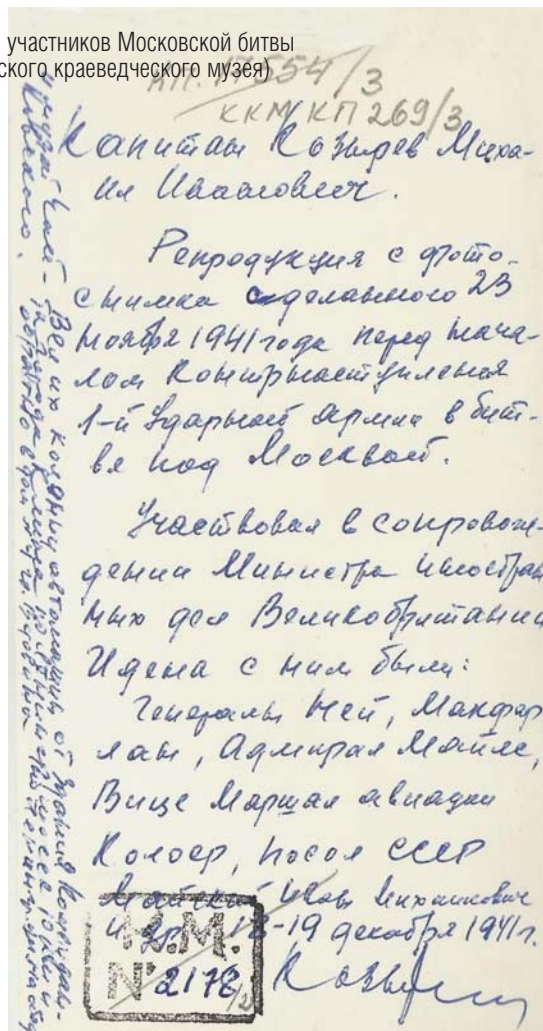
Мая в кавалерии и кавалерии им кавалерии кавалерии кавалерии
Ледки кавалерии кавалерии Издана, кавалерии кавалерии кавалерии
кавалерии кавалерии Издана кавалерии. Издана кавалерии кавалерии кавалерии
Светлара кавалерии, кавалерии кавалерии - это кавалерии кавалерии, кавалерии
и кавалерии кавалерии кавалерии - в брест, а кавалерии кавалерии кавалерии
кавалерии кавалерии кавалерии

21444/Светлара.
41. Издана, 91.8
Дёмин Ар. Клин
десант 1942

Ветран Великий Издана
Кавалерии кавалерии Издана

А. Иден на Московском вокзале
15 декабря 1941 г.

Михаил Иванович Козырев

Оборотная сторона фотографии М.И. Козырева

щения. Мы были вооружены винтовками, но патронов было мало, на каждого бойца по 2 гранаты и несколько бутылок с горючей жидкостью.

Командир батальона, комиссар Левин Б.Я., был в центре наших позиций. Части нашей армии отступали, и нам было приказано: задержать врага на сколько возможно будет, чтобы обеспечить организованный отход наших войск на новые позиции. Для этого была выделена часть регулярных войск, в стогах сена были замаскированы два наших танка. Меня послали в разведку к деревне Бирево, где уже был враг. При подходе к нашим рубежам фашисты обстреляли наши позиции, бомбили. Советские танки сделали несколько ответных выстрелов, но их подбили. Немцы были на танкетках, мотоциклах. Бой был неравным, но мы выполнили приказ: задержали продвижение врага...»

Из воспоминаний Александра Ивановича Ильина (участник освобождения Клина), связанных непосредственно с освобождением города:

«Сражение 14.12.41 г. за изгнание немцев из г. Клина, в целом уничтожение немецкой группировки в Клину. Полк 1229, 371 стр. д. первый ворвался в г. Клин с северо-восточной стороны. В полку батальон под ком. Потураева М.И. был головным. С возвышенности вели стрельбу из отдельной артбатареи до тех пор, когда немцам нельзя уже передвигаться по шоссе, с подходом стрелковых батальонов к шоссе артогонь был прекращён. Личный состав батареи, оружейные расчёты, бойцы были мною организованы идти в атаку с батальоном т. Потураева. Таким образом, боевые действия 371 стр. дивизии не раз были отмечены командующим 30 армии. Являюсь участником освобождения г. Клина от немецких захватчиков...»

У кого-то воспоминания лаконичные, сухие, ограничивающиеся перечнем дат, цифр и названий населённых пунктов, а кто-то описал события и свои переживания художественно, хорошим литературным языком.

Из воспоминаний Афанасия Михайловича Дёмина (участник освобождения Клина):

«Декабрь 41-го. Подмосковье, суровая зима. Красная Армия перешла в наступление. В полосе

наступления 1-й Ударной Армии освобождены Яхрома, Клин, Теряева Слобода, армия подошла к Лотошино, встретив здесь на оборонительном рубеже «Лама» ожесточённое сопротивление противника. Запомнилось. При спуске к мосту через канал Москва – Волга у Дмитрова на боку в кювете лежал лёгкий немецкий танк. Новички-новобранцы задерживались у него, я тоже заглянул в кабину (люк). Увидев брошенные экипажем доспехи, про себя подумал, что этому экипажу, по-видимому, одному из всей немецко-фашистской группировки войск, наступавшей с севера на Москву, удалось перескочить через канал и достичь наивысшей точки в ноябрьском наступлении, с которой противник не сделал больше ни шага вперёд».

Многие участники освобождения Клина запомнили этот день — 15 декабря. Он был морозный, на улицах лежал глубокий снег, техника буксовала на дороге, утопали в снегу лошади. Тогда части 30-й и 1-й Ударной Армии вошли в Клин. Каким они увидели город?

Из воспоминаний:

«Это заклеенные крест-накрест окна домов, заснённые снегом дворы, обгоревшие трупы бойцов, около заборов — стулья, ведра, самовары, тазы, чугуны — всё это награбленные вещи, которые фашисты побросали во время панического бегства из города... это разрушенное железнодорожное депо, водонапорная башня, изуродованные дома, пострадавший Дом-музей П.И. Чайковского, поломанная

Кто не смог работать из персонала, все кто приехал в деревнях кто куда уехал.
Враг Рабакова А.И.
работала на свое усмотрение ни кто ее не обдзавал и вей пришлось нам оставшему персоналу работать и справлять раны бойцов. Все ихнее обмундирование и оружие которое при них было прекрпачи Гойца очень волюбовалась когда пришли немцы на помощь Террейермо мы их не брели, гойца не так замечено, гойца Гойца

Они все время интересовались как на фронте и убеждали нас что скоро немцы в походы, только бы не воевали нас и вас, гойца вы ухаживаете за ранеными. Свету не было в буче сумам с контюшкай это музирек с Керасином и гитлик, а к болонному ногою ногодали так. Сухое и алени рестоми на лугоу зацитаем от контектке и идем к болонному Б-касе все лежали в шкесе цыквал Гносим и туриме, мы гойца едени мы приносим и гойца шател с свешиков и засохшая трава они приносим

Воспоминания
Е.М. Никитиной

мебель, разбросанные ноты и осколки битого стекла, ... на Ленинградском шоссе сотни подбитых вражеских автомашин, мотоциклов, танков, орудий...» (Павел Ильич Коновалов. Оперуполномоченный особого отдела 348-й стрелковой дивизии).

Афанасий Михайлович Дёмин пишет: «Помню, как колонна 46-й в освобождённый город вошла утром 15.12. Лежал глубокий снег. На дороге буксовала техника, утопали в снегу лошади. Мы остановились напротив Дома-музея им. П.И. Чайковского. Я побывал в нём. Увидел поломанную мебель, разбросанные ноты и осколки битого стекла...»

Остался в памяти и визит министра иностранных дел Великобритании А. Идена и посла СССР в Англии И.М. Майского в Клин (19 декабря). Ярко об этом дне написал гвардии полковник в отставке Михаил Иванович Козырев, который был в числе сопровождавших иностранную миссию, которую возглавлял Иден:

«Встретил я их у здания коменданта города. Колонна в количестве десяти легковых автомашин переправилась по льду через реку Сестру и остановилась. Генерал Захватаев Н. — начальник штаба нашей армии подзвал меня и дал указание ведущей машиной вести колонну по городу и далее по Ленинградскому шоссе. Я вёл её по указанному маршруту, останавливались в местах только что минувших ожесточённых боёв, где было разбито огромное количество военной техники — танков, орудий, миномётов

и уничтоженных гитлеровских войск. Генерал Захватаев давал Миссии пояснения. После осмотра поля боя возвратились в Клин, в домик Вдовина, который не был разрушен, Ленинградская ул., 4.

В этом домике обогрели и покормили гостей...» После обеда состоялся осмотр Дома-музея П.И. Чайковского.

К воспоминаниям М.И. Козырева прилагался фотоснимок, сделанный перед началом контрнаступления нашей 1-й Ударной армии под Москвой, где Козырев М.И. снят в той форме, в которой участвовал в сопровождении А. Идена. В фондах музея хранится и фотография А. Идена, сделанная в 1941 г. Вот как о ней вспоминала краевед М.А. Полётова:

«Эта фотография, как мне по телефону сообщил И.М. Майский, уникальная, нигде не иллюстрировалась. И, конечно, должна представлять ценность, только, как исторический документ, отражающий декабрьские события 1941 г., которые коснулись и нашего с Вами дорогого Клинского района. Иден на вокзале — на фоне вагонов с обледенелыми крышами. Так и представляешь себе Москву декабря 1941 г., всю серьёзность обстановки того времени, всю ответственность, которая легла на всех людей, имеющих отношение к приезду этой миссии...»

Среди воспоминаний есть и новые материалы. До сих пор мы поддерживаем связь с некоторыми из родственников участников битвы под Москвой. В 2016 г. поступили сведения, связанные с работой

Евдокия Матвеевна Никитина

медперсонала Зубовской больницы, единственной оставшейся работать в оккупации в ноябре–декабре 1941 г. (комплекс Евдокии Матвеевны Никитиной). Медперсонал этой больницы, рискуя своей жизнью, в тяжёлых условиях, при отсутствии самых необходимых медикаментов, располагая минимальным запасом продовольствия, спасал жизни раненых бойцов.

Из воспоминаний Е.М. Никитиной:

«Нам, оставшемуся персоналу, пришлось работать и скрывать раненых бойцов. Всё их обмундирование и оружие, которое при них было, перепрятали. Мы их не брили, чтобы не так заметно было, что это бойцы... Свету в больнице не было, сидим с коптишкой, это пузырёк с керосином и фитилёк, а к больному ночью подходили так. Сухое полено расколом на лучину, зажигаем от коптелки и идём к больному. Больные все лежали в гипсе и с шинами. Просили и курить, мы приносили, что могли им, приносили и даже листья с веников и засохших трав, они просили...»

В воспоминаниях указываются некоторые фамилии лежавших в госпитале на тот момент бойцов (Кузнецов, Свешников, Шахов).

Из воспоминаний Е.М. Никитиной:

«...У нас лежал раненый боец Шахов, звать не помню, он быстро поправился, ... был очень наблюдательный, если летит самолёт, он знает по гулу (различал) наш или немецкий...»

Когда 1-я Ударная Армия вошла в посёлок Зубово, медперсонал попросил забрать у них тяжелораненных больных, чтобы оказать им более квалифицированную помощь.

Из воспоминаний Е.М. Никитиной:

«...Прислали проверочную бригаду и сказали, какие раненые, по плану здесь госпиталя не должно военного быть. Проверили, опросили самих раненых, как спасали, как относились врач, сестра, няни, у населения сверялись, а после нам из Первой Ударной Армии была прислана благодарность за спасение раненых...»

Это только лишь небольшая часть воспоминаний, отражающих период битвы под Москвой, они являются для нас ценнейшим источником, рассказывающим об одном из главных событий в истории Клина — его освобождении от немецко-фашистских захватчиков.

Материалы о Московской битве, хранящиеся в МАУК «Клиское музейное объединение»

ККМ КП 269 (1–4) — Комплекс материалов о пребывании в декабре 1941 г. в Клину дипломатической миссии Великобритании и США. 1 — Машинопись интервью бывшего посла СССР в Англии, академика И.М. Майского поисковой группе больницы № 64 г. Москвы. Москва, 17 мая 1973 г. 2 л.

2 — Письмо гвардии полковника в отставке М.И. Козырева директору Клинского краеведческого музея с воспоминаниями о пребывании в Клину дипломатической миссии Великобритании и США. Москва, 25.11.1973 г.

ККМ НВФ 572 (1–5) Материалы о пребывании А. Идена в Клину 19 декабря 1941 г.

5 — Письмо М.А. Полётовой секретарю ГК КПСС с пояснениями о поисках материалов по пребыванию иностранной миссии в Клину 19 декабря 1941 г. Москва, 24.05.1973 г.

ККМ НВФ 578/2 — Письмо А.И. Ильина, в 1941 г. политрука отдельной артбатареи 1229 сп 371сд., в Клинский краеведческий музей с рассказом об участии в боях за г. Клин. Пермь, 1975 г. 2 л.

ККМ НВФ 566/1 — Воспоминания П.И. Коновалова «Разгром гитлеровских орд под Москвой». г. Волгоград. 28.09.1966 г. 58 л.

ККМ НВФ 601/10 — Воспоминания В.М. Тимошенко «Героический подвиг» (о Б.Я. Левине). г. Клин. 1975 г. 22 июня. 3 л.

ККМ НВФ 601/11 — Воспоминания М.И. Вдовина, бойца истребительного батальона в ноябре 1941 г. 26 мая. 1977 г.

ККМ НВФ 1429 — Воспоминания А.М. Дёмина «Полувековая память о боях за Москву». г. Смоленск, декабрь 1992 г. 2 л.

ККМ НВФ 1664 — Фотокопия. А.М. Дёмин. 46-я отдельная стрелковая курсантская бригада. Бывший командир взвода ННС батальона подполковника Супруна. Участник разгрома немцев под Москвой (на территории Клинского, Волоколамского и Шаховского районов). 1941 г.

ККМ КП 269/3 — Фотокопия. М.И. Козырев Подмосковье. 1941 г.

ККМ НВФ 578/1 — Фотокопия. А.И. Ильин (политрук отдельной артбатареи 1229-го стрелкового полка 371-й стрелковой дивизии. 1941–1943 гг.

ККМ НВФ 572/3 — Фотокопия. А. Иден, министр иностранных дел Великобритании. г. Москва, декабрь, 1941 г.

Лариса Валентиновна Соловьёва,

главный хранитель МАУК «Клиское музейное объединение» (Клин)

100

100 лет с краеведением

Владимир
Иванович Энский

Клинская центральная районная библиотека в 2018 году отметит своё столетие. Созданная на основе библиотеки-читальни Клинского комитета Попечительства о народной трезвости, она стала частью истории города.

Улица Ленина
1934 г.

выдавать их только внёсшим деньги на их выписку, по очереди, устанавливаемой самими членами Товарищества. По истечении срока, указанного Товариществом, журналы поступят в распоряжение библиотеки для общего пользования»³.

С первых лет своего существования Клинская центральная уездная библиотека формировалась как центр местного краеведения. Изучением истории Клинского края и продвижением краеведческих знаний занимались наши замечательные земляки: один из первых заведующих районной библиотекой Антон Капитонович Флёров (1867–1943), Владимир Иванович Энский (1900–1984), Виктор Васильевич Сорокин (1910–2006).

Уроженец города Кологрив Костромской губернии, выпускник Культпросветинститута В.И. Энский поселился в Клину в 1925 г. В 1928 г. Владимир Иванович заведовал Клинской центральной уездной библиотекой.

О читательских предпочтениях клинчан в 1928 г. писала газета «Серп и молот»: «Библиотека открыта 4 дня в неделю. Наплыв бывает иногда громадным <...> Что читают? На первом месте стоит беллетристика <...> Молодёжь до 16 лет требует приключенческой литературы. Свыше 18 интересуется особенно Гражданской войной. «Старички» берут преимущественно литературу дореволюционного времени <...> Юмористические вещи Зощенко и Романова П. не пользуются успехом у комсомольской молодёжи, зато нарасхват берутся интеллигенцией нашего города»⁴.

Атмосферу суровой действительности первых послереволюционных лет и Гражданской войны наглядно иллюстрируют документы 1917–1921 гг.: «В Упродком. Согласно заявлению библиотекаря Клинской Центральной библиотеки, Архангельской А.И., Клинский Уполитпросвет просит означенной гражданке одну пару ботинок, ввиду её критического положения, потому, что не может посещать службу, чем крайне тормозит работу Центральной библиотеки»¹. «В Экономический отдел. Уполитпросвет просит отпустить для читальни Центральной библиотеки 2 электрические лампы в 50 свечей»².

В 1924 г. на страницах газеты «Серп и молот» центральная библиотека выступила с необычной инициативой: «Клинская Центральная библиотека предлагает организовать Товарищество по совместной выписке журналов и принимает на себя обязательство

В.И. Энский «был необычайно одарённым от природы человеком: «заболел» краеведением, он с удовольствием начал собирать какие-то документы и предметы быта жителей Клинского уезда»⁵, — писала его внучка Ольга Энская. Своей любовью к краеведению он заразил и будущего известного московеда и библиографа В.В. Сорокина. Известный краевед, родившийся в деревне Борозда Клинского уезда, в своей автобиографии написал: «В 1929 году я окончил девятилетку с общественно-педагогическим уклоном и с библиотечной специальностью <...> Я стажировался в 1928 году в Центральной клинской библиотеке, куда в летнее время из бабушкиной деревни ходил работать. Директором клинской библиотеки был педагог Владимир Иванович Энский, человек увлечённый историей местного края. Он и заразил меня изучением клинских памятных мест и его уезда. Предполагалось создать в Клину краеведческий музей. Началась работа по сбору исторического материала»⁶.

В.И. Энский и группа его единомышленников работали над проектом городского краеведческого музея, подбирали для него материалы, уцелевшие в семьях клинчан-старожилов.

Великая Отечественная война нарушила планы. В период оккупации в Клинском районе в ноябре–декабре 1941 г. было уничтожено более 100 тысяч книг⁷. «Немецкая армия в дни хозяйничания в нашем городе оставила свои следы: книжный фонд [районной библиотеки] из 15 000 книг был почти весь растащен, порван, ценные книги смешаны с грязью и снегом <...>»⁸.

Районная библиотека была почти полностью уничтожена. Особенно пострадали отделы художественной литературы, истории, точных наук, детской литературы. Была утрачена и краеведческая коллекция.

После освобождения города сотрудники центральной районной библиотеки старались восстановить фонды своими силами. Им удалось собрать около 6 000 книг. Закупалась новая литература. В конце 1942 г. была выделена 21 передвижка — библиотека на колёсах — с общим количеством 1500 томов, из них 15 передвижек обслуживали колхозников района. Детским отделением проводилось по 15–20 массовых мероприятий в месяц.

Условия работы были суровыми. 16 ноября 1943 г. «Серп и молот» сообщал: «Наступила зима, а по воле Горсовета и РОНО для работников районной библиотеки и её посетителей всё ещё продолжается лето. Все сроки прошли, но до сего времени никакого ремонта не произведено. Печи неисправны, зимние рамы не остеклены, в дверях щели, штукатурка осыпалась. ГК ВКП(б) и исполкому райсовета надо заставить Горсовет и РОНО создать в библиотеке условия для нормальной работы»⁹.

Вплоть до 1949 г. она была «неблагоустроена» и не удовлетворяла «полностью потребностей читателей»¹⁰.

Эти проблемы могло разрешить только строительство нового здания. 25 марта 1949 г. на заседании исполкома Клинского горсовета было принято решение о проекте планировки и застройки двух

Бывшее здание
Клинской уездной библиотеки
на улице Ленина

Виктор
Васильевич
Сорокин

свободных участков в центре Клина: угол Советской площади и Ленинской улицы и угол Советской площади и Красной улицы. На первом этаже одного из трёхэтажных домов планировалось поместить районную библиотеку с отдельным читальным залом¹¹.

В послевоенные годы центральная районная библиотека по-прежнему оставалась в авангарде краеведческой работы района. В 1947 г. решением исполкома Клинского районного совета депутатов трудящихся было учреждено Общество краеведения. Одной из его главных целей было продвижение и распространение краеведческих знаний среди населения. В состав Оргбюро общества вошёл заведующий районной библиотекой Василий Константинович Буланов¹².

В середине 1950-х гг. Виктор Васильевич Сорокин выступал с лекциями перед клинчанами-краеведами, участвовал в обследовании Клинского района в его старых границах. Зачастую приходилось останавливаться на ночлег в деревнях. «Я делал фотографии, — вспоминал В.В. Сорокин. — При выемке глины для кирпичного завода в двух котлованах были обнаружены останки мамонтов, и я имел счастье и радость заниматься их извлечением <...>»¹³.

В.В. Сорокин всю жизнь проработал библиографом в научной библиотеке МГУ и до глубокой старости отдавал всего себя любимому делу — краеведению и москвоведению. Много лет В.В. Сорокин печатался в журнале «Наука и жизнь». Первый его очерк был опубли-

Встреча с режиссёром Евгением Голынкиным

День науки.
Выступает Артём Оганов

Тотальный диктант

Заседание краеведов

ликван в первом номере за 1963 год. Рубрику «Москва историческая» в журнале В.В. Сорокин вёл долгие годы. Московед В.В. Сорокин — автор книг «По Москве исторической» (2006) и «Белый город» (2008).

Трудами педагогов-подвижников и библиотекарей-краеведов в Клину в 1963 г. открылся краеведческий музей. «В.И. Энский по достоинству получил в нём должность учёного секретаря, так как являлся одним из его основателей»¹⁴.

В 1952 г. районную библиотеку возглавила Евгения Ивановна Солодова. В 1975 г., когда государст-

венные массовые библиотеки Клинского района были объединены в Централизованную библиотечную систему (ЦБС), она же возглавила Клинскую ЦБС.

Десятилетиями районная библиотека кропотливо собирала публикации и издания о городе, служила информационной базой для краеведов, а последние десять лет сама активно включилась в исследовательскую работу, а также объединила вокруг себя краеведов, исследователей, завязала тесные партнёрские отношения с членами Клинской районной организации Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. За эти годы собран обширный материал по истории библиотечного дела в районе, установлено, что одна из первых народных библиотек в Московской губернии была открыта в 1894 г. в деревне Некрасино. Издана книга «К истокам: история библиотечного дела в Клинском крае» (2008).

К юбилею Отечественной войны 1812 года изучение велось по трём направлениям: первое — о военных подразделениях и военных действиях, связанных с клинскими местами, так как в деревне Давыдково Клинского уезда в сентябре–октябре 1812 г. располагалась база армейского партизанского корпуса под командованием генерал-адъютанта барона Ф.Ф. Винцингероде.

Второе направление — сбор информации о военных деятелях, служивших в корпусе Винцингероде, а также тех, чьи усадьбы располагались в Клинском уезде. Это известные герои Отечественной войны

1812 года: Д.В. Давыдов, А.С. Меншиков, А.А. Алябьев, Ф.В. Назимов, В.Г. Пяткин, М.А. Фонвизин, С.Г. Волконский, Н.А. Волков, А.А. Челищев, В.Г. Глазенап, П.П. Алмазов. Третье — о клинчанах — участниках войны. Вся эта новая информация была обобщена и представлена пользователям.

Проведена большая исследовательская работа о жизни и творчестве Варлама Шаламова в посёлке Туркмен ныне Клинского района. В этой работе выстроены тесные партнёрские взаимоотношения с сотрудниками сайта Шаламов.ru., Вологодским Шаламовским домом и биографом писателя В. Есиповым. Результатом сотрудничества стала краеведческая конференция «Шаламов и Клинский край», регулярные Шаламовские чтения.

Впервые изучена тема взаимосвязей М.М. Пришвина и Клинской земли в период его службы земским агрономом, его огромной просветительской работы среди крестьян.

За эти годы районная библиотека стала организатором и площадкой многих краеведческих конференций: «От Клина до Берлина», посвящённой 70-летию Победы в Великой Отечественной войне; «На северо-западе от Москвы» — к 75-летию освобождения Клина от немецко-фашистских захватчиков; «Клин: древние страницы», посвящённой 700-летию Клина. И многих, многих других.

Ещё одной формой продвижения краеведческих знаний библиотекой стали экскурсии.

Впервые разработана экскурсия «Клин глазами Варлама Шаламова». В ходе экскурсии рассказывается о жизни и творчестве писателя до его приезда в посёлок Туркмен в 1954 г. Далее просмотр фильма «Канун возвращения в жизнь», созданный библиотекой, о пребывании В.Т. Шаламова на Клинской земле в 1954–1956 гг. и прогулка по центру города. Особое место в экскурсии уделено отцу писателя — Тихону Николаевичу Шаламову, священнику, который в 1893–1904 гг. служил в Североамериканской православной епархии под неусыпным вниманием и заботой епископа Алеутского и Североамериканского Тихона, будущего патриарха Московского и всея Руси. Завершается экскурсия у храма Святителя Тихона.

Одна из самых популярных экскурсий, разработанных библиотекой, «Клин. 1941», раскрывает историю событий Великой Отечественной войны во взаимосвязи с улицами и зданиями города.

Безусловно, всю современную разностороннюю, обширную исследовательскую работу по краеведению в библиотеке делают люди. Но главным специалистом в этой области, с заслуженным авторитетом в районе является Галина Владимировна Митькина. Именно она кропотливо собирает историю событий, фактов, личностей в долгой 700-летней истории нашего города.

Молодое поколение библиотекарей подхватывает эту эстафету, перерабатывает информацию с использованием новых информационных технологий и представляет пользователям. И вот уже экскурсии

по городу можно услышать в аудиоверсии на платформе izi.travel.

Приближаясь к своему столетию, Клинская центральная районная библиотека входит в новый этап своей деятельности, став участником областного проекта «Перезагрузка» библиотек Подмосковья. История продолжается... И как бы она ни складывалась, краеведение будет занимать достойное место в её деятельности.

Примечания

¹ ЦГАМО. Ф. 4307. Оп. 1 Д. 84.

² Там же.

³ Флёров А. Давайте коллективно выписывать газеты и журналы // *Серп и молот*. 1924, 20 декабря. С. 4.

⁴ В очереди за книгами // *Серп и молот*. 1928, 10 мая. С. 3.

⁵ Энская О. *Время не ждёт...: стихи и проза*. Клин, 2016. С. 24.

⁶ *Краеведы Москвы*. Вып. 1. Московский рабочий, 1991. С. 275.

⁷ Протокол № 6 заседания исполнительного комитета Клинского райсовета депутатов трудящихся от 5 февраля 1947 г. // Архивное управление администрации Клинского муниципального района. Ф. 1. Оп. 1. Д. 48. Л. 47, 53–54.

⁸ Захарова А. Растёт число посетителей библиотеки // *Серп и молот*. 1942, 25 марта. С. 1.

⁹ Васильев А. Забыли о библиотеке // *Серп и молот*. 1943, 16 ноября. С. 2.

¹⁰ Отчёт о работе исполкома райсовета, горсовета и отделов за 1949 г. // Архивное управление администрации Клинского муниципального района. Ф. 1. Оп. 1. Д. 98а. Лл. 91–92.

¹¹ Протокол № 11 заседания исполнительного комитета Клинского горсовета депутатов трудящихся от 25 марта 1949 г. // Архивное управление администрации Клинского муниципального района. Ф. 1. Оп. 1. Д. 84. Лл. 67, 68.

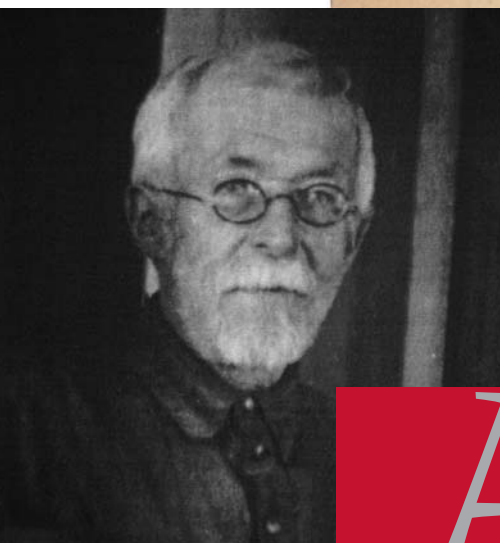
¹² Протокол заседания исполнительного комитета Клинского райсовета депутатов трудящихся от 8 июля 1947 г. № 43 // Архивное управление Администрации Клинского муниципального района. Ф. 1. Оп. 1. Д. 51. Л. 81, 89.

¹³ *Краеведы Москвы*. Вып. 1. Московский рабочий, 1991. С. 281.

¹⁴ Энская О. *Время не ждёт...: стихи и проза*. Клин, 2016.

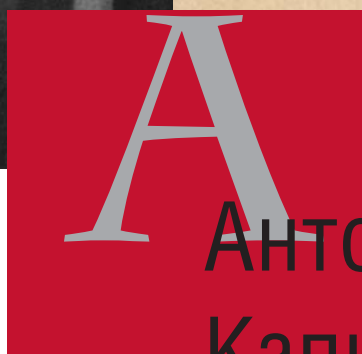
Ирина Викторовна Овчинникова, директор Муниципального бюджетного учреждения культуры «Клинская Централизованная библиотечная система» (Клин)

Юбилей

Антон
Капитонович
Флёров

Галина Митькина

АНТОН КАПИТОНОВИЧ ФЛЁРОВ —

библиотекарь и журналист: к 150-летию со дня рождения

«Жизненные трудности не изменили и не запятнали души этого человека. До конца жизни она оставалась необычайно светлой, юношески чистой, полной веры в жизнь, в будущее людей. Этот человек с интереснейшей биографией, имевший немалые заслуги, не раз награждённый за работу, отличался необычайной скромностью, трудолюбием, исключительной честностью в самом широком понятии этого слова»¹.

Эти слова — об Антоне Капитоновиче Флёрове (1867–1943), талантом, подвижничеством и неутомимым энтузиазмом соединившим в летописи культурной жизни Клина Центральную уездную библиотеку, газету «Серп и молот» и Государственный дом-музей П.И. Чайковского. Антон Капитонович Флёров, один из первых заведующих Центральной уездной библиотекой, прожил долгую, исключительно деятельную жизнь.

Он родился в июле 1867 г. в городе Юрьевец-Повольский Костромской губернии в семье бухгалтера уездного казначейства. Окончил костромскую классическую гимназию, ярославский Демидовский юридический лицей, получил специальность статистика. Современники запомнили Антона Капитоновича как человека высокообразованного, владевшего несколькими иностранными языками.

В Дом-Музей П.И. Чайковского

блв. сестрорецкая Дом-Музей Чайковского
Флёрова А.К.

Заявление

Ввиду предстоящего воссоздания Д.М.З. по плану модернизации мне работу

я уже выполняю в Музее с 6 декабря 1937г. до 21 июля 1941г. Моя автомобиль-
график, отсюда подсобный, находится в делах Музея.

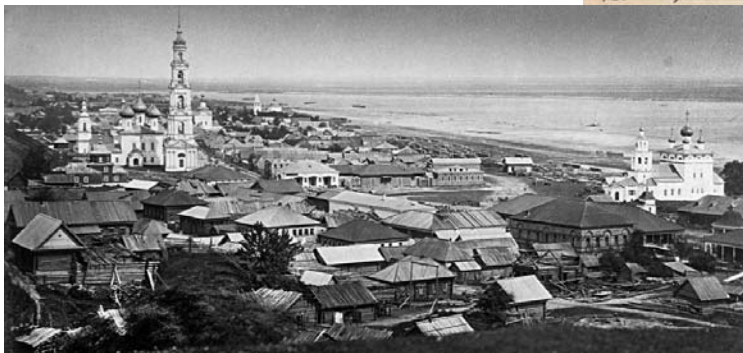
Мой адрес: г.Клин Сестрорецкая ул. д.41

28/1941г
/хн

А. Флёров

А.К. Флёров.
Заявление
в Дом-музей
П.И. Чайковского

Антон Капитонович Флёров — библиотekarь и журналист:
к 150-летию со дня рождения

Юрьевец-Повольский
1903 г.

А.К. Флёров.
Автобиография

Трудиться Флёров начал с 16-ти лет. «После смерти матери нас осталось пять человек детей, но отец изо всех сил бился, чтобы дать нам, детям, образование. Я кончил курс ученья в гимназии. С 16 лет я стал давать уроки и настолько успевал в этом деле, что содержал себя и даже помогал отцу»², — вспоминал Антон Капитонович.

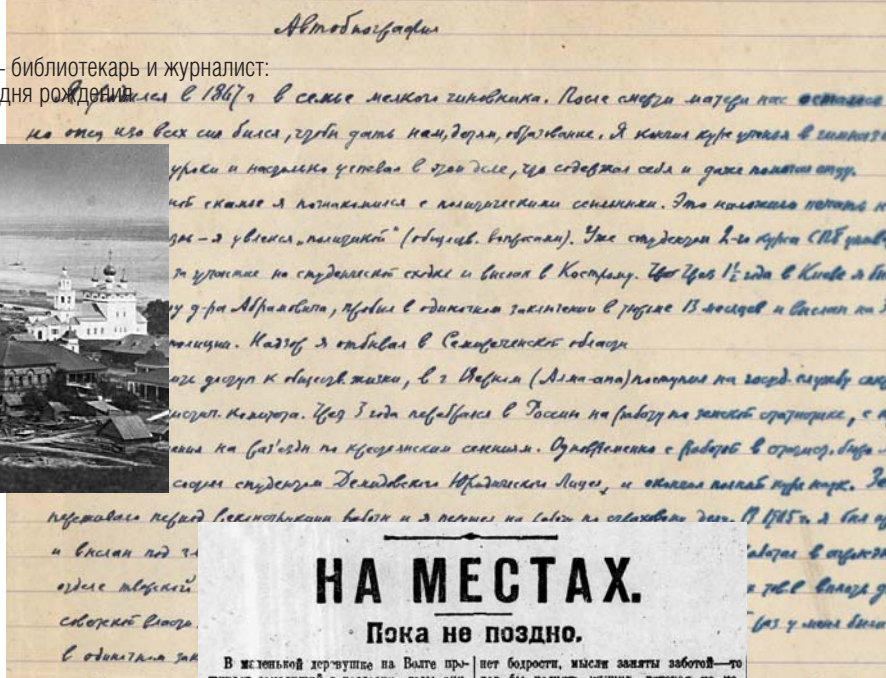
Он жил и работал в разных регионах России: в Твери и Верном (Алма-Ата), Ярославле и Владимире, Вологде и Ржеве, в Шатуре. Служил учителем народной школы, библиотekarем, политработником, статистиком, конторщиком, сотрудником военной газеты.

В 1917 г. секретарь агрономического экономического отдела Тверской губернской земской управы А.К. Флёров сотрудничал с журналом «Тверской кооператор»³, где публиковался под псевдонимом А.Ф. Журнал кооперативного товарищества «Тверской кооператор» занимался культурно-просветительской работой среди крестьянства.

Ещё в школьные годы А.К. Флёров познакомился с политическими ссыльными, которые оказали сильное влияние на всю его жизнь — он увлёкся политической. «Уже студентом 2-го курса СПб университета я был арестован за участие на студенческой сходке и выслан в Кострому. Через 1/2 года в Киеве я был снова арестован по делу д-ра Абрамовича, пробыл в одиночном заключении в тюрьме 13 месяцев и выслан на 3 года под надзор полиции. Надзор я отбывал в Семиренченской области <...> При царской власти я был всё время под надзором полиции: 5 раз у меня были обыски, в одиночном заключении пробыл около 2 лет, в ссылке 6 лет»⁴, — написал он в автобиографии. Под надзором полиции Антон Капитонович находился вплоть до 1917 года.

В 1920–1921 гг. А.К. Флёров работал внешкольным инструктором на строительстве Шатурской электростанции. Это его вклад в реализацию проекта электрификации России (ГОЭЛРО): в 1920 г. он был награждён медалью за строительство ГЭС.

В Клину Антон Капитонович поселился в 1921 г. Работал в уездном политпросвете. С 13 сентября

Статья А.К. Флёрова «Пока не поздно».
«Известия».
6 марта 1923 г.

НА МЕСТАХ.
Пока не поздно.

В женской деревне на Волге проживает замкнутый в последние годы «нижесельский соловей» — крестьянский поэт Спиридон Дмитриевич Дрожжин.

Он жавел совершенно беспомощный, взрос, с 15-летней внучкой, Мишенькой, которую он же содержит. Верная спутница жизни поэта, жена, умерла в 1920 году, прогудая ноги на болотистом покое. С. Д. чувствует себя слабым, — ему уже стукнуло 75 лет. Не стало славы, — говорит он.

Материальное положение поэта очень тяжёлое: раньше, до революции, он жил литературным заработком, получал пособие из кассы литераторов, от литературного общества, и сам-то был бодрее. За годы революции всего этого лишился. Надельной земли нет, да и некогда работать. Единственно огород. Есть корова. С. Д. — самому пришлось для нее косить траву по колена в воде, а на будущий год, если сила не будет, придется и корову зашить.

А крестьяне из этой деревни неужели не помогают своему прославленному земляку? — спросите вы. Да, не помогают — и приходится жалиться им, чтобы они привезли дров одряхлевшему старику. А, ведь, было время, когда С. Д. был в силе — те же крестьяне ходили к нему со своими нуждами. Нет помощи С. Д. — и от родных дочерей: они обременены семьями, и сами просят помощи у простарелого отца, а ему приходится поглядывать буквально о куске хлеба. Одним словом, помощи нет нигде. Правда, тверской уездный отдел народного образования для поддержания поэта назначил его библиотekarем пожертвованной им народной библиотеки, но ресурсы Тверского уезда настолько скудны, что эта помощь свелась к нулю. Отдел предложил даже закрыть Ниловскую школу и библиотеку и согласиться на переезд их в соседний Кавказский уезд, Мордовской губ.

Конечно, самоустраивать поэта нельзя.

нет бодрости, мысли заняты заботой — то как бы попить водичку, которая по молодости лет требует и саломки и проч. то о настоящем куске хлеба, то о других жизненных мелочах.

Напомнить лично о своем существовании т. Дрожжин, несмотря на близость в Москве (близ ст. «Защитово», Ниж. жел. лор., в 110 верстах), лишен возможности: нет теплых сапог, нет денег на наем лошади до станции (9 верст), на проезд по ж.д., дороге, на прожитие в Москве, наконец, нет и сил.

А поездка в Москву крайне необходима: тов. Дрожжин подготовил к печати полное собрание своих сочинений, куда вошли стихотворения, может-быть, лучшие из написанных, доселе не опубликованные, составил ряд сборников (напр., «Песни труда и свободы» — сборник стихотворений за 1917 и 1920 г.г.) — все это лежит под спудом.

В декабре 1923 года исполнится 50-летие литературной деятельности поэта. Неужели мы не дадим ему должной до этого момента и не скрасим и без того много-страдальную жизнь? Неужели мы вспоминаем о нем тогда только, когда повесим пыльные венки на его могилу, будем павать жалостливые декорации? У это так часто бывает...

Казалось бы, есть организации, которые должны идти на помощь заслуженному труженнику. Для сведения их в тех лиц, которые пожелали бы чем-нибудь помочь, сообщаем почтовый адрес поэта: почтовое отделение Повнинское, Московский губ., дер. Ниловка, Спиридону Дмитриевичу Дрожжину.

Если же потребуются дополнительные справки о поэте, то на получение их можно обратиться либо по адресу: г.ор. Клин, Московской губ., Уполитпросвет, инструктору А. К. Флёрову, или к односельчану тов. Дрожжину В. К. Гутковскому; почт. отд. Повнинское, Мордовской губ., село Ниловка.

А. Флёров.

1921 г. после смерти от сыпного тифа заведующей библиотечной секцией Уполитпросвета О.Л. Ганичевой возглавил секцию и целых девять лет заведовал клинской Центральной уездной библиотекой. Она была учреждена в 1918 г. и вела свою историю от библиотеки-читальни Клинского комитета Попечительства о народной трезвости (1901–1917 гг.).

Под руководством А.К. Флёрова произошла коренная реорганизация деятельности Центральной библиотеки и всей библиотечной сферы Клинского уезда. Благодаря его организаторскому таланту и энтузиазму в Центральной уездной библиотеке возникла атмосфера творчества и оптимизма, привлекавшая читателей. Библиотека стала центром культурной жизни Клина и Клинского уезда.

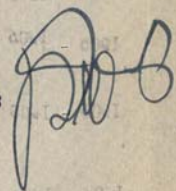
1920-е годы прошли в Клину под знаком тесного сотрудничества, содружества Центральной уездной

Юбилей

37

Фамилия: Флёров. Имя: Антон. Отчество: Капитонович.
 1. 1867 г. Ямль. 2. Мужокой. 3. г. Юрьевец-Повельский Иванов. обл.
 4. Русский. 5. а/ Чиновник. 6/ Государств. служба. 6. В/ пар.
 15. Работал с 1920 и ранее 1939 года.
 16. Высшее. Неудачник. классич. гимназия
 Демидовский Юридический Лицей Юридический факультет
 1900 - 1908 окончила
 специальность: Спец. Юристом
 18. Нет. 19. Нет.
 20. -----
 По найму работа с 16 летнего возраста, со школьной скамьи.
 1889 - 1890 По составлению Земск. Тверской статист. Гер. Тверь
 статистич. сборника. Губернск. Комитет. работ. тайном.
 1897 - 1899 Секретарь. Семипалатинский Обл. г. Верхний
 статистич. Комитет Алма-ата.
 1899 - 1903 Подверное Земское Ярослав. Губернское
 статистич. обследование Земское стат. бюро г. Ярославль
 1903 - 1904 Зам. Зав. страховым Ярослав. Губернская
 отделен. Земская управа. г. Ярославль
 1904 - 1905 Ф е х Е Владимирск. Губернск.
 Земская управа. г. Владимир
 1905 - 1906 Земск. страхов. агент Юрьевск. Земская г. Юрьев-
 Уездная Управа. Польский
 Владим. губ.
 1905 - 1906 Секретарь завод. к-ры Кольчугинские за- Ст. Кольчуги-
 веди. веди. но Владимир-
 губ.
 1907 - 1908 Статистик Велегодск. губерни. г. Велегда
 Земск. статист. бюро работ. в
 семле.
 1910- 1917 Секретарь агрономич. Тверская губ. Земск.
 экономич. отдела. Управа. г. Тверь.
 1917 - 1919 Инструктор Ржевский союз Кред. г. Ржев
 товарищества. Тверск. губ.
 1919 - 1920 Инструктор внешкольн. Ст. Клинские, затем под По Казанск
 Сарангулов. жем. дороге.

1920 - 1921 Инструктор внешкольн. Шатурский эл. стан. Шатура. б.
 Казанск. губ.
 1921 - Зав. Уездной библиотек. Клинский Уполит- г. Клин Моск.
 просвещ. обл.
 1930 - 1931 Секретарь Гер. Комитета Герком Профсоюза
 раб. просвещения. -
 1931 - 1936 Сотрудник и корректор Редакция районной
 газеты "Серп и Мо- -
 лот." -
 1936 - 1938 Преподаватель обществ. Чугунно лит. завод г. Клин Моск
 предметов на заводах, и Ф-на Клиновские, области.
 1940 - Ил. науч. сотрудник Дом-Музей П.И. Чайк. -
 /до Июля 1940 г. работал здесь с декабря 1937г. удален/

 21. Чудаков И.А. Директор Клинского Медтехникума.
 23. Слабо: Французский.
 30. 1920 г. Шатурское стрел.-во. медаль.
 Электростанции.
 1926 г. Участие в Всесоюзной переписи
 населения. Медаль.
 32. Нет.
 34. одинский.
 35. г. Клин, Сестрорецкая ул. д. 41
 21 сентября 1940 г.
 А. Флёров.

 С подлинным верно: Секретарь Дома-Музея:

Личный листок по учёту кадров на А.К. Флёрова 1940 г.

библиотеки и газеты «Серп и молот», в которой Антон Капитонович помещал много интересных материалов о жизни Центральной уездной и волостных библиотек.

В 1924–1929 гг. газета напечатала статьи А.К. Флёрова: «Даёшь книгу!», «Проводите громкую читку», «В День печати должно место книге», «Укрепим волостные библиотеки», «Библиотеки не имеют хороших помещений» и другие.

В 1924 г. в статье «Давайте коллективно выписывать газеты и журналы» Центральная уездная библиотека под руководством А.К. Флёрова выступила с необычной инициативой: «Клинская Центральная библиотека предлагает организовать Товарищество по совместной выписке журналов и принимает на себя обязательство выдавать их только внёсшим деньги на их выписку, по очереди, устанавливаемой самими членами Товарищества. По истечении срока, указанного Товариществом, журналы поступят в распоряжение библиотеки для общего пользования»⁵.

В 1925 г. в уездной газете «Серп и молот» было опубликовано необычное объявление. Центральная уездная библиотека приглашала, зазывала клинчан:

«Эй, товарищ! ...
 В летний досуг
 Тебе Книга лучший Друг!
 Так Центральная библиотека
 снова выдавать тебе книги готова
 Зайди... Получи...
 В читатели товарища привлекли!»⁶

Библиотека работала под девизом «Даёшь книгу!», напрямую обращалась к своим читателям и общественным объединениям: «Наша просьба к читателям и общественным организациям — приблизьтесь к библиотеке, загляните вглубь нашей работы... Библиотека теперь выглядит попроще, только мало детское помещение — невозможно в нём развернуть работу с детьми. Родители! Дайте наказ горсовету, чтобы для детской библиотеки было отведено большее помещение. Библиотека спасёт наших детей от улицы, от хулиганства»⁷.

В 1923 г. А.К. Флёров, человек необычайно отзывчивый и добрый, решил привлечь внимание общественности страны к тяжёлому положению крестьянского поэта Спиридона Дмитриевича Дрожжина (1848–1930), жившего в деревне Низовка Тверской губернии.

6 марта 1923 г. в газете «Известия ВЦИК» была опубликована его статья «Пока не поздно». «В маленькой деревушке на Волге проживает замолкший в последние годы «низовский соловей» — крестьянский поэт Спиридон Дмитриевич Дрожжин. Он живёт совершенно беспомощный, вдвоём с 15-летней внучкой Манечкой, которую он содержит <...> Материальное положение поэта очень тяжёлое: раньше, до революции, он жил литературным заработком, получал пособие из кассы литераторов, от литературного общества, и сам-то был бодрее. За годы революции всего этого лишился <...> В декабре 1923

года исполнится 50-летие литературной деятельности поэта. Неужели мы не дадим ему дожить до этого момента и не скрасим и без того многострадальную жизнь? Неужели мы вспомним о нём только тогда, когда понесём ценные венки на его могилу, будем писать жалостные некрологи? У нас так часто бывает»⁸.

Статья-обращение получила большой общественный отклик в России. С.Д. Дрожжину было отправлено множество денежных переводов. Он получил около четырёх тысяч рублей. В своём дневнике С.Д. Дрожжин записал: «<...> Мой читатель, узнав из статей А.К. Флёрова о моём недоедании, стал с 16 марта присылать мне сочувственные, полные горячей любви ко мне и к моим задушевым песням письма из Москвы, Казани, Кургана, Твери, Кимры, Елани, Саратовской губернии, из Кубанской области, Сибири, Скопина, Иваново-Вознесенска, Уварова и многих других городов и местечек СССР»⁹.

23 сентября 1923 г. С.Д. Дрожжин уведомил Антона Капитоновича о приезде в Клин: «<...> Чтобы в присутствии клинских друзей, знакомых и незнакомых, прочесть мои последние песни и некоторые стихотворения прежних лет»¹⁰. Поэтический вечер прошёл в летнем электротeatре при большом скоплении публики. «Моё выступление началось при долгом взрыве рукоплесканий»¹¹, — отметил в дневнике крестьянский поэт.

В 1930–1940-е гг. А.К. Флёров — в авангарде культурного строительства в Клинском крае. В 1930–1931 гг. он секретарь горкома профсоюза работников просвещения, в 1930–1936 гг. — корректор газеты «Серп и молот», в 1936–1938 гг. — преподаватель общественных предметов на чугунолитейном заводе и фабрике «Клинволокно».

С 1937 г. и до самой смерти в июне 1943 г. А.К. Флёров работал заведующим библиотекой в Государственном Доме-музее П.И. Чайковского. Жил в Талицах на улице Сестрорецкой.

В дни оккупации Клина он вёл дневник, где день за днём записывал всё, что происходило в Доме-музее во время фашистского постоа. Сразу после освобождения Клина от фашистов приступил к работе.

С 1940-го (года 100-летия со дня рождения П.И. Чайковского) по 1943 г. Антон Капитонович собирал воспоминания клинчан о великом композиторе. Заслуга Антона Капитоновича состояла не только в сборе, но и в обработке воспоминаний. Записанные им тексты несут в себе черты его одарённой натуры.

Похоронен Антон Капитонович на мемориальном кладбище в Демьянове.

В Центральном государственном архиве Московской области сохранились документы, написанные рукой Антона Капитоновича. Среди них — «Положение библиотечного дела в Клинском уезде» (1922) и «Краткий годовой отчёт о деятельности библиотек Клинского уезда в 1921 году», в которых поднимались вопросы организации библиотечной сферы Клинского уезда.

Архив А.К. Флёрова хранится также в Государственном мемориальном музыкальном музее-заповеднике П.И. Чайковского в Клину. Это «Автобиография», написанная 15 августа 1942 г., «Личный листок по учёту кадров» от 21 сентября 1940 г. и «Личное дело А.К. Флёрова», заполненное 1 сентября 1942 г. В составе архива также «Письмо директору музея А.Г. Усову» [1937–1942]; «М.И. Чайковский и его библиотека»: библиографическое описание библиотеки; «Книги и творчество П.И. Чайковского», «Бумаги, записки Флёрова А.К., 1942».

Перечисленные документы добавляют новые штрихи к портрету этого талантливого и незаурядного человека, оставившего памятный след в истории культуры Клинского края, и библиотечного дела в частности.

Примечания

¹ Риттих М. Памяти хорошего товарища и работника // *Серп и молот*. 1943. 13 июня. С. 2.

² Личное дело А.К. Флёрова. — ГДМЧ. Д. 38. Оп. 1. КОЛОП. № 519.

³ Масанов И.Ф. *Словарь псевдонимов русских писателей, учёных и общественных деятелей*: в 4 т. Т. 4. М., 1960. С. 492 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/masanov/man/09/man17594.htm?cmd=2&istext=1>. (Дата обращения 24.01.2017).

⁴ Там же.

⁵ Флёров А. Давайте коллективно выписывать газеты и журналы // *Серп и молот*. 1924. 20 декабря. С. 4.

⁶ *Серп и молот*. 1925. № 32. С. 4.

⁷ Флёров А. Даёшь книгу! // *Серп и молот*. 1929. 25 января. С. 4.

⁸ Флёров А. Пока не поздно // *Известия ВЦИК*. 1923. 6 марта. — (На местах).

⁹ Дрожжин С.Д. *Собрание сочинений* [Текст]: в 3-х тт. / Под общ. ред. М.В. Строганова; Тверской государственный объединённый музей, Дом-музей С.Д. Дрожжина. Т. 3: Воспоминания. Дневник / Подгот. текста, примеч. Е.В. Петренко, М.В. Строганова, Е.В. Павловой. Тверь: СФК-офис, 2015. С. 214.

¹⁰ Там же. С. 235.

¹¹ Там же. С. 236.

Выражаю благодарность директору Государственного мемориального музыкального музея-заповедника П.И. Чайковского Галине Ивановне Белонович за возможность ознакомиться с документами из личного дела А.К. Флёрова.

Галина Владимировна Митькина, заведующая сектором краеведения МБУК «Клинская ЦБС» (Клин)

Святые

«Бог Благоволил быть храму»

Успенский собор

К
Клин

православный

Священник Евгений Мальков
Михаил Молотников

Как и в любом древнерусском городе, в Клину со времени его основания находились православные храмы, но во имя кого они были освящены, нам неизвестно. Ранняя церковная история просматривается с XVI в., когда упоминаются Успенский монастырь и три церкви — в честь Воскресения Христова, Всемилостивого Спаса и святителей Афанасия и Кирилла Александрийских.

Успенский монастырь

Успенский монастырь с каменной соборной церковью (ул. Папивина, 16 а) примыкал к городскому валу. Согласно старинному описанию, его местоположение на высоком холме — «одно из тех, кои сама природа для населения предопределяет» и с высоты которого в «окололежащие стороны приятный вид простирается»¹.

Время возникновения обители неизвестно. Впервые она упоминается в XVI столетии. По духовной грамоте 1545 г. М.И. Левашов завещал деньги в монастырь «Пречистой в Клину на Городок игумену и священнику, и с дьяконы, и с проскурником, и с попом на сорокоуст»². Каменный собор по одной версии был построен между 1539-м и 1542 гг.³, однако большинство исследователей относят его создание

к середине XVI в.⁴ Есть и другая версия, связывающая строительство храма с пребыванием в Клину Ивана Грозного, который с опричным войском направлялся в Новгород в декабре 1569 г. Что бы ни предполагали историки, красивейшая каменная церковь — Успенский соборный храм монастыря — была построена и сохранилась до наших дней. Первоначально собор не отапливался: в нём совершалось богослужение только в тёплое время года.

Следующая страница в истории монастыря связана с именем патриарха Никона. По его просьбе госу-

Звонница
и поклонный
крест рядом
с Успенским
храмом

дарь Алексей Михайлович в 1655 г. повелел приписать Клинский Успенский монастырь к Иверскому монастырю на Валдае. В Клинском монастыре патриарх и другие знатные духовные лица делали остановки во время поездок в Иверскую обитель⁵. Антиохийский архидиакон Павел Алеппский писал: «Древний каменный монастырь в честь Успения Владычицы, принадлежащий Патриархии... занимает красивое местоположение; близ него селение по имени Клин»⁶. Помимо Успенского собора в монастыре была каменная церковь в честь преподобного Сергия Радонежского, двухэтажная колокольня, настоятельская и братские кельи и хозяйственные постройки.

В XVIII в. монастырь чрезвычайно обеднел. Согласно одному из описаний, в соборе окна светового барабана были заделаны досками, а пол оказался «совсем негоден»⁷. В 1764 г. монастырь был упразднён, а храм превращён в приходскую церковь. Только в 1810 г. в здании Успенской церкви началась реконструкция. К храму были пристроены трапезная с Сергиевским и Всехсвятским приделами и трёхъярусная колокольня.

Успенский храм неоднократно посещал П.И. Чайковский, о чём он упоминает в своих дневниковых

Священномученик
Алексий
Никонов

записях. С 1922-го по 1924 гг. здесь служил священномученик Алексий Никонов.

В советское время храм постигла общая участь — 26 декабря 1931 г. он был закрыт, убранство уничтожено, а колокольня взорвана. Бельгийская принцесса, посетившая Музей-заповедник П.И. Чайковского, пожертвовала в Министерство культуры РСФСР средства на реставрацию храма, которая была проведена в 1962–1967 гг. под руководством известного архитектора Н.Н. Свешникова. В результате храму вернули первоначальный вид⁸. Городские власти не

Феодоровская
часовня

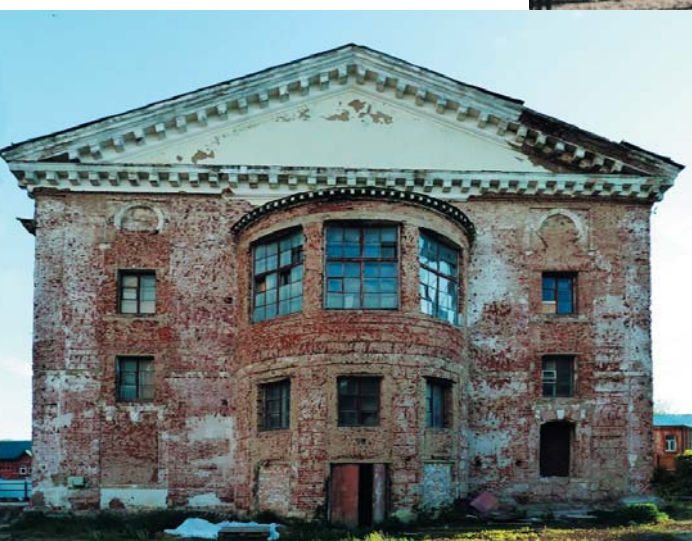

нашли для восстановленного шедевра лучшего применения, чем склад треста столовых.

В 1992 г. храм возвратили верующим. 11 ноября 1998 г. отреставрированную церковь освятил митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий.

К Успенскому храму приписана Феодоровская часовня (ул. Папивина, 6) — единственная из четырёх городских часовен, сохранившаяся на сегодняшний день. Она была построена в 1890 г. при Мещанской богадельне настоятелем Успенского храма протоиереем Николаем Пospelовым. Часовня была

Троицкий собор
Северный и западный фасады.
Современное состояние

Троицкий собор
Открытие начала
XX в.

данном каменный храм был построен в 1712 г. В рукописной летописи Троицкого собора, составленной протоиереем Львом Державиным, находим: «В северной части Троицкого собора на расстоянии 18 саж. находится церковь во имя Воскресения Христова, сооружённая из кирпича тщанием граждан в 1712 году и освящённая при державе Благочестивейшего государя... Петра Алексеевича... по благословию Высокопреосвященнейшего Стефана [Яворского], митрополита Рязанского и Муромского»¹⁰.

По клировым ведомостям 1788 г. при Воскресенском приходе состояли две соборные церкви: Воскресения Христова (холодная) и святителя Николая Чудотворца (тёплая)¹¹. После постройки Троицкого собора Воскресенский храм пришёл в ветхость, богослужения в нём не совершались вплоть до проведения восстановительных работ в 1895 г.

В начале 20-х гг. XX в. здание Воскресенской церкви использовалось как склад иконостасов, икон и церковной утвари, которые свозили сюда из закрытых храмов и часовен. В 30-е гг. XX в. у Церкви были отобраны все здания Троицкого соборного комплекса. Воскресенский храм был перестроен под ремесленное училище станкозавода. После возвращения верующим в 1997 г. алтарной части в ней возобновились богослужения. 8 апреля 2000 г. храм был полностью передан Православной Церкви.

Строительство Троицкого соборного храма (Советская пл., 18) было обусловлено тем, что прежняя соборная Воскресенская церковь уже не вмещала всех прихожан. Сооружение нового собора началось в 1802 г. В главном храме города было три престола: главный — во имя Святой Троицы, а два боковых в тёплой трапезной — в честь Казанской иконы Божией Матери и святителя Николая Чудотворца. 24 мая 1836 г.

освящена в честь равноапостольного князя Владимира в память 25-летия служебной деятельности московского губернатора князя В.А. Долгорукова, который помогал восстанавливать Клин после пожара 1885 г. По воспоминаниям современников, он даже молился в ней и подарил в эту часовню список с Феодоровской иконы Божией Матери, покровительницы Дома Романовых. В годы советской власти в разное время в часовне были и морг, и магазин, и склад для медицинского оборудования. В 2013 году часовня была отреставрирована и освящена.

Троицкий соборный комплекс

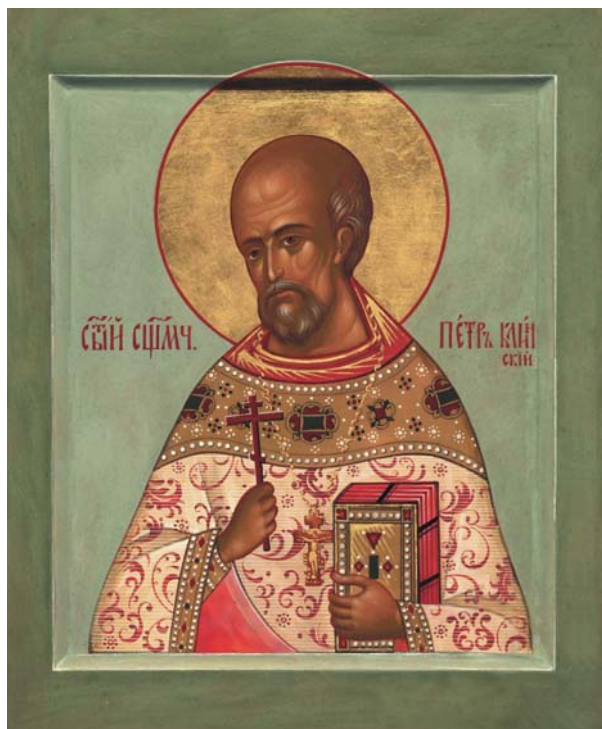
Формирование Троицкого соборного комплекса началось с одной из самых древних церквей Клина — храма Воскресения Христова (Советская пл., 16). Он расположен на высоком берегу излучины реки Сестры. Первое известное упоминание о храме содержится в той же духовной грамоте 1545 г. В 1709 г. впервые упоминается каменный храм: «За валом же в Ямской слободе церковь во имя Воскресения Христова, каменная, со всякой церковной утварью»⁹. По другим

«Бог благоволил быть храму».
Клин православный

храм был освящён митрополитом Московским Филаретом (Дроздовым). В своей проповеди святитель подчеркнул: «Не без заботы был и я свидетелем трудностей в его созидании. Здание предпринято было почти не по силам вашего малого града. Надлежало не только созидать, но частью и пересозидать неблаголепно созданное. Надлежало по временам останавливать дело, потому что истощались средства продолжать оное. Видно, ревность ваша не изнемогла, потому что помощь Божия вас не оставила. <...> Бог вездесущ, и потому не имеет нужды в храме, ко-

Скорбященская
церковь

Священномученик
Пётр
Соколов

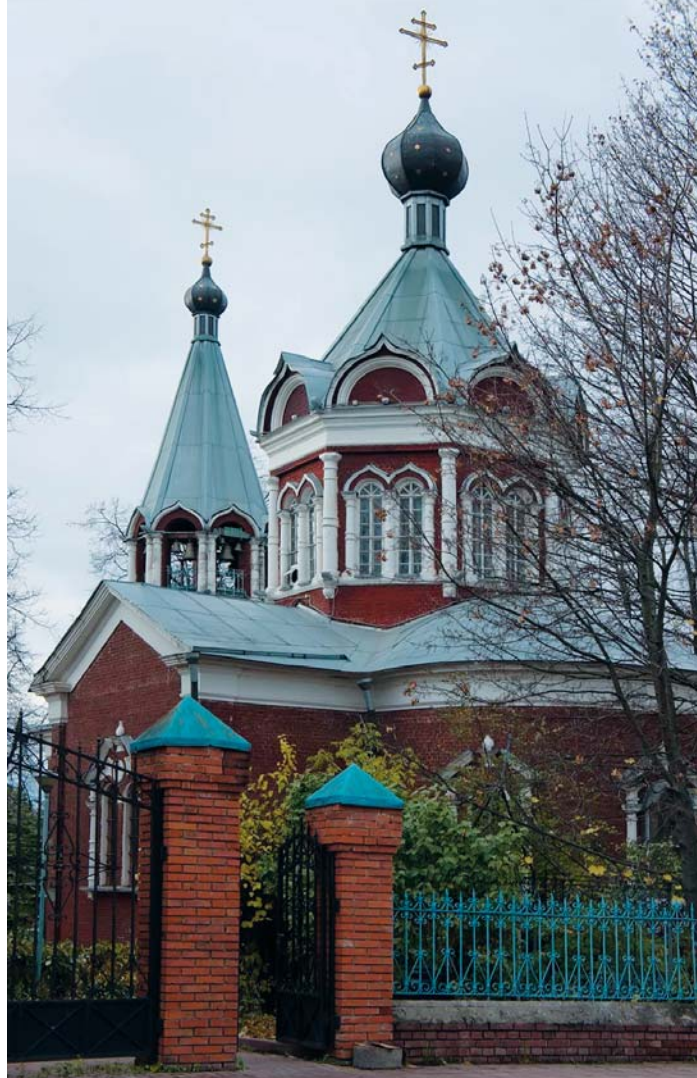

торый для Него всегда мал и невместителен. Но человек ограничен и потому имеет нужду в ограниченном явлении присутствия Божия. Бог снишёл к сей нужде человека, и благоволил быть храму, и даровал ему благодать особенного Своего присутствия».

Среди настоятелей собора наибольшую известность приобрёл протоиерей Сергей Модестов, настоятель собора в 1857–1873 гг. Он внёс значительный вклад в развитие просвещения, здравоохранения и культуры Клинского уезда, принимал активное участие в строительстве кладбищенской церкви во имя иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость», домово́й церкви во имя святителя Тихона Задонского в здании клинской тюрьмы, и двух часовен.

10 мая 1929 г. Троицкий собор был закрыт. Во время Великой Отечественной войны он серьёзно пострадал: бомба угодила в его трапезную часть. В 1955–1956 гг. завод «Термоприбор» перестроил храм под Дом культуры.

Когда в 1992 г. общине Троицкого собора была передана колокольня (построена в 1769 г.), в ней была устроена церковь в честь Святой Троицы. В 2008 г. усилиями администрации района здание собора бы-

ло возвращено верующим. Полностью восстановлена внутренняя часть трапезной храма.

Скорбященская церковь
(ул. Литейная, 19)

В 1840-х гг. XIX в. на западной окраине Клина было устроено новое кладбище, и возникла потребность в кладбищенском храме, в котором бы отпевали и поминали умерших. Храм в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» был выстроен на средства клинского купца Н.А. Кудрявцева (его погребение сохранилось у стены храма). Освящение состоялось в 1861 г. С XIX в. архитектура и убранство церкви не подвергались существенным изменениям.

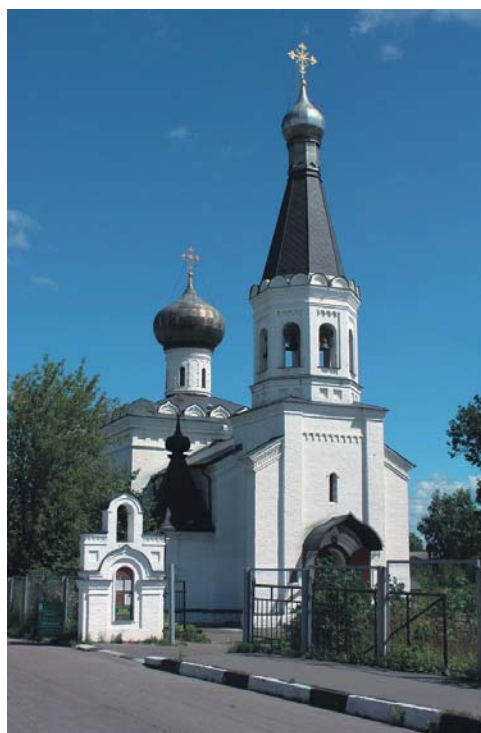
Скорбященская церковь — оплот православия в Клину — пережила все бури и выстояла. Ещё в 1929 г. священник Павел Баженов «призывал верующих не допускать закрытия церкви», за что был арестован и выслан в Северный край¹². Дальнейшая его судьба неизвестна. В 1930 г. настоятелем Скорбященской церкви стал протоиерей Пётр Соколов, благочинный Клинского и Солнечногорского округов. Вместе с сослужившим ему архиереем Серафимом Вавиловым он был расстрелян на Бутовском полигоне 17 февраля 1938 г. Оба причислены к лику новомучеников Российских.

Во время Великой Отечественной войны в храме служил протоиерей Александр Смирнов, оказав-

деревянный настил, чтобы снег не сыпался на молящихся. От холода не спасали даже печки-буржуйки. Около 1943 г. старостой церкви стала местная уроженка из купеческого рода М.В. Буканова. Она долго не могла найти денег на ремонт купола и получила откровение от Пресвятой Богородицы о том, что для этого надо продать очень дорогой камень (сапфир или изумруд) с ризы Клинской иконы Божией Матери. Мария Васильевна поехала в Московское епархиальное управление к митрополиту Крутицкому и Коломенскому Николаю (Ярушевичу) и рассказала ему об этом. Владыка благословил старосту взять драгоценный камень из ризы иконы и продать его, а вместо него вставить страз-подделку. На вырученные средства был отремонтирован купол храма.

Главной святыней Клинской земли и Скорбященского храма является Клинская икона Божией Мате-

шийся единственным священником в городе. Он отличался удивительным смирением и добросовестностью в пастырском служении. Бывало, в два часа ночи подъезжают за ним на телеге и просят съездить к умирающему. А утром в 8 часов служба. Батюшка никогда не отказывал, хотя родные опасались провокаций (требы на дому власти тогда не разрешали). Он потом говорил: «На всё воля Божия. Не поехать я не могу. А сегодня, слава Богу, успел. Причастил её перед смертью и пособоровал».

Собор
новомучеников
клинских

Во время Великой Отечественной войны, когда шли ожесточённые бои за город Клин, и наши войска отступали, о. Александр убедил командиров оставить раненых красноармейцев в церковном подвале. Их переодели в гражданское платье. Когда в город вошли фашисты, немецкий патруль зашёл в храм и стал проверять каждый уголок. Когда немецкий офицер направился к подвалу, о. Александр преградил ему путь, но тот оттолкнул батюшку, шагнул вниз, осветил фонарём помещение и спросил: «Кто здесь?» Священник тихим, спокойным голосом ответил, что тут находятся больные тифом, которых оставили при эвакуации городской больницы. На немца сильно подействовало слово «тиф». Фашисты быстро покинули территорию церкви и больше не появлялись. О. Александр и прихожане добросовестно ухаживали за ранеными: кормили их, стирали бинты, обрабатывали раны.

Церковь
Св. Тихона
Задонского

Во время Великой Отечественной войны был сильно повреждён купол храма. Под ним сделали

«Бог благоволил быть храму».
Клин православный

ри. Первоначально образ находился в зале ожидания клинского вокзала, позже его установили в привокзальной часовне в память об избавлении императора Александра II от смерти во время покушения на него в 1866 г. Ежегодно 9 июля, в день празднования Тихвинской иконы Божией Матери, в привокзальной часовне служили литургию. Именно в этот день и стали отмечать праздник Клинской иконы Божией Матери. Часовня около вокзала была закрыта в 1928-м или 1930-м годах, а чтимая икона с этих пор находится в Скорбященском храме.

Протоиерей
Владимир
Востоков

В 2000 г. приход Скорбященской церкви учредил православную классическую гимназию «София», при которой в 2006 г. был открыт домовый храм-часовня в честь святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста (ул. Мира, 7 а).

Свято-Тихоновская церковь (ул. Тихая, 7)

В 1863 г. учитель чистописания и черчения Клинского уездного училища С.М. Порывкин, обучавший арестантов клинского тюремного замка грамоте, обратился в московский комитет Попечительского общества о тюрьмах с просьбой устроить в тюремном замке домовую церковь. Церковь в честь святителя Тихона Воронежского была открыта на втором этаже тюрьмы. Выбор святого покровителя храма был не случаен: при жизни святитель часто посещал заключённых в тюрьмах, поддерживал их и наставлял в слове Божиим. Освящение храма состоялось 18 октября 1864 г.

В 1907–1909 гг. по инициативе настоятеля тюремной церкви священника Сергия Щедрова и ктиторов храма С.М. и И.М. Воронковых за пределами тюрем-

ного замка был выстроен новый тюремный храм по проекту известного архитектора С.В. Шервуда. Особую известность приобрёл следующий его настоятель протоиерей Владимир Востоков, о котором один из современников вспоминал: «Замечательный проповедник, несребролюб, в жизни очень скромный, он быстро приобрёл много почитателей и стал одним из самых популярных людей города. Вскоре тюремная церковь не смогла вмещать всех приходящих его послушать. Начали устраивать службу прямо на лугу перед церковью».

В 1924 г. церковь была закрыта. Когда осенью 1989 г. развалины храма вместе с бывшим зданием тюрьмы были возвращены Русской Православной Церкви, клинский исполком так описал состояние храма: «Были снесены барабан с главой и крестом и декоративные кокошники с четверика церкви; разобраны шатёр с главой и крестом и ярус звона с колокольни. Почти полностью разобраны притворы. Выломан иконостас с иконами, все иконы расхищены. В церкви и трапезной устроен склад и сделано перекрытие. Вся настенная живопись утрачена. Все дверные проёмы заложены»¹⁴.

Поскольку придел святителя Тихона Задонского был устроен в 1947 г. в Скорбященском храме, то возрождаемую церковь освятили в честь святителя Тихона, Патриарха Московского и всея Руси. Это был первый в мире храм, посвящённый новопрославленному патриарху. По окончании реставрации алтаря и четверика 30 сентября 1992 г. храм был ос-

вящён полным чином Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II.

Успенская церковь села Демьяново (проезд Танеева, 15, стр. 7)

Первое известное упоминание о селе Демьяново и деревянном храме относится к 1624 г.¹⁵ Во время пожара 1742 г. церковь сгорела, и тщанием владельца усадьбы генерал-майора Г.Я. Наумова был отстроен новый каменный храм. В 1770 г. отдельно от него была поставлена колокольня, в первом ярусе которой был устроен тёплый придел во имя святителя Димитрия Ростовского¹⁶. В начале XIX в. его перенесли в новую просторную трапезную, выстроенную на средства помещицы А.А. Полторацкой.

После ночной пасхальной литургии 31 марта 1941 г. храм был закрыт. Об этом времени сохранились воспоминания К.П. Крюковой: «В храм мои родители не прекращали ходить до тех пор, пока он не был закрыт. Мы очень любили праздничные церковные службы, особенно на Пасху. <...> Помню, когда сбрасывали колокола, папа мой шёл от крестных из Горок. Ему кричали: «Иди помогать!» — но отец сказал, что надорвался в лесу, и у него болит нога и живот. Прибежал домой и говорит маме: «Дуня и дети, творится что-то страшное, молитесь Богу!» <...>

После того как храм закрыли, он быстро стал разрушаться. Но наша семья не могла жить без храма. Пусть хоть и развалено всё было в храме, но мы с мамой и папой, бывало, придём, пролезем в дверь и молимся, поём «Христос Воскресе!» — у папы был хороший, звонкий голос, и я уже молитвы знала. Иногда посетители кладбища услышат нас и идут к нам: ведь как хорошо послушать молитвы, давно не слышали такого пения! Конечно, в это время было много и тех, которые протестовали: «Зачем, для чего?! Бога-то всё равно нет!» Случалось, что камни и палки летели в нас, но мои родители не боялись. Папа говорил: «Только не бойтесь. Господь с нами!»»

В конце 1996 г. была зарегистрирована православная община храма, и началось его возрождение. В настоящее время церковь Успения Богородицы в Демьянове полностью восстановлена в своей первоначальной красоте.

Новые храмы Клина

На окраине Клина, в густонаселённом посёлке 31-го Октября (6-й микрорайон), до конца XX в. не было храма. Верующим приходилось добираться до ближайшей Скорбященской церкви на автобусе. Администрация Клинского района передала Клинскому благочинию половину деревянного одноэтажного дома для устройства небольшой церкви. Храм святой блаженной Ксении Петербургской (ул. Герцена, 24/15) начал действовать с 1997 г., но едва вмещал всех верующих. Администрация района снова пошла навстречу прихожанам и выделила участок земли ря-

дом с существующей временной церковью. На этом месте в 1999–2003 гг. был выстроен новый храм.

Храм святой великомученицы Варвары в клинской городской больнице (ул. Победы, владение 2) был открыт ещё в старом больничном здании в апреле 1996 г. по инициативе верующих врачей и при содействии администрации больницы. С открытием нового больничного комплекса летом 2003 г. церковь была переведена в специально оборудованное помещение на первом этаже новой клинской городской больницы.

В 1991 г. на втором этаже старого корпуса клинского дома-интерната для престарелых и инвалидов (ул. Спортивная, 7) усилиями священнослужителей и администрации интерната был устроен домовый храм в честь преподобномученицы великой княгини Елисаветы.

Примечания

- ¹ НИОР РГБ. Ф. 313. Д. 19. Описание Московской губернии 1781 г. Л. 58.
- ² Рубцов Д.А. Клинский уезд по документам XV–XVIII веков: Исторические материалы для составления приходских летописей. Клин, 2009. С. 41.
- ³ Салимов А.М. Тверской Спасо-Преображенский собор. Тверь, 1994. С. 107.
- ⁴ Памятники архитектуры Московской области: Каталог: В 2 т. Т. 1. М., 1975. С. 218.
- ⁵ Акты Иверского Святоозерского монастыря (1582–1706 гг.). СПб., 1878. № 57, 59, 60, 62, 73, 82, 121, 162, 164 и др.
- ⁶ Павел Алеппский, архиерей. Путешествие Антиохийского Патриарха Макария в Россию в половине XVII века. М., 2005. С. 449.
- ⁷ НИОР РГБ. Ф. 313. Д. 19. Описание Московской губернии 1781 г. Л. 10.
- ⁸ См.: Ильин М.А. Подмоскovie: Книга-спутник по древним подмосковным городам, сёлам и старым усадьбам (XIV–XIX вв.). М., 1974. С. 233.
- ⁹ Рубцов Д.А. Указ. соч. С. 42.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же.
- ¹² ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-51784. Дело № 1040 по обвинению гр. Баженова Павла Александровича.
- ¹³ Рубцов Д.А. Указ. соч. С. 42.
- ¹⁴ Акт технического осмотра памятника архитектуры за 1990 г. / Мин. культуры. Гос. Инспекция по охране памятников истории и культуры. [Б. М., 1990.]
- ¹⁵ ЦИАМ. Ф. 1471. Введение к описи. Церкви Клинского уезда, 2006 г. / Сост. Е.Г. Болдина, М.А. Моисеева, Г.Д. Тенц. Л. 396об.
- ¹⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 402. Оп. 1. Д. 984. № 625.

Священник **Евгений Мальков**, благочинный церковью Клинского округа Московской епархии Русской Православной Церкви и настоятель Троицкого собора города Клина, кандидат педагогических наук

Михаил Давидович Молотников, писатель, краевед

Туман неизвестности покрывает многие события ранней истории Московского княжества. Об этих временах рассказывают скудные сообщения летописей, жития святых и немногочисленные документы. Но бывает и так, что неожиданно вскрывается среди поздних источников и преданий драгоценный малоизвестный факт, который заставляет по-другому посмотреть на известные события.

Русская земля — родина Ивана Калиты

Личность великого князя московского Ивана I Даниловича Калиты хорошо известна историкам. О нём написал прекрасную книгу в серии «ЖЗЛ» профессор МГУ Николай Сергеевич Борисов. В ней подробно говорится о жизненном пути князя Ивана Даниловича, но дата рождения установлена приблизительно — около 1288 г. Не сказал автор и о том, где родился Иван Калита, полагая, что раз нет летописной записи, то и установить это невозможно. Но, к счастью, такая информация до нас дошла, причём весьма необычным путём.

Известный исследователь русского быта и этнографии П.А. Максимов в своей неопубликованной рукописи писал о храме Покрова Пресвятой Богородицы в Кремичне следующее:

«В кремиченской церкви Покрова первым в синодике значился строитель сей церкви князь Даниил, а за ним князья Георгий и Иван. Упоминает Малиновский (имеется в виду известный историк и археограф А.Ф. Малиновский (1762–1840) — С.Ш.) и камень церковный с набитой на нём надписью, что в сей церкви был крещён князь Иван Данилович по прозвищу Калита».

Поистине уникальное известие!

Где же находится Кремична и существует ли церковь Покрова?

История этого поселения подробно исследована известным археологом Алексеем Викторовичем Алексеевым и изложена в его книге «Церковные древности Звенигородской земли» (М.—Звенигород, 2008).

А.В. Алексеев пишет, что городище Кремична находится в Рузском районе, на левом берегу реки Москвы, в 300 м к северо-западу от деревни Мосеево, расположенной на противоположном берегу. Неподалёку от городища сохранились руины кирпичной церкви и старое кладбище — это всё, что осталось от Покровского храма, разрушенного уже после Великой Отечественной войны, в 1950–1960-е гг.

Ныне Мосеево поглощено посёлком Тучково, на его землях находятся многочисленные Мосеевские улицы, а Кремична и вовсе не значится на картах. Но во времена Калиты именно Кремична, а не Руза считалась центром этих земель. Общеизвестно, что Руза впервые упоминается в духовной грамоте (завещании) Ивана Калиты. Об этом свидетельствует и знак с датой «1328» перед зданием Администрации Рузского муниципального округа. Дата эта, правда, неверна —

духовная была написана в 1336 г. или в 1339 г. Но содержание документа эта поправка не меняет. В духовной Иван Калита завещал Рузские земли своему среднему сыну, Ивану Красному (отцу Дмитрия Донского):

«А се даю сыну Ивану Звенигород, Кремичну, Рузу, Фоминское, Суходол, Великую слободу, Замошьскую слободу, Угожь, Ростовци, Окатьева слободка, Скирмановское, Тростна, Негуча. А села: село Рюховское, село Каменичское, село Рузское...»

Обратим внимание, что Руза упоминается в документе дважды — как Руза (волость или крепость) и как село, вероятно, находившееся рядом с крепостью. Кремична тоже была центром волости, причём, более крупной и значимой, чем Руза. Не случайно же она упоминается на втором месте после Звенигорода, перед Рузой. На этом же месте она стоит и в духовной Ивана Ивановича (1358 г.), и лишь в 1389 г. в духовной Дмитрия Донского уступает первенство Рузе.

При раскопках городища Кремична обнаружены находки, относящиеся к XIV–XVI вв. В 1585 г. упоминается деревянный храм Покрова на погосте Кремична. В 1625–1626 гг. эти земли и храм принадлежали патриарху. В 1768 г. церковь была впервые отстроена в камне. В 1846–1852 гг. тщанием мещанина А.П. Дробышева церковь была перестроена. Сломана она в годы хрущёвского лихолетья, но чудом до нас дошло известие о том, что в храме сохранялась память о крещении здесь Ивана Калиты.

Обнаружение родины Ивана Калиты — важнейшее событие для всей Московской области. Ведь Иван Калита — один из наиболее значимых исторических деятелей именно для Москвы и Подмосковья. Он заложил основу объединения Русских земель вокруг Москвы. Закономерно, что высшей наградой Московской области является орден Ивана Калиты.

Думаю, что жителям Рузского района надо подумать над тем, как увековечить память их прославленного земляка.

Иван Калита

Фреска
Архангельского
собора
Московского
Кремля

Сергей Шокарев, кандидат исторических наук, главный редактор историко-краеведческого альманаха «Подмосковный летописец»

П.И. Чайковский:

«Я к Клину сам не знаю как, ужасно привязался»

Наталья Горбунова

Подмосковный город Клин, что расположен в восьмидесяти километрах от Москвы, известен во всём мире благодаря Петру Ильичу Чайковскому, который провёл здесь последние восемь лет жизни. Поселиться в деревне, купить или снять под Москвой усадьбу было мечтой композитора. Он стремился к тихой уединённой жизни, подальше от городской суеты. Его мечта осуществилась в начале 1885 года.

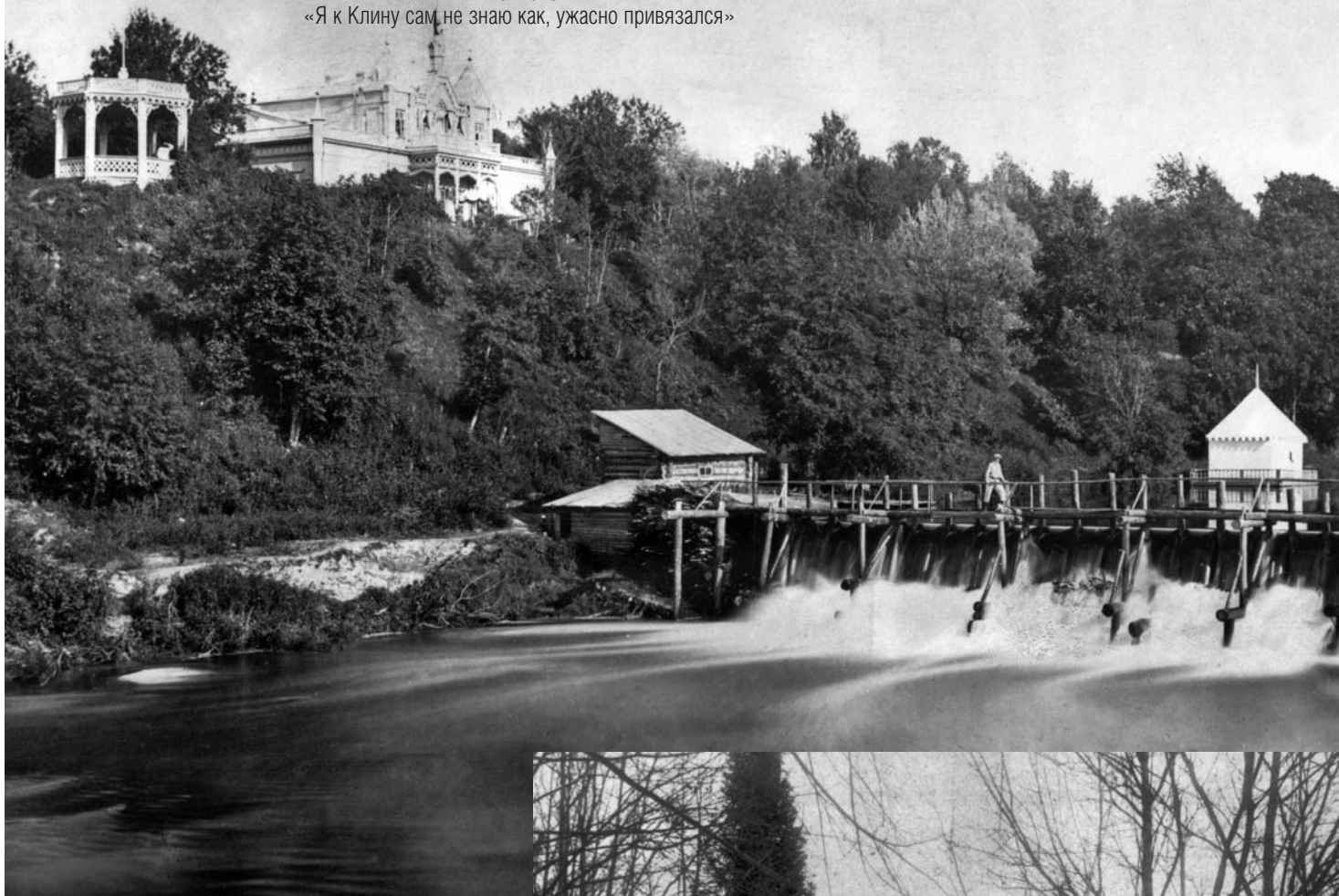
П.И. Чайковский делает местом своего постоянного пребывания Клин, поселившись в Майданове в усадьбе помещицы Новиковой.

П.И. Чайковский в своём кабинете во Фроловском. 24 июня 1890 г.
Из личного фотоальбома композитора «Фроловское»

Майданово было первым «клинским домом» композитора. После переезда Пётр Ильич писал: «Наконец давнишняя моя мечта осуществилась: я у себя в деревне... Дача эта находится в селе Майданове, в двух верстах от города Клина. В доме масса комнат, отлично меблированных, при доме великолепный парк, вид из окон красивый... Я в самом деле счастлив в своём отшельничестве...» Первое впечатление от места было приятное: «Местность прелестная...», но дом сначала не понравился Чайковскому, и для постоянного местожительства он, по мнению композитора, не годился.

П.И. Чайковский:
«Я к Клину сам не знаю как, ужасно привязался»

Дом в Майданове Клинского уезда, в котором Чайковский жил с февраля 1885 г. по апрель 1888 г. (не сохранился) 1890-е гг.

Постепенно он смирился «с несимпатичностью обстановки..., решив, что это временное местопребывание». Он наслаждался одиночеством, тишиной и свободой: «Какое счастье быть у себя! ... Я понял теперь раз навсегда, что мечта моя поселиться на весь остальной век в русской деревне не есть мимолётный каприз, — а настоящая потребность моей натуры».

Клин был дорог Чайковскому ещё и потому, что находится между Петербургом и Москвой, двумя городами, имевшими исключительное значение в жизни композитора. Петербург подарил ему встречи с великими учителями, Москва — славу и признание. Чайковскому часто приходилось выезжать в Москву по делам Русского музыкального общества, так как он был одним из его директоров, или в Петербург на премьеры своих последних опер и балетов. Город имел свою станцию, и близость к Николаевской железной дороге позволяла композитору легко попасть и в Москву, и в Петербург.

Вместе с тем удалённость обеих столиц ограждала Чайковского от случайных посетителей. К нему могли приехать только те и тогда, кого и когда он хотел видеть. Это было важное условие для его работы.

В Майданове композитор занимается новой редакцией оперы «Кузнец Вакула», которая была переименована в «Черевички». В письме к певице Э.К. Павловской он сообщает: «Написал совершенно новые сцены; всё, что было худого, выбросил, что хорошо, оставил, облегчил массивность и тяжеловесность гармоний, — одним словом, сделал всё, что нужно, дабы извлечь оперу из забвения, коего... она не заслуживала». Вслед за оперой началась работа над симфонией по драматической поэме Дж. Байрона «Манфред». Сюжет для симфонии предложил композитор М.А. Бала-

Флигель в Майданове, в котором Чайковский жил с мая 1891 г. по май 1892 г. (не сохранился) 1890-е гг.

П.И. Чайковский:
«Я к Клину сам не знаю как, ужасно привязался»

П.И. Чайковский
в парке во Фро-
ловском
24 июня 1890 г.
Из личного
фотоальбома
композитора
«Фроловское»

П.И. Чайковский
перед домом
во Фроловском,
в котором он жил
с апреля 1888 г.
по май 1891 г.
(не сохранился)
Из личного
фотоальбома
композитора
«Фроловское»

кирев. Работа оказалась нелёгкой: «Я почти все последнее время был постоянно нездоров, нервен и раздражителен до крайности. Я приписываю это моей работе, очень утомляющей меня. Никогда и ничто не давалось мне с таким трудом и усилием, как симфония, которую теперь пишу» (из письма к Н.И. Чайковскому от 19 августа 1885 г.).

Но жизнь композитора не ограничивалась только работой. В июле 1885 г. Чайковский становится свидетелем пожара, который причинил огромный ущерб, сгорело две трети города. Братья П.И. и М.И. Чайковские принимали участие в тушении пожара. Пётр Ильич оказал материальную помощь многим пострадавшим. В письме к Н.Ф. фон Мекк он сообщает: «Мы до сих пор не можем опомниться от ужасов Клинского пожара, которого были свидетелями. Я даже, по мере сил, участвовал в спасении имущества погорельцев».

Чайковский обращал внимание на «особенную бедность» крестьян Майданова и на неприкаянность детей. «Избы в здешней деревне самые жалкие, маленькие, темные; духота в них должна быть ужасная. Между тем, и это всего замечательнее, и старики, и взрослые, и дети, имеют вполне счастливый вид; несколько не жалуется на горемычную судьбу свою, и чем менее они высказывают недовольства жизнью, тем более я их жалею и умиляюсь над смирением и долготерпением русского народа. У детей удивительно симпатичные лица. Школы нет; ближайшая школа отстоит на расстоянии 6 вёрст. Жалко смотреть на этих детей, обречённых жить материально и умственно в вечном мраке и духоте. Хотелось бы что-нибудь сделать, и чувствуешь своё бессилие» (из письма к Н.Ф. фон Мекк от 11 октября 1885 г.)

Видя деревенских детей в Майданове «вечно праздными и без толку шляющимися», Чайковский начинает переговоры с «батюшкой» [Е.С. Боголюбским] об устройстве школы. Это оказалось возможным, при условии, если он будет «ежегодно жертвовать известную сумму». Чайковский согласился. «Я изъявил готовность на это; «батюшка» начал месяца 2 тому назад хлопоты, а теперь получен указ о разрешении открытия школы, и с этой недели уже начнётся учение. Очень мне это приятно!» (из письма к Н.Ф. фон Мекк от 13 января 1886 г.). В январе 1886 года Чайковский принял участие в открытии школы, созданной по его инициативе. Набралось 28 детей: мальчиков и девочек.

Жизнь в Майданове сначала радовала композитора, но постепенно омрачилась из-за присутствия дачников, буквально заполонивших село в летнее время и доставлявших ему много хлопот своим чрезмерным вниманием. Из письма к Н.Ф. фон Мекк от 13 июня 1885 г.: «Я бы вдвое более наслаждался великолепной погодой, если б Майданово мне было симпатично. Увы! И красивый парк, и хорошенькие виды, и чудесное купанье, — всё это отравлено дачниками. В парк нельзя носу показать, чтобы не встретиться с соседями и соседками; так что он для

меня вовсе не существует. Чувствуешь себя не дома, несвободным, и я беспрестанно упрекаю себя в поспешности и неосмотрительности моих действий, когда зимой я вздумал нанять дачу. Зимой-то было хорошо, но я должен был предвидеть лето и этих несносных дачников ...»

И вот в начале 1888 г. после первого трёхмесячного концертного турне по Европе Чайковский переселяется в имение помещиков Паниных во Фроловское — красивое место на лесистых холмах справа от железной дороги, когда подъезжаешь к Клину со стороны Москвы.

Сравнивая своё новое жилище с домом в Майданове, Чайковский писал своему брату Анатолию: «Оно далеко не так изящно и мило, как в Майданове, но зато комнаты большие, высокие и есть очень старинная, чудесная мебель, которая придаёт всему дому романтический оттенок. Дом стоит на высоте; вид превосходный (...) Сад очень симпатичен, но, что всего дороже, это что из сада прямо можно в лес перейти и гулять хоть целый день в лесу. Об дачниках и помину нет. Одним словом, я очень доволен моим новым помещением». Особенно привлекала Петра Ильича окружающая дом природа. «Я совершенно влюблён в Фроловское; после Майданова вся здешняя местность кажется мне раем небесным. И в самом деле очень хорошо, до того, что я утром пойду погулять на полчаса, увлекусь и прогуляю иногда часа два. Всё лес и даже местами настоящий таинственно-чудный бор. (...) По вечерам, при заходе солнца, гуляю по открытому месту, причём вид роскошный».

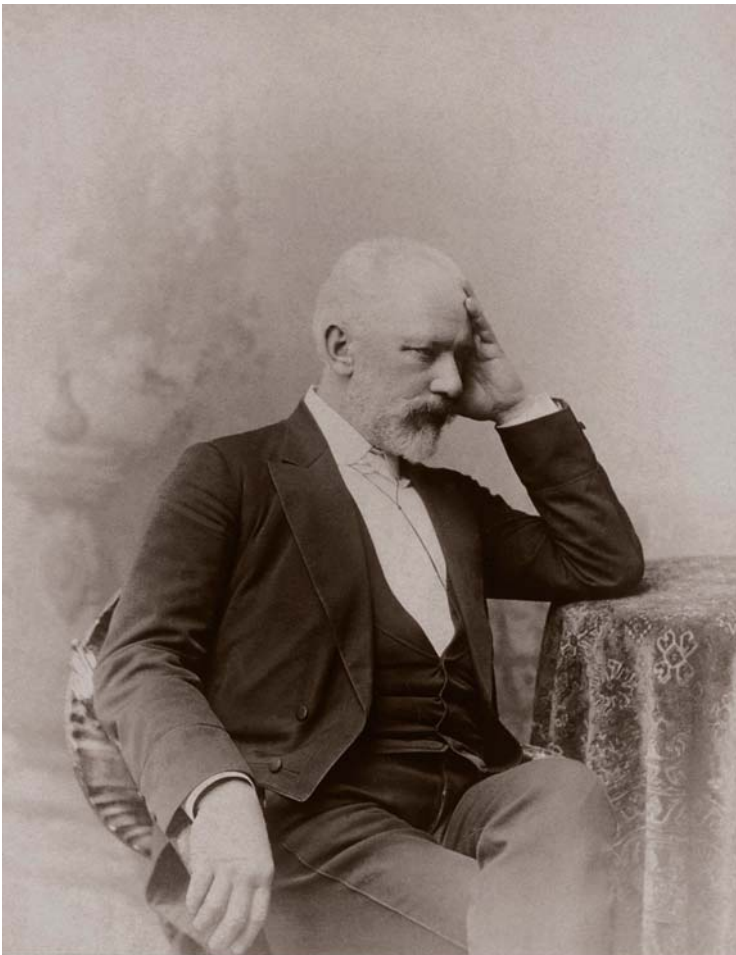
С Фроловским связаны два последующих года жизни композитора. Здесь он работает над Пятой симфонией, пишет увертюру-фантазию «Гамлет», сочиняет музыку к балету «Спящая красавица». Сюжет

Дом в Клину, в котором Чайковский жил с мая 1892 г. по октябрь 1893 г. Ныне Государственный музей-заповедник П.И. Чайковского

П.И. Чайковский:
«Я к Клину сам не знаю как, ужасно привязался»

для балета предложил директор Императорских театров И.А. Всеволожский. Прочитав рукопись сценария балета Чайковский, по его собственным словам, был «очарован им, восхищён выше всякого описания». «Сюжет чрезвычайно симпатичный и поэтический», — писал он Н.Ф. фон Мекк 8 января 1889 г.

В 1890 г. произошли очень важные события в жизни композитора: премьеры балета и оперы в Петербурге на сцене Мариинского театра. В январе состоялась премьера балета «Спящая красавица», а в декабре впервые была поставлена его опера «Пиковая

П.И. Чайковский
во время гастролей
в Харькове
14 марта 1893 г.
Фотоателье
А.К. Федецкого

дама». Для работы над оперой Чайковский уехал во Флоренцию, но инструментовку завершил во Фроловском. «Пиковую даму» он писал «с самозабвением и наслаждением». В письме к брату Модесту композитор признаётся: «Или я ужасно, непростительно ошибаюсь, или «Пиковая дама» в самом деле будет мой chef-d'oeuvre. Я испытываю в иных местах ... такой страх, ужас и потрясение, что не может быть, чтобы слушатели не ощутили хоть часть этого». В его отсутствие в Москве в Большом театре впервые поставили его оперу «Чародейка». Во Фроловском компо-

зитор начинает работу над балетом «Щелкунчик», который был заказан ему Дирекцией Императорских театров для Мариинского театра в Петербурге.

К Фроловскому Чайковский сохранил большую любовь и мечтал быть там похороненным. В 1889 г. владелица усадьбы продала окрестный лес, и его стали вырубать. Место это было всё ещё мило П.И. Чайковскому своей уединённой тишиной, но всё кругом стало пусто...

После поездки в США, в мае 1891 г., композитор снова переезжает в Майданово, на этот раз ненадолго — всего на один год. 29 мая 1891 г. он пишет брату Николаю Ильичу: «... Сегодня приехал сюда, в Майданово, в тот самый дом, где жил прежде». Впечатления о старом местожительстве у него не самые радужные: «Я приехал в Майданово на старое пепелище 5 дней тому назад. Ужасно всё клонится к упадку и разруша-

П.И. Чайковский:
«Я к Клину сам не знаю как, ужасно привязался»

Рояль
композитора

Кабинет-гости-
ная в доме Чай-
ковского в Клину

Кабинет-гостиная

ется у Новиковой. Дом мой покосился. Везде беспорядок, запустение. Кроме того, ... часть сада выгорела. Немножко грустно. Но зато я начал работать; работа идёт успешно, и я рад, что кончились мои странствования» (из письма к П.В. Чайковской от 2 июня 1891 г.). Лето 1891 г., проведённое в Майданове, было посвящено сочинению балета «Щелкунчик» и музыки для оперы «Иоланта». За этот год произошли такие важные события в жизни композитора, как премьера его опер «Пиковая дама» в Большом театре в Москве и «Евгений Онегин» в Гамбурге.

Он по-прежнему много путешествует, но возвращается снова и снова в Клин. Здесь он снимает дома, хотя и мечтает приобрести собственный здесь же.

В то время, когда композитор жил в Майданове и Фроловском, он часто, прогуливался мимо серого дома на окраине Клина, любовался им и мечтал со временем поселиться в этом уединённом месте. И вот 5 мая 1892 г. П.И. Чайковский переселился в своё новое жилище, ставшее последним. «Я нанял дом в Клину для будущего жилья, — сообщал он брату Анатолию Ильичу. — Не знаю, помнишь ли ты, это дом Сахарова, большой, комфортабельный, на шоссе по направлению к Москве, уже за городом. ...Из дома чудесный вид, и при нём сад весьма достаточный. Может быть, впоследствии я его и куплю». В другом письме к кузине А.П. Мерклинг Чайковский сообщает: «... Переселился я в своё новое жилище и очень доволен. Во-первых, я здесь гораздо больше у себя,

чем у Новичихи с её несносными дачниками, во-вторых, у меня чудные огромные комнаты с прекрасными видами из окон, в-третьих, — у меня здесь бездна чудесных прогулок».

Усадьба своим скромным обликом и невеликим по размеру участком напоминала большую дачу. Её территория чётко разграничивалась на хозяйственную и парадную части. Простой двухэтажный дом одной стороной был обращён к хозяйственному двору, огороду и посадкам плодовых деревьев, другой смотрел в небольшой парк.

Дом, в котором поселился композитор, был построен в 70-е годы XIX столетия, тогда же был заложен парк. Участок земли был отведён под дачу (арендован у дорожного ведомства), на основании приказа императора Николая I, желавшего производить постройки на обреше шоссе. По первоначальному замыслу строение было одноэтажным, потом появился второй этаж. Первым владельцем дома был Виктор Петрович Сахаров, клинский дворянин. Известно, что с 1861 г. он служил в Клинском уезде. Семья Сахарова практически не использовала дом и сдавала его внаём.

Дом Сахарова стоял последним на Зарецкой улице, на самой окраине города, так что композитор мог выйти для прогулки в лес или поле, миновав город. Вокруг расстились леса и луга окрестностей Клина. С северо-запада, недалеко от дома протекала река Сестра. Юго-западная граница усадьбы при-

Дом-музей
П.И. Чайковского

Памятник
П.И. Чайковскому
в Клину

П.И. Чайковский:
«Я к Клину дом не знаю как, ужасно привязался»

Рабочий стол композитора

мыкала к пустырю с берёзовой рощей за ним. Близость дома со станцией, почтой, телеграфом, аптеками и лавками создавала свои удобства. Сознание, что «никто не придёт, не помешает ни занятиям, ни чтению, ни прогулкам», было основой, несмотря на многочисленные поездки, плодотворной творческой работы.

В этом тихом подмосковном уголке он нашёл идеальные условия для творчества: здесь закончил корректуру партитур оперы «Иоланта» и балета «Щелкунчик», написал вокальный квартет «Ночь», пьесы для фортепиано, романсы и Третий фортепианный концерт, ставший последним произведением, над которым работал композитор. В этом же доме была написана Шестая симфония, которую Чайковский считал «наилучшей и в особенности наиискреннейшей» из всех своих произведений.

Отсюда 7 октября он выехал в Москву, а через несколько дней отправился в Петербург, где 16 октября состоялось первое исполнение Шестой симфонии. Это было последнее выступление Чайковского-дирижёра. Жизнь великого музыканта оборвалась в ночь с 24 на 25 октября, когда ему было только 53 года... Многие замыслы остались неосуществлёнными...

После смерти П.И. Чайковского в 1893 г. было решено оставить всё в его доме как было при жизни композитора. «Право, оставить бы в комнатах всё “как есть”»: будто и не умирал Пётр Ильич, а просто дома нету его, — как всегда, в разъездах, того и жди

домой воротится...» — писал слуга композитора Алексей Софронов его брату Модесту Ильичу, которому принадлежит идея создания музея П.И. Чайковского.

М.И. Чайковский создал в Клину архив своего брата, собрал его личные вещи, библиотеку, материалы к биографии, документы, дающие представление об исполнении музыки композитора в России и за её пределами. Он заложил практически все направления деятельности музея, которые затем получили развитие, такие как хранение, собирание, научная работа и пропаганда.

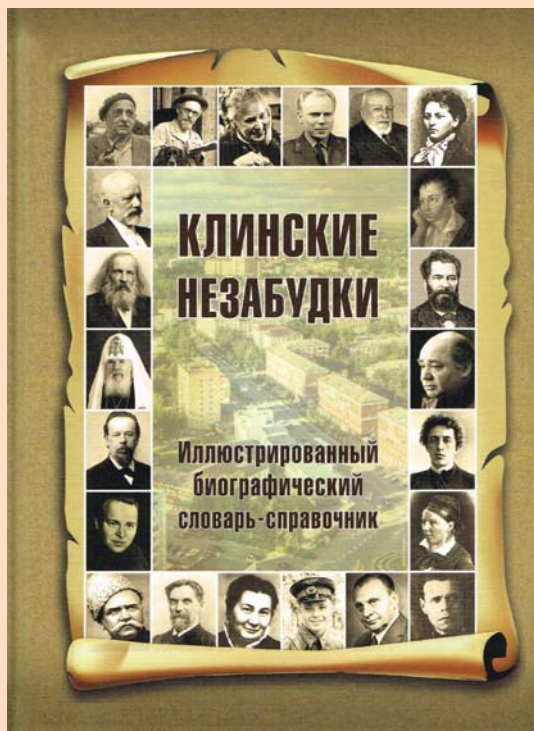
В фондах музея-заповедника П.И. Чайковского сохранились воспоминания клинчан о композиторе. Собирались они с 1940 г. сотрудниками музея от лиц, лично знавших Петра Ильича. В рассказах этих людей множество бытовых деталей и впечатлений, что характерно именно для детских рассказов, так как их авторы знали или видели композитора именно во времена своего детства. По этим рассказам мы узнаём, что Пётр Ильич очень любил цветы и прогулки в лес. Если встречал по дороге детей, дарил им гостинцы. Когда был именинник (в день святых апостолов Петра и Павла, 12 июля по новому стилю), и взрослые и дети приходили поздравить его. Взрослым он давал деньги на гулянье, а детям дарил гостинцы. Когда узнавал, что кого-то звать Петром или Павлом, то дарил тому подарки. Любил композитор ходить в церковь к обедне и ко всеобщей под праздник. Стоял он обычно под хорами и внимательно слушал церковное пение. Вспоминали клинчане также о том, как помогал Чайковский пострадавшим от пожара 1885 года. Некоторые клинчане любили ходить вечером к его дому и слушать, как он играет на рояле. Многие не знали, что он был известным композитором, но вспоминали о нём как о добром человеке.

Композитор, горячо любивший Россию, уклад жизни её жителей, русскую природу, был привязан к живописному подмосковному месту — старинному Клину и его окрестностям — Фроловскому и Майданову. Спокойная умиротворяющая природа, наполненный ароматами леса воздух, пение птиц, неспешные прогулки по извилистым тропинкам... Всё это восхищало и вдохновляло композитора. «Певцом русской природы» называют Чайковского за музыкальные темы симфоний, рисующие бескрайние просторы России, и за мелодии пьес из фортепианного цикла, отразившие смену времён года. А ведь в действительности прообразом столь ярких картин для композитора было родное Подмосковье.

Наталья Викторовна Горбунова, учёный секретарь Государственного мемориального музыкального музея-заповедника им. П.И. Чайковского (Клин)

КНИЖКИ

Составила Г.В. Митькина

Клинские незабудки: иллюстрированный биографический словарь-справочник

/ При участии краеведческого сектора МБУК Клинская ЦБС; сост.: В.И. Стариков, М.Д. Молотников. — Клин: Кипарис, 2016. — 287 с.

Сборник «Клинские незабудки» первый в истории Клина биографический словарь, где собраны сведения о людях, которыми гордится Клинская земля. Идея создания справочника принадлежала писателю, поэту, историку, краеведу, публицисту Валентину Ивановичу Старикову, имя которого хорошо известно за пределами Клина. Его всегда волновала судьба памятников истории и культуры края, о чём он писал в местной прессе. Этот замечательный человек обошёл и объездил весь Клинский район. Он изучал жизнь и деятельность представителей отечественной культуры и науки на Клинской земле. Результатом кропотливых исследований, длившихся более 30 лет, и стало это издание. Оно стало погружением в историю края и страны XVI–XXI вв. В книге четыре временных раздела. К сожалению, она вышла уже после смерти автора. Её дополняли и редактировали клинские краеведы, сотрудники издательства «Христианская жизнь» и МБУК Клинская ЦБС.

Клин: древние страницы. Материалы районной краеведческой конференции (27 апреля 2016 года)

/ Муниципальное казённое учреждение Управление по делам культуры, физической культуры и молодёжной политики, МБУК Клинская ЦБС, Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры КРО МОО; отв. за вып. И.В. Овчинникова. — Клин: 2016. — 40 с.

Сборник вышел по итогам районной краеведческой конференции «Клин: древние страницы», организованной МБУК Клинская ЦБС совместно с Клинским районным отделением Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. В сборник вошли исследования о происхождении названия города, очерки и зарисовки путешественников XVII–XIX вв.; материалы о событиях в Клину в годы русско-польской войны 1605–1618 гг.; сведения об уникальных археологических находках, свидетельствующих о более раннем, чем считается, происхождении Клина, и другие интересные сведения. Издание содержит уникальные иллюстрации, карты, схемы, таблицы.

Клинский край: календарь памятных дат и событий на 2017 год

/ Муниципальное казённое учреждение Управление по делам культуры, физической культуры и молодёжной политики, МБУК Клинская ЦБС; отв. за вып. И.В. Овчинникова, сост., верстка Г.В. Митькина. — Клин: МБУК Клинская ЦБС, 2016. — 70 с.

Календарь памятных дат и событий издаётся ежегодно МБУК «Клинская ЦБС». 2017 год особенно примечателен: исполняется 700 лет с первого упоминания о Клине. Календарь знакомит с годовщинами памятных событий истории, экономической и культурной жизни Клинского края, с жизнью и деятельностью земляков и известных соотечественников, составивших славу и гордость Клинской земли. В статьях о персонах, живших или родившихся в дореволюционное время, даты рождения указаны по новому и старому стилю.

Музей
Подмосковья

Музей П.И. Чайковского в Клину в годы Великой Отечественной войны

Глубокой осенью 1941 г. под натиском врага был сдан Клин. Дни оккупации стали для музея самыми тяжёлыми. Хотя значительную часть экспонатов удалось эвакуировать, за три с небольшим недели, пока в музее хозяйничали немцы, был нанесён тяжелейший ущерб зданию музея — дому Петра Ильича Чайковского.

Ушли из жизни люди, которые были свидетелями тех событий. Но забыть о них нельзя — память хранят пожелтевшие газетные листы, фотографии на стендах, глядя на которые хочется, как в детстве, когда страшно, закрыть глаза; документы, рассказы старших коллег.

В такие минуты спасает музыка. Без неё не было бы этого удивительного памятника — Дома-музея П.И. Чайковского, к которому во все времена стекались самые великие и прославленные музыканты. Она помогла выстоять и встретить Победу.

Нет и мысли о войне, когда читаешь старую газетную вырезку, помеченную датой: «3 января 1941 года». Это небольшая, в один столбик, очень обстоятельная заметка о новых поступлениях в фонды музея — документах и грампластинках, подаренных к 100-летию со дня рождения П.И. Чайковского.

Она написана научным сотрудником музея Владимиром Ивановым. В довоенные годы этот совсем ещё молодой человек «держал в своих пальцах» ту музыку, что звучала для каждого пришедшего в музей — он служил иллюстратором и играл на рояле во время экскурсий. Молодым Владимир Иванов остался навсегда: в самом начале войны он ушёл на фронт и погиб. Вечная ему память.

...Среди документов, сохранившихся в фонде истории музея, есть листок серой обёрточной бумаги, составленный в 20-е числа августа 1941 г. — акт об

эвакуации мемориальных ценностей музея. Они передавались под ответственность Юрия Львовича Давыдова и тогда же были отправлены в эвакуацию в город Воткинск, на родину Петра Ильича.

В памяти сохранился рассказ его дочери Ксении Юрьевны о том, как из дома увозили рояль: отвинтили от него ножки, завернули в шторы, положили на телегу и отправили на вокзал. Там Юрий Львович уговорил начальника военного эшелона забрать рояль Чайковского. Он стал последней реликвией, вывезенной из музея до объявления Москвы на осадном положении, то есть до 20 октября 1941 года.

А вот фотография, от взгляда на которую в сознании возникает рёв танков и лающая немецкая речь, — фашистские солдаты въезжают в Клин. Один из танков, пройдя до конца этой улицы Чайковского, смял въездные ворота в усадьбу и врвался в террасу дома величайшего музыканта мира. Это было 23 ноября 1941 г. Расположившись в доме, оккупанты устроили гараж для мотоциклов, шорную мастерскую и рацию на первом этаже, казармы — в комнатах Чайковского, превратив спальню, где стоял рабочий стол композитора и рождалась великая музыка, в отхожее место.

Так вершилось надругательство над душой и культурой русского народа. Так стиралась, но не была стёрта национальная память. Вспоминается, как покойный Герман Петрович Хованов, полковник-танкист, прошедший войну (кстати, всю музыку Чайковского он знал наизусть на слух), принёс в музей ог-

Галина Сизко

ромную военную карту с чёрными стрелами-щупальцами, тянущимися к Москве, чтобы рассказать своим сотрудникам об освобождении Клина. Но тогда, в начале 1980-х гг., даже он, внук и сын священников, промолчал о тех мольбах, по которым пришла к воинам Богородица и в великой битве под Москвой помогла остановить вражескую армию.

Клин освободили 15 декабря 1941 г. Трудно узнаваемые уголки комнат и парка с обломками мебели, обрывками книг и нот, брошенным мотоциклом, разбитым скульптурным портретом Чайковского на фотографиях. Бредущий через музейный парк старенький бухгалтер музея А.М. Шапшал — в кадрах хроники Р. Кармена «Великая Отечественная».

Тихие могилы в музейном некрополе — у стен Успенского храма в Демьянове. Они напоминают о музейном стороже Николае Александровиче Спинове, не оставившем дом ни в семнадцатом году, ни во время оккупации, как и его супруга Дарья Лукьяновна, покоящаяся рядом, как и повар Матрена Дмитриевна Воробьёва. Тут же могила Маргариты Эдуардовны Риттих, назначенной директором музея сразу после освобождения Клина.

Неподалёку забытая могила библиотекаря музея А.К. Флёрова, который в своём дневнике день за днём записывал всё, что происходило в доме во время фашистского постоа.

Одно из самых больших деревьев демьяновского парка растёт в изножье могилы легендарного Юрия Львовича Давыдова. Тогда, во время войны, он возглавил работу сотрудников клинского музея в Воткинске, среди которых был великолепный знаток творчества Чайковского, музыковед В.В. Яковлев и дочь Юрия Львовича — Ксения Юрьевна. Могилы её и старшей сестры Ирины Юрьевны — тут же.

Дом после оккупации отремонтировали очень быстро, сотрудники музея тут же сделали выставку, посвящённую жизни и творчеству Чайковского. Об открытии её напоминает старая афиша, на которой изображена большая мраморная доска с именами великих людей русской культуры. К ней тянется волосатая лапа с каменным топором, остановленная рукой советского солдата. Дата открытия — 1 марта 1942 г.

В музее оставался рояль «Бехштейн», подаренный в своё время Эмилией Карловной Павловской — за ним когда-то вместе с Чайковским она разучивала написанную для неё роль Чародейки. Рояль был в хорошем состоянии, и в день открытия выставки устроили концерт. Музыканты «добирались до Клина в темноте, в распутицу. По дороге попадались убитые солдаты, лошади», — рассказывал Ирине Георгиевне Мигай её дядя, народный артист России, Сергей Иванович Мигай. В исполнении этого тонкого и глубокого певца романсы Чайковского звучали как речь русского городского интеллигента. В этом концерте, помимо романсов, он вместе с Натальей Петровной Рождественской исполнил заключительную сцену из «Евгения Онегина». Прекрасные музыканты — квартет имени Бетховена в составе Д.М. Цыганова,

В.П. Ширинского, В.В. Борисовского и С.П. Ширинского (замечательный виолончелист, учившийся у А.А. Брандукова) сыграли квартет Чайковского. Прозвучало и «Трио памяти великого артиста». Партию фортепиано исполняла великая Мария Юдина, которую называли фортепианным Микеланджело. «Аскетичная, строгая, она уже своим выходом к роялю как бы оповещала: сейчас произойдёт событие. Играла столь мощно, грандиозно, что казалось, будто она в самом деле, как скульптор, отсекает всё лишнее, являя людям истинные шедевры». (В.А. Шелихин, «Сердце помнит»).

«Во время исполнения трио у Марии Вениаминовны падали слёзы на клавиши, и она едва успевала смахивать их платком, — вспоминала М.Э. Риттих. — Все играли с огромным воодушевлением. Взволнованы и растроганы были и исполнители, и слушатели, которые расписались в книге посетителей».

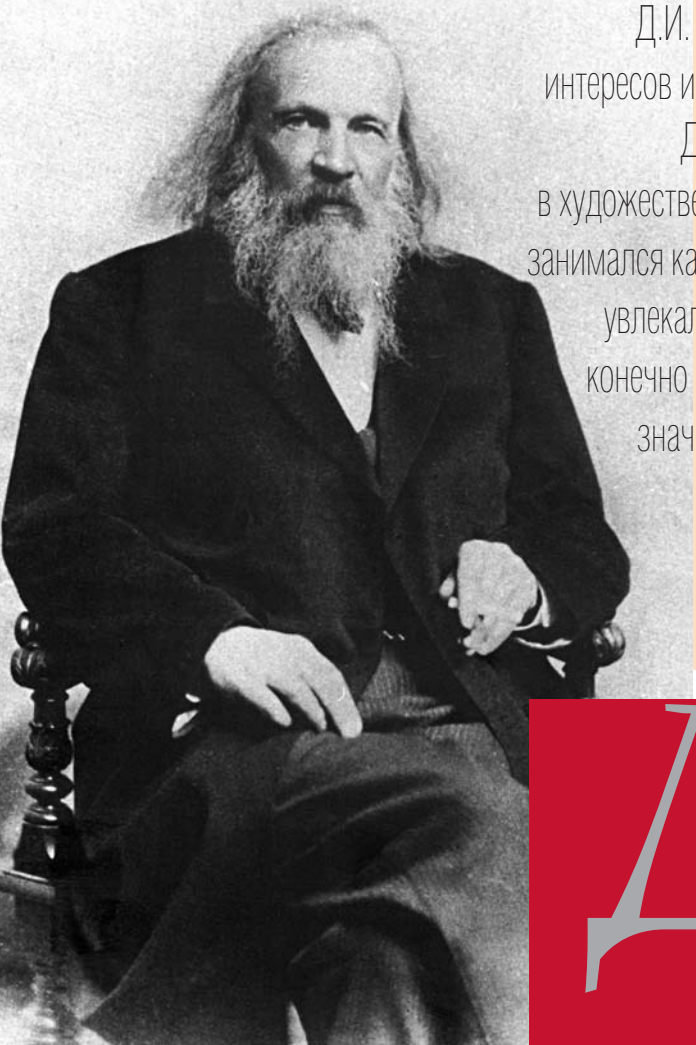
В ноябре 1943 г. клинский музей отмечал 50-летие памяти Чайковского. К этому дню в музей привезли присланный из блокадного Ленинграда том стихов К.Р. (великого князя Константина Константиновича Романова) с дарственной надписью от автора Чайковскому и набросками романсов. 21 ноября в кабинетегостиной состоялось музыкальное собрание, в котором приняли участие великая певица А.В. Нежданова и знаменитый дирижёр и пианист Н.С. Голованов, не раз гостившие в музее в 1920-е годы у Н.Т. Жегина.

Огромной радостью был приезд в Москву из блокадного Ленинграда Бориса Владимировича Асафьева. Этот величайший из учёных-музыковедов во время блокады написал знаменитую книгу «Интонация» и исследование, посвящённое опере «Евгений Онегин». Он принял участие в научно-исследовательских сессиях по творчеству Чайковского. Несколько позднее Б.В. Асафьев задумал широкое и многогранное исследование жизни и творчества Чайковского, отчасти осуществлённое уже после его смерти в виде книги «Музыкальное наследие П.И. Чайковского».

К концу 1944 г. вернулись из эвакуации сотрудники музея, заняли свои привычные места вещи в доме Петра Ильича. И, наконец, наступил один из самых радостных и памятных дней в жизни музея — 6 мая 1945 г. В этот день наши войска входили в Берлин и Прагу. В этот день праздновали православную Пасху и память святого Георгия Победоносца. В этот день открывали музей Чайковского и поздравляли с днём рождения его главного хранителя — Юрия Львовича Давыдова.

Так совпали возрождение музея, 105-я годовщина со дня рождения Чайковского и канун Великой Победы.

Галина Степановна Сизко, старший научный сотрудник Государственного мемориального музыкального музея-заповедника им. П.И. Чайковского (Клин)

Дмитрий
Иванович
Менделеев

Многогранная творческая натура учёного-энциклопедиста Д.И. Менделеева известна всему миру широким спектром своих интересов и увлечений, как и его научная и общественная деятельность.

Дмитрий Иванович имел большой круг друзей среди коллег, в художественной и музыкальной среде. Он с огромным удовольствием занимался картонным и переплётным делом, изготовлением чемоданов, увлекался поэзией, шахматами. Нестандартные увлечения учёного, конечно же, порождали всевозможные мифы, создавали ему ореол значительности, что порождало любопытство не только простых обывателей, но и серьёзных исследователей его жизни.

Лариса Титова

Д.И. Менделеев и его друзья —

И.Е. Репин, Н.А. Ярошенко

Каким бы ни был плотным его рабочий график, учёный находил время для участия во всевозможных конференциях, симпозиумах, литературных встречах, художественных вернисажах, где, конечно же, звучали его новые идеи, проявлялись свободомыслие и неординарность.

Д.И. Менделеев, со свойственной ему глубиной мышления, неоднократно высказывал мысль, что разносторонняя наука, искусство, естествознание имеют одинаковые выходные данные, общие корни, цели и задачи. Эта точка зрения выражена достаточно убедительно в двух документах: письме В.В. Стасову от 6 марта 1878 года и статье «Перед картиною А.И. Куиджи». Стасову он писал: «...Истины нельзя достичь без правды. И русские художники — скажут истину, потому что рвутся понять правду ... Мне кажется, и знаменательным и важным то взаимное по-

нимание и то сочувствие, какие вижу между художниками и естествоиспытателями. Тем и другим не хочется лгать. А хотя малую сказать — да правду, будь она и не торжественна, вычурна, лишь бы постичь её, а там пойдёт».

Обозначенная тема — Д.И. Менделеев и его друзья — достаточно изучена, и всё же имеющиеся в разных источниках сведения позволяют взглянуть на неё по-другому. Сын учёного И.Д. Менделеев писал: «Отец страстно любил живопись и скульптуру, составлял художественные коллекции и, можно сказать, так же дышал искусством, как и наукой, которые считал двумя сторонами единого нашего устремления к красоте, и вечной гармонии и высшей правде... Мне не раз приходилось убеждаться, что отец тонко знал и понимал поэзию. Иногда вставала вдруг, как бы, невзначай, философская или поэтиче-

Портрет
Д.И. Менделеева
Художник
Н.А. Ярошенко

Портрет
Д.И. Менделеева
Художник
И.Е. Репин

ская мысль, которая свидетельствовала о целом скрытом мире выношенных чувств и образов», «смолоду отец был недурной график».

Интересы Дмитрия Ивановича с учётом деятельного его характера, общемировоззренческих идей, были далеко не праздными. Неспроста, занимаясь производством красок и лаков, которое было в своё время очень слабо развито, он не только исследовал их народные рецепты, но провёл серьёзную научную разработку и внедрил в жизнь.

Он консультировал художников по составам красок и их свойствам, что ещё более сблизило с ними. В 1871–1873 гг. Дмитрий Иванович читает на собраниях художников лекции по химии. Появляются «Менделеевские среды», которые проходили в квартире учёного на Университетской набережной.

Вторая жена Менделеева профессиональная художница Анна Ивановна Попова вспоминала: «На них бывали постоянно все передвижники, из профессоров университета чаще других Бекетов, Мешуткин, Петрушевский, Иностранцев, Воейков, Краевич». Менделеева впоследствии избирают действительным членом Академии художеств, членом Со-

вета высших художественных училищ. Через 130 лет после М.В. Ломоносова Дмитрий Иванович становится вторым учёным-химиком в почётном составе Академии художеств. И.Е. Репин вспоминал: «В большом физическом кабинете на университетском дворе мы, художники-передвижники, собирались в обществе Д.И. Менделеева и Ф.Ф. Петрушевского для изучения под их руководством свойств разных красок». Здесь отметим — Фёдор Фомич Петрушевский, профессор физики, автор книг «Свет и цвет», «Краски и живопись» разделял взгляды Менделеева, более того, отдавал ему в этом исследовании пальму первенства.

Две яркие, мощные личности — Илья Ефимович Репин и Николай Александрович Ярошенко, известные художники-передвижники, нашли в лице учёного не только ценителя их творчества, но друга и сподвижника. Не так много сведений об их дружбе, но оставлены портреты учёного, написанные этими художниками. В портретах видится очень точное авторское отношение к его мудрым знаниям. В 1884 г. учёный получает звание почётного доктора Эдинбургского университета, затем становится членом многих иностранных учёных обществ и академий. Д.И. Менделеев признан, но этот факт не отражается на характере учёного, что вызывает огромное уважение окружающих.

Дмитрий Иванович Менделеев знал Илью Репина ещё учеником Академии, следил за творчеством художника, делая затем пометки в собственном ка-

Крамской, Шишкин, Репин, Ярошенко, Куинджи и другие сидели до глубокой ночи. У Дмитрия Ивановича стены гостиной были украшены их произведениями». «Менделеевские среды» посещали также художники В.В. Верещагин и М.А. Врубель.

Как человек увлекающийся, Илья Репин любил перемены обстоятельств и мест, особенно в поиске нужной натуры. Об этом свидетельствуют летние приезды художника к Менделеевым в их имение Боблово.

7 августа 1887 г. состоялся знаменитый полёт учёного на воздушном шаре в Клину, очевидцем которого стал художник Репин. Он создаёт зарисовки приготовления к полёту. Переписка Анны Ивановны Менделеевой с Ильёй Репиным продолжалась и после революции.

Особые отношения сложились у Дмитрия Ивановича Менделеева с Н.А. Ярошенко, с которым были идейно очень близки. Семья художника Ярошенко давала «субботы». По многолюдности такие встречи напоминали «четверги» петербургской Артели художников. Здесь собирались художники, актёры, учёные, писатели. Гостями довольно частыми были

**Илья Ефимович
Репин**

**Николай Александрович
Ярошенко**

талого. Когда Репин надолго покинул Петербург, он собирал фотоальбомы с репинскими иллюстрациями. Дмитрий Иванович переписывался с ним, разделял взгляды и убеждения художника. Из письма Менделеева И.Е. Репину: «Мне действительно теперь приходится получать много писем и депеш, но то, что писали Вы, Илья Ефимович, дало иное чувство, непосредственное, точно пожаловала красавица. Усталому, мне скоро надо будет отдохнуть от груза, наваленного теперь на меня...» Репин любил советоваться с Дмитрием Ивановичем. Впоследствии Илья Ефимович напишет: «Ах, какой это был разносторонний человек и вот уже истинно гениальный. Бывало с самыми неразрешёнными вопросами бежишь к нему... Что это за оригинальная голова...»

Д.И. Менделеев сочетал в себе два качества — мыслителя и деятеля, в силу чего он видел и понимал многое, а свои, и подчас чужие, идеи, всегда стремился реализовать. За полвека научной деятельности он издал более 500 книг и статей, всячески способствовал развитию и внедрению прогрессивных идей во всех сферах социально-экономического развития России. Наверное, поэтому появлялась между ним и художниками гармония взглядов. И.Е. Репин дорожил дружбой с Менделеевым и, как участник «Менделеевских сред», продвигал его суждения и предложения. Вспоминает Ольга Дмитриевна Менделеева, старшая дочь учёного: «Художники

Г.И. Успенский, Н.К. Михайловский, актриса П.А. Стрепетова, Д.И. Менделеев с женой. Как вспоминал писатель В.Н. Ладыженский, — квартира семьи Ярошенко стала своеобразным центром, объединившим прогрессивную, демократическую интеллигенцию. Предметами обсуждения были литературные новинки, публицистика запрещённых авторов.

В настоящий шумный спор превращались и последующие обеды, когда гости шутили, ставили дружеские шаржи, с пафосом читали стихи, показывали фокусы. Н.А. Ярошенко любили за честность и принципиальность. Стройный, всегда по-военному подтянутый, сдержанный, он не только привлекал внимание красивой внешностью, но, в первую очередь, своими бескомпромиссными суждениями. Дмитрий Иванович внимательно выслушивал друга и давал советы. Когда Николай Александрович поселился на жительство в Кисловодске, Менделеев был у него проездом в Баку и с радостью приветствовал новый этап в творчестве художника. Обсуждали художественные выставки, которые учёный не пропустил ни одной. Вспоминали «Менделеевские среды», когда «после трёх часов можно было застать хозяина дома, где играли в четыре руки Н.А. Меншуткин и А.П. Бородин что-нибудь из Моцарта или Мендельсона». Как чествовали первых русских женщин-учёных Софью Ковалевскую и Юлию Лермонтову. Менделеев был сторонником женского образования — он читал лекции на Владимирских женских курсах, открытых при его содействии.

Полёт Д.И. Менделеева на воздушном шаре в Клину
Художник
И.Е. Репин

В 1905 году Д.И. Менделеев издаёт книгу «Заветные мысли», где среди прочего говорилось: «Духовной стороне блага надобны истина, добро и красота. Искание их выразилось первее всего в религиях, сложившихся — надо это не забывать — в пору, далеко предшествующую современной сложности мировых отношений, а затем в науке и искусстве. Последние, по мне, стремятся путём образов и предчувствий, так сказать, полубессознательно, совершенно к тому же, что сознательно вырабатывается в науке». Но вся научная жизнь Д.И. Менделеева говорит об обратном — вне творчества и искусства он себя не представлял.

И ещё один факт из жизни великого Менделеева — ни один российский учёный, кроме него, при жизни не удостоивался такого внимания со стороны художников, графиков, скульпторов. Эта была признанная дань уважения и поклонения. Вот их имена — И.Н. Крамской, М.А. Врубель, И.Е. Репин, Н.А. Ярошенко.

Литература

Д.И. Менделеев в воспоминаниях современников. 2-е изд. М., 1973.

Капустина-Губкина Н.Я. Семейная хроника в письмах матери, отца, брата, сестёр, дяди Д.И. Менделеева. Воспоминания о Д.И. Менделееве. СПб., 1908.

Крамской И.Н. Письма, статьи. Т.2. М., 1966.

Менделеев Д.И. Заветные мысли. М., 1995.

Менделеев Д.И. Перед картиной Куинджи // Менделеев Д.И. Сочинения. Т. 24. М., 1954.

Менделеев И.Д. Воспоминания об отце Дмитрие Ивановиче Менделееве. Изд. 2-е. М., 1973.

Менделеева А.И. Менделеев в жизни. Изд. 2-е. М., 1973.

Младенцев М.Н. Воспоминания о Дмитрие Ивановиче Менделееве // Научное наследство. Т. 21. М., 1951.

Репин И.Е. Далёкое — близкое. Изд. 7-е. М., 1964.

Смирнов Г.В. Д.И. Менделеев. М., 1973 (Серия ЖЗЛ).

Смирнов И.А. Д.И. Менделеев и другие замечательные люди Клинского края. 2005.

Тригорова-Менделеева О.Д. Менделеев и его семья. М., 1947.

Лариса Михайловна Титова, заведующая отделом
МАУК «Клинское музейное объединение» (Клин)

Малоизвестное

Перед вами ранее не публиковавшиеся воспоминания Оксаны (Ксении) Владимировны Анзимировой о жизни в усадьбе Бирево Клинского уезда.

Описываемые события относятся к лету 1901 г., когда её отец Владимир Александрович Анзимиров (1859–1921) был выслан в своё имение Бирево под надзор полиции после того, как поддержал обращение Л.Н. Толстого об отмене репрессий против участников студенческой демонстрации у Казанского собора 4 марта 1901 г. (т.н. «письмо 99-ти»). Этот факт свидетельствует о том, что речь идёт не об обычном помещике.

Владимир
Александрович
Анзимиров

Оксана (Ксения) Анзимирова

Б
Быт

усадьбы Бирево

Дети В.А. Анзимирова: Оксана, Ника (в замужестве Родионова) с сыном Ярославом и Лев

В.А. Анзимиров был чрезвычайно разносторонним человеком. Происходя из небогатой семьи офицера, Владимир окончил Омскую военную гимназию, однако увлёкся идеями народничества и поступил в Московскую петровскую академию на модную в 1870-е гг. специальность агронома. Учась в академии, Владимир активно занимался революционной деятельностью, за что в 1879 г. был выслан в Рязанскую губернию под надзор полиции. Находясь в ссылке, В.А. Анзимиров «с нуля», из местного сырья создаёт фабрику по производству фосфорных удобрений, ранее в России не выпускавшихся. Производство бурно растёт, и к 1893 г. у Анзимирова уже три завода с паровыми мельницами, а также месторождения фосфоритов в Новгородской, Московской, Владимирской, Рязанской, Тамбовской, Пермской и Орловской губерниях.

Но на пике успеха он продаёт заводы и в 1892–1893 гг. покупает усадьбу Бирево, а в 1894 г. соседнее Троицыно (Малое Бирево). В Бирево он, с присущей ему энергией, берётся за переустройство местной жизни: создаёт две школы для крестьянских детей, пожарную часть, пробивает создание почтового отделения, внедряет прогрессивные кооперативные формы хозяйствования, изобретает сельскохозяйственную технику — плуги и сенокосилки, которые ещё долго называют «анзимировскими» или «биревскими».

В 1904 г. В.А. Анзимиров продаёт Бирево для того, чтобы вложить средства в главное дело своей жизни — издание народных газет «Копейка». В последующие годы он напишет тысячи статей, несколько ро-

манов и сборник сказок. «Копейка» войдёт в десятку крупнейших газет России с тиражом, достигавшим миллиона экземпляров. Двое его детей трагически погибли в революцию 1905 года. Он примкнёт к армии А.В. Колчака в Гражданскую, а проиграв, найдёт в себе силы основать музей в Новосибирске, существующий до сих пор. Но это уже совсем другая история.

Воспоминания Оксаны Владимировны написаны в начале 60-х годов XX в. Поэтому она всячески подчёркивает бедность и абсурдный альтеруизм помещика, что конечно, не соответствует действительности, а связано с желанием автора завуалировать нежелательное в то время социальное происхождение.

И на тех, кто гнетёт,
И кто жить не даёт,
Мы поднимем родную дубину,
Эх, дубинушка, ухнем...

Раздаётся стройное пение большого слаженного хора с террасы помещичьего дома в имении Бирево Клинского уезда в 1899 году.

В 1892–1893 годах это имение приобрёл Владимир Александрович Анзимиров и жил здесь до 1904 года, когда имение пошло с торгов за долги¹.

Семья у В.А. Анзимирова по тем временам была небольшая: жена и четверо детей, причём старшая дочь, Нина Владимировна, училась в Петербурге на Высших Бестужевских курсах и с семьёй в имении не жила, приезжая только на каникулы.

А между тем к обеду и ужину по сигналу колокола, висевшего на столбе около террасы, собиралось за стол 25–30 человек. За столом всегда шумно, весело, много споров на трепещущие темы общественной жизни, на политические темы. В то тяжёлое, реакционное время николаевского режима эти темы занимали всех. После ужина все оставались петь. Большой хор звучал сочными красками музыкального вдохновения исполнителей. Звуки песни неслись далеко за густой вековой парком, туда, в сёла Малое и Большое Бирево, под самые окна земского начальника, туда, навстречу бубенцам скачущей в имение тройки, на которой ехал становой с очередным заданием проверки неблагонадёжного хозяина имения В.А. Анзимирова.

Бубенцы были хорошо знакомы всем обитателям имения, они знали, что это становой Иннокентий Васильевич Языков с внешностью, очень похожей на царя Николая II. Зазвенели бубенцы за плотиной пруда. Пока тройка подъезжает к крыльцу, пройдёт ещё минут 5–8, и с террасы несётся залихватская тридцатиголосая песня:

Как за речкой за быстрой
Становой едет пристав.
Становому на ужин
Провиант свежий нужен.

Хорошо слышит эту песню становой, сидя в своём тарантасе, а кучер его, ухмыляясь, сдерживает лошадей и не спешит подкатывать к крыльцу, чтобы барин не слышал. «Здорово поют эти молодцы». В.А. Анзимиров встречает станового и происходит

обычный диалог: «Ну как же это, Владимир Александрович, неудобно же... Такие песни ведь всем кругом слышны, ведь и на селе мужики слушают... Не хорошо это, я должен всех поющих проверить».

Владимир Александрович заранее знает, чем всё это должно закончиться и ведёт станового на террасу, где хор продолжает петь чудесную студенческую песню «Из страны далёкой», и, когда Языков появляется на террасе, его встречает стройный хор словами:

Первый наш тост за наш народ
За святой девиз вперёд...

— Кто вот тот небольшого роста в студенческой тужурке у края стола? — спрашивает становой у В.А. Анзимирова.

— Это Михаил Михайлович Пятаков², он у меня проживает по найму, нуждается очень, на медные гроши учится... Взял его как репетитора к сыну, он математик, а сын в математике слаб...

— А вот тот высокий с гитарой у окна?

— А этот у меня живёт с женой. Сам он в университете на историческом факультете, а жена его учится на женских курсах. Так теперь летом он преподаёт сыну историю, а жена занимается по всем предметам с дочерью...³

— А вон тот в тужурке?

— Тот занимается с сыном немецким языком. Тоже студент, его родина Германия... Хорошо знает язык...⁴

— А тот с окладистой бородой..., а, видать, ещё молодой... борода для виду?

— Ах, этот у нас ведаёт нашей ремесленной мастерской и сам преподаёт там физику, и даже столярное дело, он же моему сыну физику преподаёт. Фамилия его Буров Георгий Фёдорович, он пока студент, наверное, будет незаурядной личностью... серьёзный, знающий... (Буров впоследствии имел много изобретений, будучи профессором, преподавал в Академии имени Жуковского, скончался в 1934 году).

— А это в очках, что сидит у края стола?

— Это студенческий товарищ моей старшей дочери, приехал на каникулы с сестрой, подругой дочери, он учится на естественном факультете, большой мастер препарировать лягушек, целые дни они с моей младшей дочерью занимаются. Фамилия его Райков Борис Евгеньевич». (Б.Е. Райков, ныне здравствующий заслуженный академик, проживает в Ленинграде)⁵.

Оксана (Ксения)
Анзимирова

В центре: В. А. Анзимиров (в соломенной шляпе) с учителями созданной им школы в с. Березино. Девочка перед ним Оксана Анзимирова, рядом (справа) Е. Н. Волынцев. Справа с папирисой — студент Борис Евгеньевич Райков, за ним в шапочке Александр Владимирович Анзимиров (сын В. А. Анзимирова). Стоит в шляпе Рейнгольд и его жена Лидия В. Анзимирова. Сидят: с собакой Николай Николаевич Воскресенский, слева Лидия Вацловна Бялковская (?), справа Михаил Сергеевич Пятакин. Имение Бирево, Клинского уезда, лето 1901 г.

— А вот тот, что играет в шахматы с моим сыном, учитель Березинской школы Волынцев Евгений Николаевич. Я ведь попечитель этой школы, а он мой старший друг. Но вы его знаете, он замечательный учитель⁶.

Становой Языков больше вопросов не задаёт, ни у кого документов не спрашивает, очевидно, хорошо понимая, что таковых ни у кого не имеется. В.А. Анзимиров угощает станowego своим вином из крыжовника, своею наливкой, после чего через два часа становой садится в свою пролётку и заплетающимся языком бормочет:

— А всё же, Владимир Александрович, надо б Вам поосторожнее быть. Ведь Вы на моём «попечении». Я должен за Вами наблюдать, а Вы развели там учителей разных... Знаем мы Вас..., — толкает в спину кучера. — Ну, трогай...

Отдаёт под козырёк и уезжает...

Владимир Александрович возвращается на террасу, а там уже чудесным сопрано запекает М.Н. Волкова (сестра М.Н. Волкова, агронома, товарища В.А. Анзимирова по Петровско-Разумовской академии) лирическую песню на слова Некрасова:

В полном разгаре страда деревенская
Доля ты русская, долюшка женская...

Хор подхватывает: «Вряд ли труднее сыскать...». И несётся вдогонку уезжающему становому по ночному туману этот протест женской доли, эта бунтующая скорбь женщины-человека...

В.А. Анзимиров своим бархатным басом включается в общую песнь, а потом, обрывая пение, отдаёт команду: — Спать, спать, спать!

— Как видите, проводили начальство хорошо, теперь раньше как через месяц не приедет... У него ничего не клюнуло, и паршиво он себя чувствует, при-

езжая к нам... Не завидую ему... Ну, завтра покос, и пока всем спать, разбуду с рассветом.

Наутро все обитатели имения от мала до велика вышли на сенокос. Выезжают обычно на фурах. Там, на берегу реки Сестры, что в двух километрах от Бирева, чудные заливные луга. Туда же отправляются и жители Большого и Малого Бирева. На лугах живут две недели. Сено убирают введёнными Анзимировым конными граблями, каковых у крестьян до того и в помине не было.

Косили вручную. Своё первенство косца Анзимиров не уступал никому. Так, как он, никто из крестьян косить не мог. Мужики говорили: — Ну и силён ты, Владимир Ляксандрыч, ну где за тобой угнаться?

Всё сено Большого и Малого Бирева убиралось такой «коммуной». Работали дружно, слаженно, а вечером по всей реке раздавалось дружное хоровое пение, в котором крестьяне принимали участие как исполнители народных песен.

Так же «коммуной» убирали хлеб. В.А. Анзимиров выписал паровую молотилку (до того крестьяне молотили зерно цепами на гумнах). 15 вёрст от Клина на себе по малоезженной дороге везли эту махину все живущие в имении, и жители обеих сёл... Каждый метр под колёса молотилки подкладывали тёс, и таким образом доставили её до места... Зато сколько радости, когда шла молотьяба. Крестьяне едва успевали подвозить снопы, а на молотилке сам В.А. Анзимиров, весь в золотой пыли, вместе с сыном кидали снопы в барабан молотилки, а там она сама молотила, веяла и в подвешенные мешки ссыпала зерно первого и второго сорта. Работа кипела дружно, на радость всем...

— Дай Бог здоровья Владимиру Ляксандровичу, ведь как мы мучились-то раньше. А сейчас как управляемся. Пашем легко и убираем уж больно споро.

Анзимировым в имении создана была кузница, где впервые в губернии стали выпускать не только одно-, но и двух- и даже трёхлемешные плуги. До него же процветала соха, а о плугах понятия не имели. Впоследствии эти плуги широко распространились по всей Московской губернии и стали носить название анзимировских. Кузница нуждалась в помещении более обширном, материалах и т.п. В.А. Анзимиров обивал пороги в министерстве, просил помощи в осуществлении весьма ценного начинания. Но что можно было тогда ждать от ничем не интересовавшихся чиновников... И расширял, совершенствовал кузницу, покупал материалы В.А. Анзимиров на свои ограниченные средства.

Так же была создана ремесленная мастерская, чтобы молодёжь окрестных сёл могла обучаться ремеслам и общему образованию. Мастерская была оборудована в доме, который был построен той же «коммуной». Строили большой одноэтажный дом за прудом имения на горе — лицевой стороной смотрящий на Большое Бирево. Все стали каменщиками, и во главе всех работ В.А. Анзимиров. Он клал стены из кирпича, который вырабатывался тут же на кирпичном заводе в Бирево. Дом получился на славу. С ле-

вой его стороны помещалось общежитие для обучающихся мальчиков, спальня, столовая, кухня и помещенные мастерских. В правой стороне был организован кооператив, т.е. магазин на кооперативных добровольных началах. За магазином двухкомнатная квартира для заведующего, и он же продавец в магазине.

Каждые два дня в неделю к В.А. Анзиминову приходили крестьяне двух сёл — Большого и Малого Бирева, и здесь длились беседы, которые занимали не менее 3–4 часов. О чём только в этих беседах не говорилось. О том, что надо делиться с сыном, а леса на постройку нет. О том, что мальчиков негде обучить ремеслу, а надо бы. О том, что сельский лавочник обдирает; надо бы свой кооператив, чтобы мы сами были хозяева, чтобы знали, какие товары нужны в магазине и продавались бы они без наживы лавочникам.

Обсуждали назревший вопрос о необходимости купить машины для тушения пожаров... Надо бы свою команду создавать...

Многое, многое обсуждалось, и многое надо было делать теперь же немедленно, а кто поможет? Выпрашивать по ведомствам ссуды на все эти мероприятия бесполезно, всё это в те времена было утопией. И вот В.А. Анзиминов многое взваливал на свои плечи. Созданная ремесленная мастерская требовала больших средств на содержание учеников, персонала, приобретение технических материалов, обмундирования учащихся, всё это делалось за счёт заклада и перезаклада имения, продажи леса: даже был создан племенной свинарник, чтобы средства от продажи позволяли расходовать средства на проводимые мероприятия.

Семья В.А. Анзиминова и все живущие (в большинстве своём те же, о которых говорилось выше, были на нелегальном положении) жили очень скромно⁷. На столе в основном были овощи, а мясо было в те дни, когда любители-охотники что-либо подстреливали на охоте — зайцев, бекасов, тетеревов. Летом дочери и сын ходили босиком, чтобы экономить обувь. За это деревенские богатеи и соседние помещики называли биревского помещика «босьяком». В.А. Анзиминова это несколько не смущало, он знал, что делает нужное для народа дело⁸.

Сколько радостных минут выпадало на его долю, когда он видел результаты своих трудов. Рабочее помещение столярной мастерской могло превращаться в зрительный зал со сценой, и здесь ставились практически все спектакли Островского.

Анзиминов и сам оказался талантливым актёром и, когда он в «Бедность и порок» играл Любима Торцова, в зале, где битком помещались зрители Большого и Малого Бирева, всё буквально ревело от рукоплесканий. Пьесы Островского очень нравились, они были очень доходчивы, и их просили снова играть и повторять. Исполнителями были все жители Бирева, среди них оказалось много талантливых актёров и актрис.

Пожарная команда была создана⁹, при ней находились постоянные дежурные, и по сигналу о пожаре немедленно выезжала вся бригада и тушила пожары.

Кооператив работал очень активно, и в его магазине жители Большого и Малого Бирева получали всё, что им требовалось.

Кирпичный завод обеспечивал своей продукцией, и много домов в этих сёлах ставилось на кирпичные фундаменты. Необходимый для постройки домов лес Анзиминов выделял безвозмездно.

Но самым любимым детищем В.А. Анзиминова была школа в селе Березино Клинского уезда¹⁰. Школу строили всё той же всей имеющейся в имении мужской силой. Сам Владимир Александрович показал себя неплохим плотником, он ловко, не хуже заправского плотника, стругал брёвна; подросток-сын всегда был в «паре» с отцом. Школа на кирпичном фундаменте с большими окнами, просторными классами, столовой (она же становилась залом), с квартирой для учителя, вышла на славу. В то время о таких школах в Клинском уезде и не мечтали. С учителем тоже повезло. Молодой, любящий своё дело, как говорится, педагог от природы взялся за учёбу и воспитание с энтузиазмом. Это был Евгений Николаевич Волинцев. Всё, что сейчас вводится в школах, проводил Евгений Николаевич, чутьём угадывающий её будущее.

Примечания

¹ Имение было продано не в связи с разорением, а для вложения средств в издание «Газеты Копейка».

² Имеется в виду Михаил Сергеевич Пятакин (см.: Райков Б. На жизненном пути. Кн. 1. СПб., 2011. С. 233).

³ Имеются в виду Николай Николаевич Воскресенский и его жена Лидия Вацловна Бялковская (см.: Райков Б. Указ. соч. С. 233).

⁴ Имеется в виду Рейнгольд, в будущем муж дочери В.А. Анзиминовой Лидии.

⁵ Борис Евгеньевич Райков (1880–1966) — методист-биолог, историк естествознания, видный педагог, доктор педагогических наук (1944), профессор (1918), действительный член АПН РСФСР (1945), заслуженный деятель науки РСФСР (1961).

⁶ Евгений Николаевич Волинцев, впоследствии заслуженный учитель РСФСР.

⁷ Это преувеличение для советских читателей.

В.А. Анзиминов никогда не был на нелегальном положении, а находился под надзором полиции.

⁸ Хожение босиком и ограничение рациона было, конечно, связано не с недостатком средств, а с тем, что В.А. Анзиминов был последователем учения Льва Толстого об опрощении.

⁹ По инициативе В.А. Анзиминова.

¹⁰ Построена около 1896 г.

Введение, публикация и примечания
Льва Владиславовича Анзиминова
(правнук В.А. Анзиминова) (Москва)

Малоизвестное

Аст
Тускло блуждаю
Но я надеюсь
И я брошу
На высоту!

Да! В поих
Как охадни
Я...

Автограф
Н.А. Бруни
Из книги стихов
1930-е годы

Священник
Н.А. Бруни
1927 г.

Священник Николай Бруни в Клину

Светлана Архипова

his fidei

П. Виренскому

Клинок
Сентябрь 18
1926г.

«Николай Александрович, отец Бруни!» — окликнул Парнок безбородого священника-костромича, видимо, ещё не привыкшего к рясе и державшего в руке пахучий пакетик с размолотым жареным кофе. — Отец Николай Александрович, проводите меня!»¹ — так начинается третья главка повести Осипа Мандельштама «Египетская марка», где под собственным именем выведен Николай Александрович Бруни, близкий товарищ Мандельштама по учёбе в Тенишевском училище и по участию в литературном объединении «Цех поэтов».

Отец Николай Бруни — личность незаурядная, человек интересной и трагической судьбы. Поэт, музыкант, художник, военный лётчик, герой Первой мировой войны, священник. Более пристальное знакомство с биографией отца Николая потрясает, кажется, что испытаний, выпавших на его долю, хватило бы на несколько человек. Современники отмечали его горячность, отзывчивость, добрую, кристально чистую душу. Будучи разносторонне одарённым, он начинал как поэт и музыкант, но чем бы ни приходилось отцу Николаю заниматься, он оставался прежде всего поэтом.

1927-й год, когда Мандельштам писал о Бруни в «Египетской марке», застал о. Николая в подмосковном Клину. Он служил здесь в храме Успения Пресвятой Богородицы на улице Крестьянской (ныне улица Папивина). Церковь в Советской России переживала крайне тяжёлые времена, атмосфера вокруг верующих людей сгушалась. Предыдущий священник из Успенского храма, отец Алексей Никонов, причисленный в наши дни к лику святых новомучеников и исповедников Российских, 26 сентября 1924 г. был арестован по обвинению в антисоветской агитации и 27 февраля 1925 г. приговорён к высылке в Нарымский край. К середине 1920-х гг. в Клину, как и повсеместно в стране, уже было проведено изъятие церковных ценностей, несколько лет здесь просуществовала так называемая Живая Церковь, был закрыт женский монастырь в селе Акатово.

Успенский храм в Клину стал четвёртым по счёту местом служения отца Николая Бруни. Его назначили туда после церкви села Стенино под Козельском, недалеко от Оптиной пустыни, откуда он уехал после закрытия храма в сентябре 1924 г. Отец Николай «клинского» периода — это ещё довольно молодой, но уже много перенёсший человек, обременённый

Родители
Н.А. Бруни

большой семьёй. В свои 35 лет он подводит итоги жизни и оглядывается на пройденный путь:

Завернулся я в чёрную рясу,
Как в дремучую чёрную ночь!
Что отдам я Господу Спасу —
Душу нищую — блудную дочь!
(«Стансы моей жизни», Клин, 4 мая 1926 г.)

В Клину отец Николай пережил глубокий духовный кризис. Здесь он принял нелёгкое решение оставить священство. И причиной тому был не страх перед усиливающимися гонениями или желание приспособиться. К этому времени он окончательно понял несовместимость своей натуры с духовным саном, и, будучи честным человеком, решил на этот шаг, испытывая глубокие моральные страдания. Но веру он сохранил, и не отрёкся от неё во время гонений. Каким же был его путь от эстета к мученику, который принял смерть с молитвой на устах, и каковы истоки этой сложной и интересной личности?

Николай Александрович Бруни родился 29 апреля 1891 г. в семье архитектора Александра Александровича Бруни. Его предок Антонио Бароффио (1762–1825), итальянец по происхождению, был уроженцем города Мандризио в Швейцарии. В период наполеоновских войн он служил капитаном в швейцарском войске в составе армии Суворова. А. Бароффио был незаурядным художником. В 1807 г. он приехал в Россию, где стал в 1815 г. академиком. Его рукой выполнены декоратив-

Анна Александровна Бруни с детьми

ные росписи в Царском Селе, Павловске, во многих частных домах и храмах. Старший сын Антонио, знаменитый академик Фёдор (Фидель) Бруни, автор известных картин из собрания Русского музея, приходился Николаю Бруни двоюродным дедом. Мать Николая Александровича, Анна Александровна, урождённая Соколова, была внучкой знаменитого акварелиста пушкинской поры П.П. Соколова, который находился в родстве с Брюлловыми. Её отец также был художником. Сама Анна Александровна была хорошо образована, переводила с немецкого и норвежского языков (первая перевела произведения Кнута Гамсуна), печаталась в литературных журналах.

У Александра Александровича и Анны Александровны было пятеро детей. В 1898 г. в течение полугода от болезней скончались две их маленькие дочери и сын. А в июне 1900 г. супруги Бруни разошлись; вскоре после развода каждый из них создал новую семью. Дети, Николай и Лев, остались с матерью (отец до самой своей кончины в 1911 г. помогал им). Братья Бруни учились в Тенишевском училище, вместе брали уроки живописи: впоследствии Лев стал самобытным художником. Но Николая, который также прекрасно рисовал, влекла музыка. После окончания в 1911 г. Тенишевского училища он поступил в Петербургскую консерваторию. Вскоре Николай Бруни начинает выступать как солист в Петербургской филармонии, даёт частные уроки. Никто не сомневался в том, что впереди у него карьера блестящего пианиста. В это же время он публикует свои первые стихотворения в литературных журналах, входит в «Цех поэтов», созданный Н.С. Гумилёвым. Братья Бруни — активные участники культурной жизни Петербурга. В квартире № 5 при Академии художеств, где Лев Бруни жил с матерью, образовалась творческая мастерская, там соби-

рался весь цвет Серебряного века. У них бывали Н.С. Гумилёв, М.А. Кузмин, Н.С. Альтман, С.М. Городецкий, Н.А. Клюев, Р. Ивнев, П.В. Митурич, Н.Н. Пунин и другие. Николай Бруни дружил с А.А. Ахматовой, Б.Л. Пастернаком, В.Ф. Ходасевичем, пианистом В.В. Софроницким. Он был невероятно талантлив, проявив себя не только как музыкант, поэт и художник. Николай прекрасно знал четыре европейских языка, увлекался эсперанто и футболом, водил яхту, хорошо ездил верхом, очень любил собак и охоту.

Эта жизнь, насыщенная искусством и общением с близкими по духу людьми, была прервана Первой мировой войной. Хотя в 1913 г. Николай Александрович был освобождён от военной службы, он идёт добровольцем на фронт. Став санитаром, под воздействием новых впечатлений Бруни пишет повесть «Записки санитаря-добровольца» и несколько рассказов. Че-

Н.А. Бруни — военный лётчик

рез полтора года он оканчивает краткосрочные Теоретические курсы авиаторов при Петроградском политехническом институте и Лётную школу в Севастополе. В 1916 г. военный лётчик Н.А. Бруни отправился на фронт в 3-й Армейский авиационный отряд и вскоре за отвагу был награждён тремя Георгиевскими крестами и произведён в прапорщики. Стихия полётов захватывает его целиком, в апреле 1917 г. Николай Бруни пишет стихотворение «Ночной бой»:

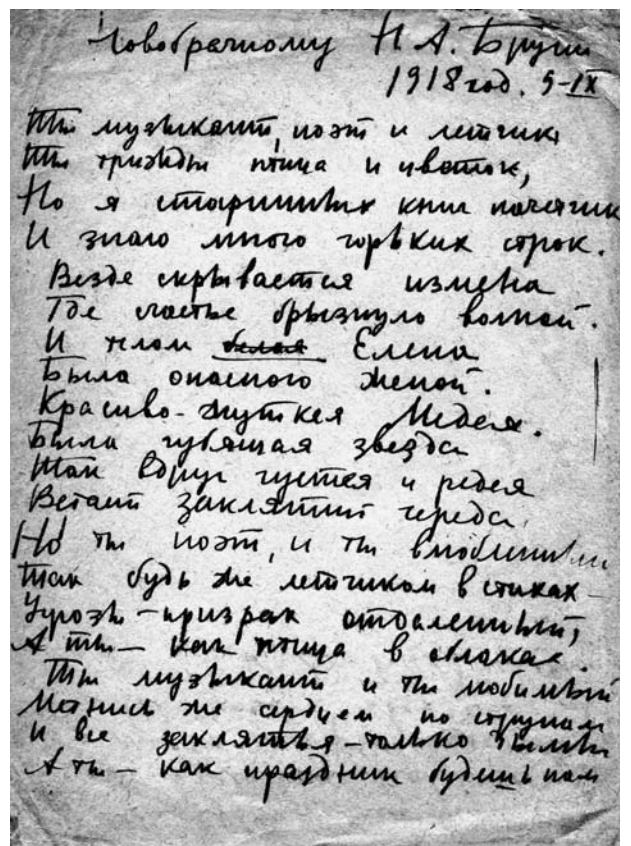
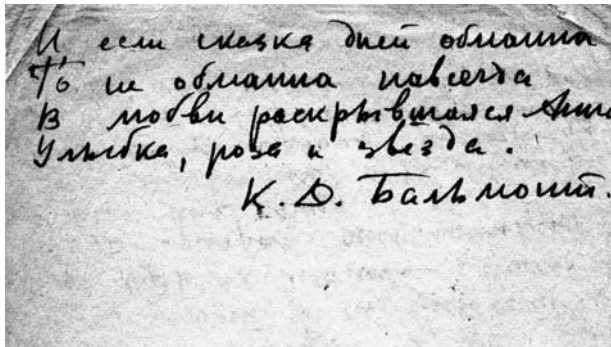
Чугунные глотки — ночной разговор,
Чтоб вечность там не уснула!
Я дверь раскрываю в чёрный простор —
Дверь, что дрожит от гула!..

Приди же утро! Верни мне волю!
Винта и стального сердца рёв...
Будут под крыльями реки, поле
И развалины городов!

В сентябре того же года во время ночного боевого вылета под Одессой его самолёт был сбит, Н.А. Бруни получил сильнейшие травмы (у него было сотрясение мозга, переломы рук, ног и нескольких рёбер), а его

стрелок погиб. Во время аварии на Николае Александровиче был большой литой нательный крест — благословение матери, который при страшном ударе о штурвал сильно погнулся, предотвратив травму груди. Пострадавший был доставлен в госпиталь, где долго находился без сознания. Врачи не верили, что он выживет. Николая Бруни положили в палату, с ног до головы «одетого» в гипс, здесь он дал обет посвятить себя Богу и стать священником, если останется жив. Ему было 26 лет. Вопреки ожиданиям Николай Александрович поправился, и это сочли чудом. Последствия тя-

К.Д. Бальмонт
«Новобрачному
Н.А. Бруни»
Автограф.
1918 г.

жёлых травм, кроме хромоты, почти не были заметны.

Его деятельная натура искала применения. Оказавшись в 1918 г. в Москве, ещё на костылях, Н.А. Бруни явился в Управление Красного Военного Воздушного флота и был назначен командиром 1-го Авиаотряда. Но в начале 1919 г. из-за плохого состояния здоровья был уволен.

9 сентября 1918 г. Николай Александрович в Москве обвенчался с Анной Александровной Полиевктовой, а 14 мая 1919 г. в Курске архиепископ Харьковский Сергей рукоположил его в сан священника. Это были старые дружеские связи: владыка Сергей был братом Екатерины Алексеевны Бальмонт, жены поэта К.Д. Бальмонта, в семье которых жила девочкой Анна Полиевктова. О. Николай получил свой первый приход в селе Будды под Харьковом. Прожив здесь два года, в марте 1921 г. семья Бруни вернулась в Москву, где о. Николай стал служить в храме святителя Николая на Песках. Но прослужил он здесь недолго: когда храм перешёл к обновленцам, о. Николай ушёл с прихода. Это было очень тяжёлое в материальном отношении время для его семьи, в которой уже рос сын. Вот как вспоминала об этом его жена Анна Александровна: «В 1921 году в Москве, будучи без места, он занялся столярничаньем дома, делал игрушки и ходил продавать их на Смоленский рынок, на толкучку. Эти игрушки были художественно исполнены, но их никто не покупал, так как было голодное время. Эти игрушки остались дома и ими играли наши дети»².

Надо было постоянно думать о том, как выжить, и о. Николай решает ехать в Оптину пустынь, где в это время жили его мать и брат с семьёй. Оптина пустынь вошла в их жизнь ещё до революции. В 1916 г. здесь побывал брат о. Николая Лев, в этот приезд он познакомился со старцем Нектарием, который тепло относился

к нему и ценил его художественный дар, называя «нашим Рафаэлем». 4 декабря 1921 г. Лев Бруни поселился недалеко от Оптиной вместе с женой, Ниной Константиновной, урождённой Бальмонт, и детьми. Здесь же после второго развода жила их с о. Николаем мать, Анна Александровна Бруни-Исакова. Все они обращались за советами к отцу Нектарию. Старец духовно воспитывал братьев Бруни, учил отказываться от самолюбия, закалял их души. По словам их современницы, поэтессы Надежды Павлович, отец Нектарий держал Николая Александровича строго, в «чёрном теле» ...

Незадолго до рукоположения в сан, в 1919 г., Н. Бруни писал в одном из писем о своём высоком душевном настрое в этот период: «Радостью и тишиною наполнена моя душа. Сегодня сдал пресвитерский экзамен, а в среду, 1 мая буду рукополагаться в сан иерея <...> Трудно рассказать о всём, что переживаешь, всё как-то стало гораздо напряжённее, всякая печаль и радость, но всё же какое-то торжество побеждает все сомнения <...>»³. Постепенно это отрадное состояние сменилось подавленным, а сомнения взяла верх. В 1920 г. в одном из стихотворений он говорит:

Молюсь, слепец неутомимый,
Невежда гордый и аскет ...
А вы всё выше, серафимы
Таите непостижный свет!
Увы, прекраснее и проще,
(Как эти строки мне страшны),
В береговой затихшей роще
Шаги серебряной луны ...

О. Николай был очень искренним человеком, он прекрасно осознавал, насколько высоко звание священника и знал, что сам он был по преимуществу человеком искусства. Неслучайно прихожанам церкви

Старец Нектарий
Оптинский

святителя Николая на Песках о. Николай запомнился тем, что перед панихидой по Александру Блоку он читал стихи поэта и читал так, что все плакали.

В Оптиной пустыни о. Николай начинает тосковать по авиации. Её образы всё чаще врываются в стихотворения этих лет. Его внутренний разлад усугубляется тяжёлыми внешними обстоятельствами и нуждой. В это время о. Николай пытается наладить сносное существование ради детей, что было сделать очень сложно. В марте 1923 г. в монастыре начинает работать ликвидационная комиссия, богослужения запретили, многих монахов выслали. Был арестован старец Нектарий. В это время Бруни жили на монастырской Рыбной даче. О. Николай, которого страшно угнетал советский быт, писал матери в эти дни: «Бьюсь я мыслями между городом и лесом и не знаю, одолеем ли мы (духовно) ещё дальнейшее пребывание среди ползверей-граждан <...> Кажется, если бы только не дети, то мы предпочли бы восьмой этаж в комнате, службу и всё ещё что угодно, лишь бы не самогон, не вши, не человеческий лай. Но дети! Дети! Молоко! Новостей нет. Подползает гнетущая тоска»⁴. О тяжёлом положении внешнем и своём подавленном внутреннем состоянии он сообщает и другому адресату: «Положение наше очень неопределённо, и если мы не устроимся в деревне, то не знаю, что будет с нами. Трудно провинциалу переселиться в столицу, но ещё, кажется, труднее столичному человеку утвердиться в провинции!.. В монастыре буря. Ну, словом: терпи! — вот лозунг спасения. Писать мне очень трудно, п.ч. угнетён <...>»⁵. И трогательно добавляет: «Вот и коровка наша линяет, и вид у ней очень безобразный»⁶.

В этих условиях, когда всё происходящее казалось катастрофой, и сам о. Николай духовно потерялся, он обращается к старцу Нектарию с вопросом, всю ли жизнь ему оставаться священником. Старец, может быть, лучше самого отца Николая понимая, что происходит в его душе, сказал, что всю жизнь он не сможет нести этот крест, а священником он перестанет быть в то время, когда и сам отец Нектарий окончит своё служение.

Вскоре власти закрывают храм в Стенине, о. Николай уезжает из Оптиной пустыни, и в начале 1925 г. оказывается в Клину. С самого начала своего служения, ещё в 1919 г., о. Николай решил, что не будет брать у прихожан деньги за требы. Он лишь принимал скромные натуральные пожертвования и всегда трудился, чтобы прокормить семью. И в Оптиной, и в Клину он разводил домашнюю живность. Несмотря на бедность, отец Николай очень сердился, когда кто-то из прихожан давал матушке деньги. Вскоре о его позиции стало известно, в Успенский храм начали приходить с других

Отец Павел
Флоренский

приходов, даже с дальних. Со стороны других священников это «бессребренничество» вызывало недоумение и зависть, а со стороны церковного начальства — нарекания. У него начались неприятности. Это усугубляло его тяжёлое душевное состояние.

В своих «клинских» стихах о. Николай размышляет о своём пути, кается, что не может исполнить обет до конца, выражает острое недовольство собой. В Клину о. Николай чувствует себя духовно одиноким, отсюда он начинает ездить в Сергиев Посад, где в это время объединяется несколько семей священников и воцерковлённых мирян, тяготевших к Троице-Сергиевой лавре. Среди них Г.И. Чулков, поэт-символист и философ, с женой Надеждой Григорьевной, семья священника Михаила Шика, в которой после ареста о. Николая найдут уют его родные, и другие. Отец Николай беседовал с Чулковым на религиозные и философские темы, и это нашло отражение в его стихах: в Клину он написал два посвящения Г.И. Чулкову. Но главной целью его поездок в Сергиев Посад было общение с отцом Павлом Флоренским. Отец Павел, чрезвычайно одарённый, энциклопедически образованный, очень интересовал о. Николая. Его привлекала прежде всего красота духовного облика, широта интересов, твёрдая религиозная позиция о. Павла. У них было много общего, включая тонкую художественную восприимчивость и большую любовь к музыке. За беседой они засиживались за полночь.

Отец Павел был для о. Николая не просто другом, но и примером во многом. Ещё в 1919 г., незадолго до рукоположения в сан, о. Николай сообщал в одном из писем: «Будущее же я, конечно, рисую себе в Москве или во всяком случае вблизи Москвы, как, например, в Троице-Сергиеве, где живёт Павел Флоренский»⁷. Видимо, в связи с этой ранней установкой и был в своё время выбран Клин как место служения.

О. Николая отличала широта интересов — это тоже сближало его с о. Павлом: тот в начале 1920-х гг. работал в лаборатории московского завода «Карболит», где занимался синтетическими смолами. Кроме того, с 1924 г. он по приглашению В.А. Фаворского читал лекции во ВХУТЕМАСе (где преподавал и брат о. Николай Лев). Видимо, о. Николай открыл о. Павлу душу и посвятил его в свои сомнения, и, может быть, в ответ услышал не то, что ожидал, и это вылилось в строки:

Вы печалью меня напоили!
Сердце стонет или поёт...
Чем, скажите, вы отравили
Чай душистый, варенье, мёд?
Всё я щурюсь от лампы висячей —
Или ваш это пристальный взгляд?
Всё томлюсь нерешённой задачей —
Не смертелен ли выпитый яд?

Тем временем, в 1926 г., мать о. Николая, Анна Александровна, предприняла попытку устроить сына на другой приход, в Гатчину, в надежде, что старые связи и культурная среда помогут ему преодолеть кризис. Сохранилась запись священника гатчинской церкви о. Иоанна Смолина о визите к нему Анны Александровны. Эта запись была сделана 18 сентября 1926 г.: «<...> Вот уже меня сегодня просили и о кандидате на моё священническое место <...> Я очень рад этому; как видно из объяснения, кандидат весьма желательный, ещё молодой — 35 лет, принявший священство идейно, после революции, сам образования светского и был в консерватории, обладает хорошим даром слова; звать его о. Николай Александрович Бруни <...> В данное время он служит в городе Клин Московской губернии <...> Его отлично знает преосв. Григорий. При развитии обновленчества он был в городе Козельске Калужской губернии и один устоял в Православии и доселе остаётся твёрдым и непоколебимым православным и горячо ревностным пастырем. Дай Бог такого заместителя...»⁸. Но этому не суждено было сбыться.

Между тем отношения о. Николая и о. Павла омрачаются глубоким разногласием. В сентябре 1926 г., как раз, когда о. Иоанн сделал запись в своём дневнике, о. Николай пишет стихотворение «Actus fidei», вновь посвящая его о. Павлу Флоренскому:

Пусть близок год и даже день! Хотя б!
Но я надеяньем, как ландышем дышу!
И я взойду на твой костёр, Октябрь —
На высоту! Как лебединый шум!

Да! В полымя твоих повествований,
Как окаянный, дерзкий еретик!..

Н.А. Бруни
за работой

Я захлебнусь волною ликований
И всё вложу в последний детский крик!

Эти слова стали пророческими. То, что он взойдёт на «костёр Октября», о. Николай понимал как роковую неизбежность для себя. Бунтарский пафос стихотворения — это эмоциональный всплеск автора под воздействием полемики. Спустя много лет отзвук этого разногласия всплывёт и в памяти о. Павла. В письме сестре Ольге с Соловков от 10–11 марта 1936 г. он сообщает: «Ещё прочёл я недавно воспоминания художника-акварелиста Соколова и воспользовался ими для составления генеалогической таблицы рода Соколовых с его многочисленными представителями изобразительных искусств, Брюлловых, Бруни и др. Это — одна из многочисленных иллюстраций ГЕНЕТИКИ... и исторического значения передаваемых свойств — мысль, которая меня занимает десятки лет <...> Моё глубокое убеждение, что если бы люди внимательно относились бы к свойствам рода, как целого, и учитывали бы наследственность, которая в данном возрасте может и не проявляться ярко, но скажется впоследствии, то были бы избегнуты многие жизненные осложнения и тяжёлые обстоятельства. Но люди, особенно в молодости, думают самоуверенно, что можно обойти законы природы и сделать, как им самим хочется в данный момент, нередко по прихоти или капризу, а не так, как это вытекает из природы вещей, — в данном случае — из элементов наследственности <...> И за своё нежелание вдумываться, изучать и вникать, за свой каприз потом жестоко расплачиваются, к сожалению, не только собою лично и своею лично судьбою, но и судьбой своих детей. Античная трагедия вся основана на этом понимании <...>»⁹. Это единственное место в эпистолярном наследии о. Павла, где есть

А.А. Бруни с детьми: Таня, Алла, на коленях сидит Даша, Гуля, Миша

упоминание фамилии Бруни. Что касается отношения Николая Бруни к «Октябрю», то оно было сложным, и об этом стоит сказать особо.

Революцию он принял сочувственно, как значительная часть интеллигенции, и в феврале 1917 г. даже был делегатом от 7-го Авиационного дивизиона на Всероссийском съезде авиации, где примкнул к группе большевиков. Николай Александрович, дворянин по происхождению, по взглядам был человеком демократичным. Он вырос в либеральной среде и не получил глубокого религиозного воспитания, что, конечно, не означает отсутствия у него личного религиозного опыта. Его мать, утратив тёплую веру в пору юности, не передала её детям, о чём позже свидетельствовала сама и о чём глубоко сожалела. Она вспоминала о 60-х годах XIX века, поре своего детства, как о несущих «<...> с собою нигилизм — гордостный, новый подход к общепринятым до тех пор устоям и правилам жизни. <...> Если такое направление и не поглотило моих родителей целиком, оно всё же расшатало до некоторой степени воспринятое ими в детстве мировоззрение, и это передалось мне. Я была горячо религиозна в юности, даже потеряв сердечность веры, я никогда не оставляла церкви совсем. Но это было скорее в силу какого-то эстетизма: я нигде не получала впечатлений более красивых, глубоко значительных и изящных, чем в церкви. Тем не менее лет в восемнадцать я уже утратила свою тёплую детскую веру и мало-помалу перешла к «восстанию» против всего, непосредственно воспринятого мною в раннюю пору моего развития»¹⁰. В поисках религиозной истины Анна Александровна увлекалась спиритизмом, толстовством, другими модными тогда течениями. Этого не избежал и Николай Александрович. В «Автобиографии» он говорит о том, что после 1917 г. пережил «пе-

риод тяжёлых личных исканий, начиная от толстовства и кончая Церковью». Мировоззрение юноши Николая Бруни складывалось в Тенишевском училище, создатель которого князь В.Н. Тенишев придерживался либеральных убеждений, в его учебное заведение принимались дети всех вероисповеданий и сословий. Как свидетельствуют современники, тенишевцев «объединяли честность, правдивость, товарищество, благородство поступков, ясность мысли, бескорыстное увлечение своим делом». В такой среде кичиться высоким происхождением было бы нелепо. Относительно же дворянства у Николая Бруни было определённое мнение. В стихотворениях 1920-х гг., написанных в Клину, находим:

Был Октябрём я слегка ограблен,
Но ты сорвал златую спесь...
Ведь не в погонах же, не в сабле —
Она жила под сердцем, здесь!
(С. Есенину, 18 июля 1926 г.)

Пуды, а нынче килограммы —
Всё, что потребно животу —
Нам прежде доставляли «хамы»,
А мы носили лишь «мечту» ...
Мечтаний время миновало,
Жестоко нас судил народ, —
И каждый, проливая пот,
Несёт свою муку и сало.
(Послание друзьям, 25 июля 1925 г.)

В революции Бруни могли привлечь идеи свободы, равенства, обновления жизни. О Николаю было присуще обострённое чувство жалости ко всем несчастным, угнетаемым и шире — ко всему живому, неприятие любой несправедливости. Если кто-то нуждался в помощи, он буквально бросался на выручку. Сын о. Николая Михаил вспоминал характерный эпизод, который произошёл, когда ему было лет 10 (он родился в 1919 г.). Они с отцом шли как-то после дождя в районе Трубной площади в Москве. Дорога, которая в этом месте круто поднимается в гору, стала непроезжей. И они увидели, как какой-то разъярённый мужик с кнутом в руках пытается втащить под уздцы в гору лошадь, запряжённую в тяжёлую гружёную телегу. Измученная лошадь топталась на месте, увязая в грязи, и никак не могла сдвинуться с места. Тогда хозяин начал яростно бить её кнутовищем по голове. Увидев это, о. Николай в сильном волнении, хромая, подбежал к мужику, выдернул кнут из его рук, ухватил поводья и начал что-то тихо говорить лошади, слегка поглаживая её. Он успокоил бедное животное и, не торопясь, продолжая ласково уговаривать, повёл в гору. Этот случай глубоко запечатлелся в памяти его сына. Импульсивный, отзывчивый, о. Николай не мог пройти мимо чужой боли и не молчал, даже когда это было опасно. Он на всё реагировал мгновенно. Какой-то своей ипостасью принимая революцию, в то же время о. Николай не мог не видеть, что принесла она России. В 1919 г. он писал:

Н.А. Бруни
в лагере работает
над памятником
А.С. Пушкину
1937 год

Смотри — чудовищной лавиной,
Грехом затоплена страна.
Теперь и силою орлиной
Она не будет спасена!

Но будучи натурой деятельной, о. Николай стремится быть полезным, созидать даже в этих условиях, по-другому он просто не мог. Его гложет мысль: «Что же сделал я для народа, пустотой, как небом полн?»¹¹ В мучительном поиске он принимает трудное решение оставить священство. Это произошло после праздника Троицы, в самом начале лета 1928 г. Примерно в это же время, 12 мая 1928 г., скончался оптинский старец Нектарий, — сбылось его пророчество об о. Николае Бруни, они, действительно, одновременно окончили своё служение. Николай Александрович, оставив сан, сохранил веру. Его решение не было продиктовано страхом: человек, награждённый тремя Георгиевскими крестами, ставший священником уже после революции, открыто посвящавший стихи расстрелянному Гумилёву и уже опальным Есенину и Ахматовой, мог поступать только по убеждению. Но решение это было тяжёлым во всех отношениях: его семья оставалась без средств к существованию. И тут он снова верен себе — берётся за любую работу: кладёт печки, делает, как когда-то, игрушки на продажу, даже чистит туалеты.

Одновременно Николай Александрович пытается искать работу в Москве. Так продолжалось до конца лета 1928 г. В августе он неожиданно встретил своего бывшего товарища по лётной школе, который пригласил его работать переводчиком в НИИ Военно-воздушных сил. Теперь авиация станет делом его жизни. Спустя год работы в НИИ ВВС Николай Александрович перевёлся в ЦАГИ, затем в Институт гражданской авиации, также переводчиком. Через два года он начинает принимать участие в конструкторских разработках. С 1932 г. становится старшим инженером самолётной лаборатории Московского авиационного института, затем переходит на 38-й Авиазавод. Ему дают жильё: две комнаты в бараке

института в Химках. Друг семьи Льва Бруни В.Б. Некрасова вспоминает облик Николая Александровича начала 1930-х гг.: «Хотя разница в возрасте братьев была всего три года, Николай Александрович казался значительно старше. Может быть, лёгкая хромота и отсутствие полной свободы движений были тому причиной. Взгляд его, таких же, как у брата, карих глаз был внимателен, сосредоточен и задумчив»¹².

В эти годы он вплотную столкнулся не только с советским бытом, но и с политической системой. Все иллюзии относительно советской действительнос-

Н.А. Бруни
Автопортрет
нарисованный
в лагере в Чибью
(Ухта).
1936 г.

ти, если они у Николая Александровича ещё оставались, были полностью развеяны, и своё отношение к ней Бруни не скрывал. Это не прошло ему даром: 8 декабря 1934 г. он был арестован. При обыске у него изъяли два письма о притеснении верующих в СССР, адресованных Р. Роллану. В материалах следственного дела было записано: «Гражданин Бруни <...> из дворян, бывший служитель культа и офицер царской армии, инженер»¹³ — что уже звучало как приговор. В качестве вины Николаю Александровичу вменялись антисоветские высказывания, разглашение секретных сведений, связанных с его работой на 38-м Авиазаводе, его знакомство с французским гражданином Ж. Пуантиссом и шпионаж в пользу Франции. Бруни со свойственной ему прямоотой признавал, что говорил: «Мы живём в условиях необычайного гнёта, всё делается по приказу, всякая инициатива раздавлена. Крестьянство насильно загнано в колхозы!»¹⁴

Не отрицал он и своих крайне резких высказываний о большевиках. Обвинения же в шпионаже Николай Александрович категорически отвергал. Что касается отношений с Пуантиссом, то это была искренняя дружба с единомышленником. Ж. Пуантисс, француз-

Это ужасно! Читая стихи,
 дивные стихи, которые полны
 света, жизни и того неувядаемо
 прекрасного, что есть в музыке,
 это заставляет трепетать сердце.
 А я должен их читать, пере-
 писать, систематизировать!
 Тоска, ужасная тоска, боль, обида
 перемалывает меня. Это как зудящая.
 Можно терпеть только несколько
 минут. Поэт, написавший это
 — мой отец! Я люблю его больше
 жизни. Поищет ли кто, как
 мне тяжело. Поищет ли кто
 овладевает отчаяние: нет сил
 бороться эту тоску. Кричать, биться
 о стену: я теряю веру и желание
 жить. После Н. Бруни, никогда его
 не увидишь не скажу ему о моих
 мольбах.

1934. апрель.

Н.Б.

Дневниковая
 запись сына
 Н.А. Бруни
 Михаила
 1934 год

ский коммунист и военный лётчик, приехал в СССР в 1927 г. и поступил на службу в ВВС РККА. Н.А. Бруни познакомился с ним в 1929 г. Со временем Пуантисс вышел из ВКП(б), потому что стал врагом коммунистического мировоззрения и хотел уехать во Францию, но был арестован. В одном из протоколов допроса Н.А. Бруни указано: «Следствием установлено, что обвиняемый Бруни Н.А. вёл контрреволюционную фашистского характера агитацию <...>, поддерживал контрреволюционную связь с бывшим французским капитаном шпионом Ж. Пуантиссом, от которого получил 400 рублей и ряд книг контрреволюционного содержания <...> Говорил Пуантиссу: "Мне тяжело работать на заводе, изготавливающим вооружение для Красной Армии"»¹⁵. После прочтения протокола Николай Александрович зачеркивает: «для Красной Армии» и исправляет: «как таковое». Подобных мест в следственном деле много, по прочтении протоколов допросов Бруни то и дело исправляет слова следователя: 400 рублей он действительно получил от Пуантисса, но не за сообщение секретных сведений, а для уплаты за квартиру, так как сильно нуждался: «О том, что я получил деньги от Пуантисса, я поделился со своей женой и другими, так как был поражён участием Пуантисса»¹⁶.

Относительно передачи секретных сведений, связанных с изготовлением оружия, Николай Александрович объяснял, что на 38-м Авиазаводе профессором А.В. Курчевским разрабатывались пушки, во время испытания которых использовали собак,

при этом животные гибли. С этим Бруни примириться не мог, о чём и говорил Пуантиссу, о принципах же работы оружия не сообщал. Николай Александрович в ответ на вопросы следователя о круге его общения отвечал: «С кем я беседовал на антисоветские темы из моих знакомых, сейчас вспомнить не могу»¹⁷.

Дело Бруни вёл следователь Полозов, он бил своего подследственного по лицу, говорил, что родные отреклись от него, что было неправдой. После этого Николай Александрович поседел. Следствие по делу Н.А. Бруни продолжалось два месяца. 10 февраля 1935 г. он признал, что «являясь врагом соввласти, с 1932 г. и до дня ареста вёл контрреволюционную пропаганду в форме антисоветских высказываний»¹⁸.

3 марта 1935 г. было вынесено постановление, в котором называлась его вина. Согласно выписке из протокола Особого совещания, предписывалось заключить Н.А. Бруни в ИТЛ сроком на 5 лет и препроводить в УХТПЕЧлаг НКВД, лагпункт Чибью. Его семья (жена и шестеро детей) оставалась совершенно беспомощной, и это было самой большой его болью. В лагере Николай Александрович находился вначале на общих работах, потом узнали о его умении хорошо рисовать, и он стал местным художником. В 1937 г. к юбилею А.С. Пушкина он практически из подручных материалов изваял памятник поэту. В лагере Бруни носил бороду, что не позволялось правилами, заключённые обращались к нему уважительно: «отец». В лагере Николай Александрович написал несколько пронзительных стихотворений. Выйти отсюда на свободу ему было не суждено. Мать Николая Александровича в своих воспоминаниях, которые она написала для детей и внуков, говорит о «критическом духе» своего старшего сына. Этот дух он сохранил и в лагере, и взглядов своих не скрывал.

В конце 1937 г. вновь по доносу его судили и приговорили к расстрелу. Обвинение состояло в контрреволюционных разговорах против советской власти. 29 января 1938 г. недалеко от лагеря, в местечке под названием Ухтарка, приговор был приведён в исполнение. До нас дошло свидетельство человека, который чудом остался жив после этого расстрела. Художник Марк Семёнович Житомирский отбывал срок вместе с Бруни и близко его знал. Он рассказал, что, когда партию заключённых привезли на расстрел, наступили тяжёлые минуты, реакция обречённых была разной: кто-то стал молить о пощаде, целовать сапоги палачей. В этот момент Николай Александрович обратился к собратьям с проникновенными словами, вернул многим самообладание, а потом начал молиться. Сам Житомирский был только ранен. Когда расстрельная команда ушла, он пополз прочь от этого места и смог добраться до избышки лесника, у которого прожил до середины 1950-х гг. Однажды, уже находясь в Москве, в доме своих друзей, он рассказал о Николае Александровиче. В гостях у этих людей находилась в то время жена Льва Бруни Нина Константиновна, которая, в свою очередь, рассказала о кончине Николая Александровича его родным. Это

стало для них откровением, потому что ранее из лагеря им официально сообщили, что он умер от воспаления лёгких. Ещё более удивительное свидетельство о том, что старец Нектарий прикровенно предсказал его страдания, оставила жена Николая Александровича. Она вспоминала, что как-то, ещё в Оптиной, когда они с мужем молились у отца Нектария в келье, он неожиданно встал перед о. Николаем на колени, не объясняя своего поступка; лишь до времени велел никому не говорить об этом. Примерно в то же время старец несколько раз спрашивал у неё: «Сколько у тебя детей? Ой, как много. И всё-то ты одна, одна <...>» Эти слова тогда удивили Анну Александровну, потому что старец прекрасно знал, что у неё всего трое детей и что она воспитывает их с мужем. Смысл слов и поступков старца стал им ясен спустя годы, когда детей было уже шестеро, и она, действительно, осталась с ними одна.

В заключение следует сказать о том, что Николай Александрович был прекрасным отцом. На момент ареста его детям было: старшему сыну 15 лет, дочерям — 13, 11, 9, 7 лет и 2 года. Всю свою жизнь они берегли память о нём как святыню. Сын Николая Александровича, Михаил, получив стихи отца из заключения, писал: «Тоска, ужасная тоска, боль, обида переполняет меня. Это как удушье <...> Поэт, написавший это — мой отец! Я люблю его больше жизни. Поймёт ли кто, как мне тяжело. Постепенно мной овладевает отчаяние: нет силы бороться эту тоску. Кричать, биться о стену: я теряю веру и желание жить. Погиб Н. Бруни, никогда его не увижу, не скажу ему о моей любви»¹⁹.

А Анна Александровна Бруни в воспоминаниях запечатлела для детей такой образ отца: «Я хочу, дети мои и внуки, рассказать об отце вашем и дедушке Н.А. Бруни. То, что его жизнь исполнена самых странных и необъяснимых шагов, показывает, что его натура была богата и насыщена самыми разными талантами. Уже взрослым человеком он говорил: “Что мне делать? Таланты рвут меня на части!” И действительно, он умел писать стихи, играть на рояле, рисовать красками и карандашом, лепить; из ремёсел он умело столярничал и клал печи. Причём всякое дело, за которое он брался, он совершал с увлечением художника и доводил до конца. Все свои обязанности исполнял, поглощённый профессией целиком, и никогда практическая выгода не играла в его жизни роль. Иностранными языками он овладевал легко и очень быстро, так как обладал музыкальным слухом и хорошей памятью. Если даже жизнь заставляла его заниматься сельским хозяйством, он делал всё охотно и тщательно. Всю свою жизнь он искал себя и, приняв на себя сан священника, нашёл то, что можно назвать целью и смыслом жизни»²⁰.

В лагере Николай Александрович больше всего страдал от разлуки с семьёй и от боли за неё. Но постепенно всё дальше отходили земные образы. За полтора года до смерти он напишет:

Ни о чём, ни о чём не жалею,
Ничего не хотел бы вернуть,
Упаду, как снаряд тяжелея,
Завершая стремительный путь!

О, распутица чёрных столетий! —
Лихорадочный бред мертвеца!
Слепота в электрическом свете,
И труды, труды без конца!

Не нужны мне ни крылья, ни ряса,
Не хочу ни поэм, ни сонат, —
Слышу шорох предсмертного часа
В тишине убелённых палат.

Среди волн межпланетного гула
Различаю торжественный звон.
Глубоко ты, душа, заглянула
В животворный загробный сон.

О, прости меня, милая мама,
От планеты, как зрелый плод,
От вселенского вечного гама
Оторвусь и паду в небосвод...

Так мог сказать человек, переживший катарсис, когда отходит всё внешнее, и остаётся только душа пред лицом Творца, созревшая, как пшеница. Так страданием очистился для Вечности и стал пшеницей Божией Николай Александрович Бруни.

Примечания

¹ Мандельштам О.Э. Собрание сочинений [Электронный ресурс]: в 2 т. Т. 2: Проза. Переводы. М., 1990. С. 67.

² Бруни З.Н. Летопись рода Бруни. Машинопись.

³ Там же. С. 49.

⁴ Архив Алексея Михайловича Бруни.

⁵ Бруни З.Н. Летопись рода Бруни. Машинопись.

⁶ Архив Алексея Михайловича Бруни.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Флоренский П., священник. Все думы — о вас. Письма семье из лагерей и тюрем 1933–1937 гг. / Сост. и общ. ред. П.В. Флоренский и Н.А. Живолуп. СПб.: Сатисъ-Держава, 2004.

¹⁰ Летопись рода Бруни. Машинопись. С. 28–29.

¹¹ Бруни Н.А. Стихотворения. Машинопись.

¹² Бруни З.Н. Летопись рода Бруни. Машинопись. С. 11.

¹³ Следственное дело Н.А. Бруни // ЦА ФСБ. Д. № Р-38041.

¹⁴ Там же. Л. 7.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

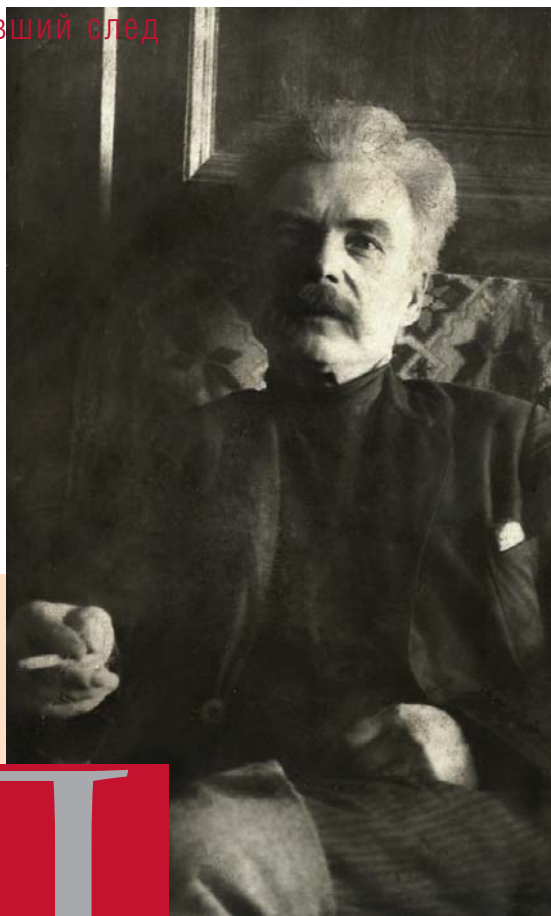
¹⁸ Там же.

¹⁹ Архив Алексея Михайловича Бруни.

²⁰ Летопись рода Бруни. Машинопись.

Светлана Викторовна Архипова, краевед (Клин)

Николай Михайлович Сулейкин

II

Право на память: Николай Михайлович Сулейкин

Ему посчастливилось научиться грамоте у отставного солдата Ивана Тарарушки, а затем учиться в открывшейся в округе церковно-приходской школе. После её окончания он ходил в эту школу ещё год — помогать обучать детей младших классов.

На 14-м году жизни мальчик упросил отца взять его в Петербург, но, проработав там несколько недель на фабрике, тяжело заболел из-за местного климата и, выйдя из больницы, по совету врача вернулся в деревню. Okрепнув, юноша занимался крестьянским трудом до призыва в армию.

Служил Николай сначала учеником писаря в управлении Сычёвского уездного воинского начальника, затем сдал экзамен в Москве на звание писаря и был откомандирован в Тифлис в распоряжение штаба Кавказского военного округа. Чтением книг штабной библиотеки любознательный молодой человек пополнял свои знания, увлёкся произведениями Некрасова, сам стал писать стихи при поддержке офицера С.А. Гриневского, познакомившего его с правилами стихосложения. Стихи Сулейкина публикуются с 1904 г. в журнале «Русская мысль» и других периодических изданиях.

После окончания воинской службы Сулейкин едет в Москву с рекомендательными письмами Гриневского к братьям Сигизмунду и Георгию. Благодаря им Николай Михайлович получил место служащего на фабрике «Товарищества Высоковской мануфактуры».

Ольга Евдокимова

Николай Михайлович Сулейкин родился 15 (3) декабря 1870 года в очень бедной крестьянской семье деревни Рогожино Ярыгинской волости Сычёвского уезда Смоленской губернии. Мать с детьми обрабатывала небольшой участок земли, а отец ежегодно уезжал на заработки, но не всегда присылал домой деньги. «Бедность и горькие слёзы матери тяжёлым камнем легли на детскую душу и остались на всю мою жизнь», — напишет поэт в автобиографии.

В 1908 г. в тверской типографии В.М. Миронова вышла в свет книга Н.М. Сулейкина «История основания фабрики Товарищества Высоковской Мануфактуры». О причинах, побудивших автора написать эту книгу, читаем в предисловии: «В 1896 году, какую-то игрою судьбы, я был заброшен в эту незнакомую мне сторону, где 11 марта поступил приказчиком по двору на фабрику Товарищества Высоковской Мануфактуры... Только за несколько дней до поступления я узнал, что есть на Святой Руси эта фабрика, и потому с первого же на неё взгляда я, как и всякий новичок, сильно заинтересовался ею: красивое топографическое положение фабрики так приятно повлияло на меня, что я с большим любопытством спрашивал у каждого встречного: кто основатель фабрики? Сколько лет она существует? Жив ли основатель? Как правильно называется фабрика: Кашаевская, Некрасинская или Высоковская?».

Н.М. Сулейкин
с колхозниками
(в верхнем ряду
справа)

Окрестности Клина, Моск. губ.
Фабрика Т-ва Высоковской М-ры.

Книга Н.М. Сулейкина — ценный исторический памятник, настольная книга клинских и высококовских краеведов. Чем же она интересна? Автор даёт читателю сведения о местности («от города Клина, Московской губернии, на десятой версте Волоколамского большака... деревня расположена на правом берегу небольшой речки Вяза... Некрасино имеет около 170 домов»); об истории основания фабрики и учреждения Товарищества Высоковской мануфактуры, о труде и быте крестьянства.

Высоковская мануфактура

Н.М. Сулейкин
Тифлис. 1894 г.

Вокруг той рощи поселяне
На истощившихся полях,
В старинных, грязных деревнях —
Коснели, мирные крестьяне!
Черствел там люд своей душой!
За стол он чуть ли не пустой
Садился каждый Божий день!

Неисчезнувший след

Глазами Николая Сулейкина мы видим удивительные по красоте картины подмосковной природы: «...Зеленеют холмистые поля, а среди них змейкою вьётся и серебрится на солнце маленькая речка», роща «зелёным венком окружает фабрику... ласково в жаркий день манит в свою отрадную прохладу».

Качаясь от ветра, та роща шумела,
Какую-то грусть нагоняла?
Но вечером птичка приятно там пела:
И грусть, и тоска пропадала...
То стаи ворон поднимались вверх,
Кружась над гнездом со птенцами.
И дикие птицы пугались всех
Пришедших людей за грибами.

В книге Н.М. Сулейкин создаёт интересную галерею образов фабричных служащих.

Он пишет о династии Кашаевых — «Кашаевы по своим природным дарованиям всегда стояли и стоят на первом месте среди некрасинских жителей, что явно доказывается рождённой и воспитанной ими в этом глухом уголке фабричной промышленностью, завоевавшей себе в настоящее время далеко не последнее место в России».

Григорий Лаврентьевич Кашаев — основатель Высокской фабрики. Из местных крестьян. «Благодаря своей способности, трудолюбию, совести и добросовестности выполнения взятых работ и какому-то особому влечению к ткацкому делу... выдвинулся из среды местных ткачей... Старые и малые смотрели на него как на своего кормильца-благодетеля! ... Был любим народом, который, как при жизни, так и по смерти называл и называет его “добрым человеком”. Ростом Григорий Лаврентьевич был 2 арш. 11 верш., очень мужественен и силу имел огромную».

Иван Васильевич Васильев — первый компаньон Г.Л. Кашаева, «закадычный друг ...служил приказчиком у фабриканта Свечникова».

Иван Никитич Кашаев — «родной племянник Григорию Лаврентьевичу... 25 июня 1879 года вступил третьим компаньоном фабрики... занял пост — управляющего фабрикой, в этой должности служил Товариществу двадцать семь лет... принёс большую пользу фабрике».

Яков Трифонович Трифонов — директор-распорядитель. «Он, как первоклассный фабричный коммерсант Московского района в течение своей долголетней службы много принёс пользы Товариществу».

Роман Романович Мак-Гилль — учредитель.

Карл Иванович Гести — директор правления, «вложил в фабрику всю свою жизнь: молодость, силу, знание и энергию».

Яков Исаевич Скидмор — директор-заведующий фабрикой, «приглашённый правлением великобританский подданный. Неустанными трудами и отличным знанием своего дела принёс громадную пользу фабрике».

Евгения Ивановна Мак-Гилль — вдова Р.Р. Мак-Гилля, «завершила благоустройство фабрики пост-

ройкою на свои средства, в память покойного мужа, роскошного здания фабричного училища».

Наше чуждое ей племя,
Сроднилось с ней теперь душой!
А в школе сеянное семя
Придёт сторицею большой!

Виктор Эдуардович Репенак — после смерти Я.Т. Трифонова стал директором-распорядителем, «опытной рукой ведёт коммерческое дело фабрики, достигающей всё высшего и высшего благоденствия».

Василий Григорьевич Дерягин — управляющий фабрикой. Участвовал при постройке узкоколейной железной дороги на Саньковское торфяное болото.

Яков Валерьевич Гурьев — землемер.

Однофамилица поэта, Анастасия Алексеевна Сулейкина, рассказывала: «Брошюру об истории фабрики я нашла полузасыпанную землёй и снегом среди окопов в парке г. Высоковска зимой 1941 года. Читала её, рассказывала о прочитанном подругам по работе на фабрике. Они слушали с большим интересом». Число экземпляров книги очень ограничено, после революции она не переиздавалась.

В 1909 г. выходят в свет ещё две книги Сулейкина: «На родных просторах» (стихи и поэма для малых и старых) и «Эхо жизни» (стихи). Обе книги изданы в Твери. Поэт пишет о труде крестьян и труде на фабриках рабочих, о природе и для детей, поэму «Куликовская битва», стихи, посвящённые памяти М.И. Глинки, Н.В. Гоголя, А.П. Чехова, стихи о Льве Толстом и Спиридоне Дрожжине, на другие темы. Жизнь фабричная, по мнению поэта, — «тина злая», «вода мутная», а фабрика — «каторга тяжкая, вольная». Природа же в восприятии автора — «отрада», «воля», которой «душа восхищается».

Некоторые стихотворения Сулейкина нелегально переписывали и распространяли среди народа революционеры:

Убирайся с золотого, царь, трона,
Убирайся по чести скорей,
Ты не слышишь народного стоны
И позорного лязга цепей...

Свободное время Николай Михайлович посвящает литературным занятиям, любит походить в окрестных лесах, лугах. Недалеко от фабрики в то время была дача литературоведа, профессора Александра Ивановича Кирпичникова, а в деревне Низовке на берегу реки Шоши жил поэт-крестьянин Спиридон Дмитриевич Дрожжин. Беседы с А.И. Кирпичниковым, поездки к С.Д. Дрожжину, встречи с рабочим поэтом Егором Ефимовичем Нечаевым, жившим несколько лет в Клину, очень радуют Николая Михайловича.

Он активно участвует в деятельности Суриковского литературно-музыкального кружка. Это литературное объединение писателей-самоучек из народа было создано в 1872 г. в Москве по инициативе поэта И.З. Сурикова и существовало до 1933 г.

Кружок выпускал сборники с произведениями писателей-самоучек. Состав кружка из года в год увеличивался, выходили не только сборники (их было выпущено до 40), но после революции 1905 года и периодические издания. В 1914 г. этим кружком была издана небольшая книжка стихотворений Н.М. Сулейкина «Колосья».

В предисловии к книге стихотворений И. Сурикова Юрий Беляев пишет: «Говоря об искусстве будущего, Л.Н. Толстой предсказывал, что создавать его будут не только “люди богатых классов или близкие к ним, а все те даровитые люди из народа, которые окажутся способными и склонными к художественной деятельности”». «Ростки такой будущей созидательной культуры возникли уже при его жизни, когда в русской литературе возникло такое примечательное явление, как творчество крестьянских “поэтов-самоучек”, выходцев из самых глубин угнетённых масс, показавших своей одарённостью и бескорыстным служением литературе, как велик творческий потенциал народа».

Стихи поэта художественно неравноценны, однако в лучшей части поэтического наследия обнаруживается самобытный талант, мастерство. В творчестве Сулейкина заметно влияние Кольцова, Никитина, Некрасова. Простота, задушевность, непосредственность, искренность — определяющие качества лирики поэта. Он певец крестьянской жизни. Наряду с горестными стихами, рисующими нищету, бесправие, изнуряющий подневольный труд русского крестьянства и городской бедноты, поэт изображает и радость созидательного труда хлебопашца, любит-ся душевной красотой русского крестьянина.

После Октябрьской революции Николай Михайлович продолжает работать на фабрике товароведом, заведующим материальным складом. Сохранилось примечательное письмо этого периода:

«В Президиум Высоковского фабрично-заводского комитета.

Я как член фабрично-заводского комитета считаю долгом довести до сведения Президиума, что среди рабочих и служащих фабрики слышен ропот на то, что с переводом часов на один час вперёд — приходится раньше вставать, и это отражается на здоровье, которое от плохого питания у всех надломлено.

При том, все рабочие и служащие утренний чай пьют не на работе, а идя на работу, т.е. пьют чай на квартирах, а для этого нужно вставать в семь и ранее часов утра. Вместе с рабочими (от стука и шума) поднимаются и дети, которые тоже с заспанными глазами садятся за стол с рабочими — отцами и матерями. Поэтому и дети встают по переведённому времени на 1/2 часа раньше и поэтому им всем требуется больше против того если-бы они утром хоть на один час побольше спали. Утренний сон для детей очень полезен. Рабочим, проживающим в деревне, приходится вставать ещё раньше.

Кроме того, фабрика терпит явный убыток, пуская электрический свет, утром приступая не в восемь, а

в девять часов к работе — обошлось бы утром и вечером без электрического освещения.

На основании изложенного и оставляя часы по декрету — рабочие и служащие желают выходить на работу не в восемь, а в девять часов.

Прошу этот вопрос обсудить принимая к сведению означенный ропот.

Н. Сулейкин 19 февраля 1920 г.»

Сулейкины жили в большом фабричном доме № 4 по улице Первомайской. В 1920-е годы им удалось построить свой дом в деревне Масюгино. В ноябре 1928 г. Сулейкин оставляет службу на фабрике, на склоне лет осуществляя свою мечту: снова жить и работать в деревне. Как самому грамотному, ему постоянно поручают вести протоколы сходов крестьян. Примечательно, что в пожилом возрасте поэт одним из первых в Масюгине вступил в колхоз (1929) — работал учётчиком.

Из-за тяжёлой болезни Николай Михайлович был вынужден прервать работу в колхозе, но продолжал помогать колхозникам советом. У своего дома в деревне Николай Михайлович любил ухаживать за цветами. Несколько листовых елей и берёз, посаженных им, растут и сейчас.

Точная дата смерти Н.М. Сулейкина не установлена. Поэт похоронен на кладбище у села Шипулино. Его дочь Таисия Николаевна Сулейкина долгие годы работала учительницей начальных классов Высоковской школы № 1.

Творчество Николая Михайловича Сулейкина заслужило право на память.

Литература

1. Беляев Ю. Честный талант // Суриков И.З. Стихотворения. М. 1982.
2. Васильев В.В. Русские самородки. Ревель. 1916.
3. Кашаев Н.И. Рассказ-автобиография. Тверь, 1910.
4. Папулова И. С.Д. Дрожжин // Серп и молот. 2008, 17 августа. С. 12.
5. Сулейкин Н.М. // Трофимов И.Т. Писатели Смоленщины. Смоленск, 1959.
6. Сулейкин Н.М. Автобиография // Заволокин П. Пролетарские писатели. Иваново-Вознесенск, 1925.
7. Сулейкин Н.М. Колосья. Тверь, 1914.
8. Сулейкин Н.М. На родных просторах. Тверь, 1909.
9. Сулейкин Н.М. Эхо жизни. Тверь, 1909.

Ольга Александровна Евдокимова,
заведующая Высоковской городской библиотекой
(Высоковск)

А Ас из Праслово

Александр Гречихин

Советская авиация внесла огромный вклад в разгром фашистских полчищ, вторгшихся в нашу страну в 1941 г. Количество лётчиков-истребителей, одержавших победу в воздушных боях с немецкими пилотами и уничтоживших вражеские самолёты, измеряется тысячами. Лётчик-истребитель, имеющий пять личных побед, считается асом, и таких за годы Великой Отечественной войны, с пятью и более победами, насчитывается свыше трёх тысяч.

Термин «ас» стал общепринятым после Первой мировой войны. По-французски «ас» — карточный туз.

Н.Е. Тараканчиков
Клин. Лето 1944 г.

Среди 20-ти Героев Советского Союза, увековеченных на Клинском мемориале воинской славы, трое — лётчики-истребители. Павел Павлович Крюков, Пётр Павлович Никифоров, Пётр Алексеевич Рассадкин — асы. Каждый из них в годы Великой Отечественной войны лично сбил 10 и более вражеских самолётов: Крюков — 10, Никифоров — 19, Рассадкин — 13.

Известны ещё два аса, проживавших в Клину — Александр Алексеевич Лебедев и Владимир Борисович Проворихин. Лебедев лично сбил пять немецких самолётов, Проворихин — 15. Оба закончили войну майорами.

Ныне здравствует только Герой Советского Союза Пётр Алексеевич Рассадкин. Он живёт в Крыму.

Пришло время отдать долг чести нашему земляку-асу лётчику-истребителю Николаю Егоровичу Та-

раканчикову. Он участник битвы за Москву, один из самых результативных лётчиков-истребителей, защищавших небо Москвы и подступы к ней.

Вот его краткие биографические данные: родился 1 ноября 1920 г. в деревне Юрково Арсеньевского района Тульской области в крестьянской семье. Русский. Член ВКП(б) с 1942 г. Окончил 7 классов. Работал в Москве на заводе «Крепость обороны». В Красную Армию был призван в декабре 1938 г. В 1939 г. окончил Борисоглебскую военную авиационную школу. С 5 ноября 1939 г. лётчик 34-го истребительного авиационного полка. В Великой Отечественной войне с 28 июля 1941 г. После войны жил в Клинском районе.

34-й истребительный авиационный полк входил в 6-й истребительный авиационный корпус. С осени 1941 г. корпус пополнился полками, пришедшими с боями от западной границы. Личный состав 6-го авиационного корпуса внёс огромный вклад в разгром немецко-фашистских захватчиков на дальних и ближних подступах к Москве.

34-й истребительный авиационный полк входил в западный сектор ПВО г. Москвы, который определялся в границах: Москва – Истра – Старица – Москва – Наро-Фоминск – Мосальск. Базировался полк на Внуковском аэродроме. Одним из первых авиаполков 34-й получил новые истребители «МиГ-3».

Командир 34-го полка майор Леонид Рыбкин, участник боёв в небе Испании, личным примером воодушевлял лётчиков. Первым он поднимался на отражение вражеских налётов на Москву.

27 октября 1941 г. младший лейтенант Тараканчиков одержал первую групповую победу. В районе Можайска с двумя лётчиками он атаковал бомбардировщик «Хейнкель-111», и южнее Дорохово враг нашёл свою могилу.

15 декабря 1941 г. в паре с лётчиком полка Тараканчиков сбил бомбардировщик «Ю-88». После этой групповой победы на его счету числилось семь сбитых вражеских самолётов (два лично и пять в группе).

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 марта 1942 г. он был награждён орденом Красного Знамени (№ 24 613). В документе о награждении даётся «... краткое конкретное изложение боевого подвига или заслуг. Делу партии Ленина-Сталина и Социалистической Родине предан. За период Отечественной войны показал себя хорошим лётчиком в борьбе с германским фашизмом. Молодой растущий командир. Пользуется деловым авторитетом. Дисциплинирован, инициативен. Имеет 110 боевых вылетов, 5 одиночных и 13 групповых воздушных боёв. Лично сбил 2 самолёта противника и 5 самолётов в групповом бою. Налёт днём имеет 90 часов. Достоин правительственной награды ордена Красного Знамени. Командир 34 иап капитан Александров, военком 34 иап бат. комиссар Недригайлов. 10.2 1942 ...». 10 февраля 1942 г. лётчику-истреби-

телю Тараканчикову было присвоено звание лейтенанта.

В июле 1942 г. 34-й истребительный авиационный полк ПВО прибыл на Клинский аэродром, сменив 27-й истребительный. Полком командовал майор Николай Александрович Александров. До августа 1945 г. 34-й авиаполк находился в Клину.

В августе 1942 г. лётчики 34-го полка открыли боевой счёт на новом месте базирования. 27 января 1943 г. Николай Тараканчиков, взлетев с Клинского аэродрома, лично сбил очередной бомбардировщик

Н.Е. Тараканчиков — выпускник борисоглебской авиационной школы (справа) 1939 г.

«Ю-88». Это был его 13-й сбитый самолёт (пять лично и восемь в группе). Он стал одним из самых результативных лётчиков полка, став к этому времени командиром звена.

На январь 1943 г. 13 сбитых самолётов — лучший результат среди будущих клинских асов, включая трёх Героев Советского Союза. Уже позднее, в 1943–1945 гг. Герои Советского Союза П.П. Крюков, П.П. Никифоров, П.А. Рассадкин и лётчик В.Б. Проворихин превзошли его по личным победам.

Командир звена Николай Тараканчиков был награждён орденом Отечественной войны I степени (№ 5238). «... Краткое конкретное изложение боевого подвига или заслуг. Делу Ленина-Сталина и Социалистической Родине предан, политически развит, морально устойчив, идеологически выдержан. В Великой Отечественной войне с 28 июля 1941 года в составе 34 иап. Смелый, решительный лётчик-истребитель, с фашистскими стервятниками сражается не щадя своих сил и самой жизни. Советский АС. Благодаря своей смелости, напористости и находчивости в бою, всегда выходит победителем. В воздушных боях на дальних подступах к Москве уничто-

жил 13 самолётов противника, из которых лично 2 "He-111", 2 "Ю-88", 1 "Me-109", которые сбил 29.10.41. "He-111", 14.11.41. "Me-109", 3.2.42. "He-111", 27.10.42. "Ю-88", 27.1.43. "Ю-88" и 8 самолётов противника в групповом бою 3 "He-111", 3 "Ю-88", 2 "Me-110", сбил которые "He-111" — 27.10.41, 2 "Me-110" — 30.11.41, "Ю-88" — 4.12.41, "Ю-88" — 15.12.41, "He-111" — 26.1.42, "Ю-88" — 19.2.42, "He-111" — 28.2.42.

За период боевой работы тов. Тараканчиков произвёл 307 боевых вылетов на боевые задания. Провёл воздушных боёв — 29. На прикрытие наземных войск — 75 вылетов, на штурмовку войск противника — 1 вылет, в световое поле ночью — 8, на разведку в тыл противника — 4, на перехват самолётов противника — 87, на патрулирование над объектами и их прикрытие — 103.

За умение, отвагу, мужество, проявленные при уничтожении самолётов противника на дальних подступах к Москве достоин Правительственной награды ордена Красного Знамени. Командир 34 иап майор Александров 19 февраля 1943 ...».

17 июня 1942 г. вышел приказ Народного комиссара Сталина за № 0489 о действиях истребителей по уничтожению бомбардировщиков противника: «... На звание Героя Советского Союза представлять таких лётчиков, которые соьют в воздушных боях 10 истребителей противника или 5 бомбардировщиков ...».

В приказе не указано конкретно, что соьют лично. Присваивали звание Героя Советского Союза за 10 сбитых (три лично и семь в группе), за 11 сбитых (три лично и восемь в группе).

К 27 января 1943 г. на счету лейтенанта Николая Тараканчикова было 13 сбитых самолётов противника (пять лично и восемь в группе). Из них 10 сбитых бомбардировщиков (четыре лично и шесть в группе). Он был представлен к званию Героя Советского Союза. Неизвестно, по какой причине, но присвоено оно не было.

30 сентября 1943 г. вышло новое положение о наградах и премиях в истребительной авиации: «... К

Н.Е. Тараканчиков (слева) у боевого самолёта с однополчанином

После войны
Праслово

ния к наградам, бывали исключения, и довольно часто. Иногда на первое место выходил фактор личных отношений между лётчиком и командованием, и тогда представление к награждению "строптивного" аса могли "придерживать" достаточно долго, а то и вовсе "забыть про него ...».

В 34-м истребительном авиационном полку не было Героев Советского Союза. Там начинали служить четыре отважных лётчика, но в 1941–1942 гг. их перевели в другие полки, где они и стали Героями. Пять лётчиков 34-го полка совершили шесть воздушных таранов в 1941–1944 гг., но были награждены орденами Ленина и Красного Знамени.

Двое из них при этом погибли, но награждены не были. Старший лейтенант Виктор Алексеевич Киселёв 6 июня 1944 г. погиб, совершив свой второй таран. Первый он совершил 10 августа 1941 г., остав-

шись в живых. За этот подвиг ему вручили орден Ленина. Прошли всю войну и встретили Победу лучшие из лучших лётчиков-истребителей полка, начавшие воевать в 1941 году под Москвой — капитан Виктор Фёдорович Коробов (девять личных и восемь групповых побед) и командир эскадрильи старший лейтенант Николай Егорович Тараканчиков (пять личных и восемь групповых побед). Всего Николай Тараканчиков произвёл 327 боевых вылетов, участвовал в 31 воздушном бою.

34-й авиаполк участвовал в войне с Японией. В составе Приморской армии ПВО Николай Егорович прослужил до 1956 г., и был комиссован. Незадолго до этого на его глазах в авиакатастрофе разбился его лучший друг. Много чего повидал за время войны лётчик-истребитель Тараканчиков, но здесь нервы не выдержали. Дали о себе знать и старые раны. Вердикт медицинской комиссии был однозначен — в таком состоянии летать нельзя. В 34-м авиаполку к этому времени освоили реактивный сверхзвуковой истребитель «МиГ-15».

С 1956 г. Николай Егорович жил в деревне Праслово Клинского района. Фронтовика любили односельчане. Вызывали уважение его награды — орден Красного Знамени, орден Отечественной войны I степени, орден Красной Звезды, медали «За боевые заслуги», «За победу над Германией», «За победу над Японией», орден Отечественной войны (1985 г.).

По словам дочери Николая Егоровича Ларисы Николаевны, он любил жизнь: лихо управлял мотоциклом, сам научился играть на аккордеоне. С женой Зоей Григорьевной воспитал четверых детей — двух сыновей и двух дочерей. Он никогда ничего ни у кого не просил, льготами не пользовался. Фильм «В бой идут одни старики» спокойно смотреть не мог. Он, прошедший огни и воды, повидавший виды, — плакал. В конце жизни сказались многочисленные раны лица и головы — Николай Егорович полностью потерял зрение. Врачей он не признавал, мужественно боролся с болезнями до конца.

Н.Е. Тараканчиков

Фронтальная дружба — это святое. Николай Егорович никогда не забывал боевых друзей-однополчан, тех, кто не дожил до Великой Победы. Четверо из них покоятся в Клину, в скромном воинском захоронении при въезде в Майданово — младший лейтенант Сергей Алексеевич Гозин, младший лейтенант Анатолий Иванович Шагалов, лейтенант Сергей Васильевич Бровкин и командир 34-го полка подполковник Николай Александрович Александров. Для него они не погибли — они не вернулись из боевого вылета.

Майор запаса Николай Егорович Тараканчиков ушёл из жизни 27 января 1992 г., похоронен в Белавино.

Литература

- ¹ Быков М.Ю. Советские асы. 1941–1945. Победы сталинских соколов. М., 2008.
- ² Жирохов М.А., Котловский А.В. Иду на таран. М., 2007.
- ³ Пузрин И. Память огненных лет: [о ветеране Великой Отечественной войны В.Б. Проварихине] // Серп и молот. 1983, 22 февраля.
- ⁴ Пузрин И. Негасимая любовь: [о ветеране Великой Отечественной войны, лётчике Лебедеве А.А.] // Серп и молот. 1966, 22 февраля.
- ⁵ Фёдоров А.Г. Авиация в битве под Москвой. М., 1971.

Архивные источники

- ¹ Документ награждение № 24 от 22.02.1943 [Электронный документ]. — ЦАМО, Ф. 33. Оп. 682525. Д. 467 // ОБД «Подвиг народа». — Режим доступа: <http://podvignaroda.mil.ru/>.
- ² Документ награждение. — ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682 524. Д. 550. Л. 57.

Александр Иванович Гречихин, краевед (Клин)

Малоизвестное

В далёком 1885 году в деревне Максимово Лотошинского уезда в крестьянской семье Прокофия Медведева родился сын Гаврила. Быстро пролетели детство и юность, пришла ему пора заводить семью. Родители сосватали Гавриле скромную, работающую девушку Аксинью из соседнего села.

Две мировые войны в истории одной семьи

Анатолий Рондин

Время шло в крестьянских заботах. Народились в семье и дети: в 1902 г. Полина, в 1911-м — Александра, в 1914-м — Мария. В этой же деревне в семье Степана Рондина в 1881 г. родился сын, которого тоже называли Степаном. Он рос, учился в сельской школе и бегал с деревенской детворой. Годы шли, пришло время и Степану обзаводиться семьёй. Невесту звали Анна. У Степана и Анны в 1907 г. родился сын Пётр, в 1912 г. — дочь Анастасия.

Семьи Рондиных и Медведевых работали в поле, на заготовках кормов для скота, убирали урожай. В зимнее

Степан Степанович Рондин, Гаврила Прокофьевич Медведев и неизвестный

время Гаврила Прокофьевич вместе с дочерьми для дополнительного заработка делал dranku для деревенских изб на имевшемся в хозяйстве специальном станке. Батраков не держали, обходились своими силами.

В августе 1914 г. началась Первая мировая война. Гаврила Прокофьевич и Степан Степанович были призваны в императорскую армию, прошли обучение в драгунской полковой школе и получили звание унтер-офицеров. В 1914–1915 гг. основные боевые действия на востоке Европы Россия вела на Северо-Западном и Юго-Западном фронтах против Герма-

нии и Австро-Венгрии. Односельчане Рондин и Медведев воевали на Северо-Западном фронте, штаб которого находился в Варшаве. С фотографии, сделанной в 1914 г. в фотоателье господина Перетца на Костельной площади Варшавы, смотрят унтер-офицеры Степан Степанович Рондин и Гаврила Прокофьевич Медведев. В сентябре 1914 г. на Моозурских озёрах русские войска потерпели поражение и отступили на территорию России. Была сдана Варшава и другие населённые пункты. Домой перестали приходить письма от Степана Рондина.

После поражения русских войск и сдачи земель и городов Царства Польского, входившего в состав Российской империи, были созданы Северный, Западный и Юго-Западный фронты. Гаврила Медведев сражался на Западном фронте и имел награды. Развал фронта последовал после поражения русской армии в районе озера Нарочь в марте 1917 г. Унтер-офицер Медведев был демобилизован. Он вернулся в родную деревню, занимался хозяйством. В 1920-м родилась дочь Анна, сына Господь так и не дал. Нелегко жилось в деревне Гавриле Прокофьевичу. После революции появились комитеты бедноты. Повседневная трудовая крестьянская жизнь деда резко переменилась. На беду, обратился к нему председатель деревенского комитета бедноты с предложением выдать за него замуж одну из дочерей. Зная жениха и всю его не популярную в деревне семью, Гаврила Прокофьевич отказал. При коллективизации новая власть объявила моего деда кулаком, дом и хозяйство были отобраны, хозяева были сосланы на торфоразработки.

В ссылке погибла жена Аксинья. Отбыв срок, дед с дочерьми перебрался в 1930-е гг. в Клин и трудился в Бородинском колхозе. За самоотверженный труд в годы Великой Отечественной войны по поставкам фронту продовольствия большая группа колхозников была удостоена правительственных наград, в их числе был и Г.П. Медведев. Награды вручал в Кремле сам Михаил Иванович Калинин.

Степан Рондин при отступлении в 1916 г. был ранен и попал в плен. Вернулся домой после Октябрьской революции в 1917 г. Вступил в Красную Армию, закончил командирские курсы. Из армии Степан Степанович был демобилизован по возрасту в 1932 г. с должности заместителя командира полка РККА. После демобилизации он перебрался с семьёй в Клин, поселился на Зарецкой улице, работал в городском коммунальном хозяйстве.

Его сын Пётр Степанович женился на Александре Гавриловне Медведевой, дочери отцовского земляка и однополчанина. Он работал прорабом на клинских стройках, строил городскую баню, мосты на реке Сестре, обувную фабрику и другие объекты. Миномётчик Пётр Рондин пропал без вести в 1941 г. в битве под Москвой. С началом боёв за Клин в ноябре 1941 г. семья Рондиных — Степан Степанович вместе со снохой и внуками эвакуировались в деревню Струбково. Однако на другой день в Струбково вошли немецкие танки, пришлось возвращаться в Клин.

Пётр Степанович Рондин и Александра Гавриловна Рондина с детьми Юрием (7 лет) и Анатолием (4 года)

В деревне взрослые нашли телегу с запряжённой в неё очень худой лошадей, погрузили пожитки и тронулись в обратный путь. Навстречу двигались колонны наступающих немцев. При движении через замерзающий ручей телега встала поперек дороги, и все усилия лошадей ни к чему не привели. Немцы с хохотом вытащили телегу и лошадь на обочину, и их колонна продолжила свой путь. Однако к Рондиным подошёл немец и предложил молодой frau (матери было тридцать лет) последовать за ним в качестве мобилизованной на хозяйственную работу в обоз. Положение спас Степан Степанович. На немецком языке он объяснил фашисту, что frau мать двоих детей, вдова погибшего под Москвой такого же, как и они, солдата, её надо отпустить. На вопрос о том, откуда он знает немецкий язык, мой дед ответил, что он бывший унтер-офицер, в Первую мировую войну был взят в плен и находился целый год на принудительных работах в Германии. Эта речь произвела на немцев большое впечатление, и они отпустили семью.

Так ветеран Первой мировой мужественно защитил свою семью от фашистов. Оба деда прожили по 75 лет и похоронены, как и всё старшее поколение, на клинском городском кладбище. Нелёгкие испытания выпали на долю наших предков — Первая мировая война, революция, Великая Отечественная война, послевоенный период восстановления страны. Всё выдержали. Светлая им память!

Анатолий Петрович Рондин,
кандидат технических наук,
Заслуженный машиностроитель России (Клин)

Суббота, 25 марта 1917 г.

Поиски. Открытия.
Находки

Гельсингфорскаго Совѣта Депутатовъ

Арміи флота и Рабочихъ Свеаборгскаго порта

Адресъ конторъ:
Высокаго рна

въ гор. Гельсингфорсѣ.

Телефоны:
каб редактора № 18-78
Конторы № 115-27.Необычайные приключения
Клинского отходникаво время революции
и Гражданской войны

Дмитрий Попов

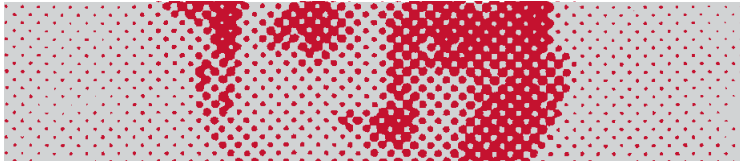
Ярослав Леонтьев

Самый омерзительный образ Дмитрия Попова, прочно запечатленный в памяти советских читателей благодаря 14-ти переизданиям «Рассказов о Дзержинском», создал страстный Юрий Герман. Чем талантливее написано, тем убийственнее для персонажа. И, главное, зашкаливающее враньё с первой строчки рассказа «В переулке»:

«Не убыстряя шага, не оборачиваясь, Дзержинский прошёл всю бильярдную, пнул сапогом попавшую по пути четверть с самогоном; бутылъ, жалобно тренькнувъ, разбилась, самогонка полилась по паркету... Так и не обернувшись на добрую сотню взглядов, сверливших ему спину, худой, в солдатской, чисто выстиранной гимнастёрке, без фуражки, с пушистыми, золотящимися волосами — один среди пьяных мятежников, — он прошёл ещё две комнаты спокойным, размеренным шагом, изредка спрашивая:

— Где Попов? Где Александрович?

Его узнавали, перед ним подтягивались, обдергивали ремень... Смелость, сила духа, мужество и спокойствие Дзержинского поднялись до той степени, когда трезвеют пьяные, пугаются далеко не трусливые, теряют самообладание забубѣнные головы. Обвешанные лимонками и гранатами, татуированные, они не верили ни в бога, ни в чѣрта, ни в папу, ни в маму, ни в вороний гай, ни в волчий вой — ни во что, кроме пули в упор да удара клинком от плеча до бедра...

Дмитрий Попов был и остаётся одной из самых не раскрытых фигур времён революции и Гражданской войны. Энергичный полевой командир, начальник первого советского «спецназа» в лице Боевого отряда ВЧК, опальный мятежник, а затем удачливый повстанец, соратник Феликсе Дзержинского, Марии Спиридоновой и Нестора Махно, он попал и на страницы литературных произведений и в кинокадры, разумеется, в качестве если не законченного, то какого-то полубандита. Этот образ был сформирован, прежде всего, знаменитой «Красной книгой ВЧК» и приписываемой ему воинственной фразой: «За Марию снесу пол-Кремля, пол-Лубянки, пол-театра» (речь идёт об арестованной в Большом театре Спиридоновой).

Тут, в зале, на подоконниках, на инкрустированных медью столиках, везде горели свечи, воткнутые в бутылки. Мерцающий свет дико озаряет всклокоченные головы, папахи, матросские бескозырки, толпу, шедшую за Дзержинским из других комнат Морозовского особняка, и тех, кто спал здесь, раскинувшись на полу, пьяных и трезвых, солдат, матросов, бывших приказчиков и портных, зубного техника в косо насаженном пенсне, хромого провизора, ставшего кавалеристом, громилу, нашедшего себе дело по душе при штабе Попова, девицу в платочке, лузгающую семечки...

...и тут Дзержинский увидел Попова. Бледный, толстогубый, с тускло отсвечивающими зрачками, весь в коже, с жёлтой коробкой маузера, он вытянул вперёд голову и спросил негромко, пришептывая:

— Ну как, товарищ Феликс? Поагитировали?

Он был трезв, выбрит, от него пахло английским одеколоном — лавандой, как в давние времена от жандармского ротмистра в варшавской тюрьме «Павиаки». Душистая египетская сигарета дымилась в его пальцах. Мысль Дзержинского мимоходом коснулась и сигареты: Антанта снабжает своего человека.

— Пока вы тут агитировали, мы телеграф взяли! — сказал Попов, кривя толстые губы.

— Ненадолго! — ответил Дзержинский»

Мало того, что революционный балтийский матрос был уподоблен жандармскому ротмистру, так ещё и безапелляционно записан в прихвостни Антанты. На самом деле главным виновником такого положения дел в Боевом отряде ВЧК (если бы это, конечно, соответствовало действительности) должен был являться... председатель ВЧК Дзержинский, допустивший этакую катавасию у себя под но-

Феликс
Дзержинский

сом. Это же ведь был элитный чекистский отряд, которому поручались важные спецназовские операции. Так что Юрий Герман просто бессовестно обманывал своих юных читателей в соответствии с буквой времени и «Краткого курса ВКП (б)».

Буквально через год после смерти писателя в фильме 1968 года «Шестое июля» (режиссёр Юлий Карасик, автор сценария Михаил Шатров) роль командира отряда ВЧК сыграл актёр Александр Январёв, и надо сказать, что сыграл неплохо. Ещё бы в таком звёздном окружении (Алла Демидова в роли Марии Спиридоновой, Армен Джигарханян в роли Проша Прошьяна, Юрий Назаров в роли Вячеслава Александровича, Вячеслав Шалевич в роли Якова Блюмкина, Василий Лановой в роли Феликса Дзержинского, которого арестовывает Попов) по-другому сыграть было невозможно. Но в этом фильме,

увы, не часто попадавшим в сетку телепрограмм, Дмитрий Попов предстал уже никаким не отморожком, а просто дисциплинированным сыном своей партии, вполне вежливым к Дзержинскому. Да, и вообще, левые эсеры выглядели в этом кино вполне пристойно — заблуждающимися союзниками, но искренними и честными в своём заблуждении.

Однако спустя десять лет «оттепельное» представление о левых эсерах растаяло как дым, и в довольно карикатурном, да к тому же явно в несоответствующем его 27-летнему возрасту виде Попов

Фабрика
«Товарищества
Ж. Блок»

предстал перед зрителями в первых кадрах второй серии кинофильма «Маршал революции», посвящённом Михаилу Фрунзе. Этот фильм снимался на Одесской киностудии (режиссёр Сергей Линков, сценарист Александр Юровский). Попробуем разобраться: каким на самом деле был этот видный деятель революции и ВЧК.

Дмитрий Иванович Попов родился в 1893 г. в Москве, но происходил из безземельных крестьян Троицкой волости Клинского уезда Московской губернии. Как и большинство крестьян-отходников, связь с деревней он не терял, и даже накануне драматических событий 6 июля 1918 г. Попов приезжал отдохнуть в родную деревню Кононово. Путь туда, конечно, был известен ему с детства, поскольку в двенадцатые, и особенно в престольные праздники ушедшие в отход крестьяне посещали свои деревни.

Облигация
«Товарищества
Ж. Блок»

По Николаевской железной дороге родители с Дмитрием, должно быть, доезжали до Клина или до станции Покровка, а оттуда на попутной или специально присылаемой за односельчанами подводе весело катили с подарками в родные пенаты. Деревня, находившаяся в 11 верстах от уездного города, расположена на правом берегу безымянного левого притока реки Катыш (правый приток Истры). Главный престольный праздник ввиду принадлежности к приходу церкви Иконы Божией Матери Знамение в селе Иевлево отмечался 27 ноября по старому стилю. Могли отмечаться престольные праздники и по другим приделам, коих в Знаменском храме постройки 1854 года было два — Ильинский и Никольский. В «Списке населённых мест» 1862 года, выпущенном Центральным статистическим комитетом МВД, Кононова (с таким именно написанием окончания на «а») значится как владельческая деревня 1-го стана Клинского уезда Московской губернии по правую сторону Звенигородского тракта, в 40 верстах от становой квартиры, «при колодцах», с 40 дворами и 347 жителями (169 мужчин, 178 женщин).

По окончании городской школы, с 14 лет Попов работал вместе с родителями на фабрике Товарищества Блока. Англо-американское товарищество «Ж. Блок» действовало в России с 1 января 1897 г. Торговые заведения под этой маркой принадлежали торговому дому «Жан, Вильям и Юлий Блок и Вильям Гиршфельд» и являлись, как сейчас бы сказали, эксклюзивным дилером в России. Через свои технические конторы во многих городах компания поставляла как полные комплекты оборудования для заводов, так и запасные части. Эта фирма, основанная в 1863 г., имела правление на Мясницкой улице в Москве и отделения в Петербурге, Варшаве, Киеве, Одессе, Ташкенте, Коканде, Ростове-на-Дону, Екатеринодаре, Екатеринбургe и на Нижегородской ярмарке. Согласно каталогу, компания продавала (и надо сказать, весьма успешно) популярные пишущие машинки «Ремингтон», дорожные пишущие машинки «Корона» в футлярах, счётные машины-арифмометры «Брундсвига», «американские весы образцовые» «Фербэнкс», английские велосипеды марки «Свифт» и других марок, швейные машинки разных систем, вязальные и вышивальные машинки, множительные аппараты-ротграфы и даже составные книжные шкафы «Эсбэша».

Часть предлагаемых товаров собиралась или изготавливались в Москве на заводе товарищества Ж. Блока. Например, весы марки Фэрбенкс (имели клеймо — буквы ТЖБ). Фабрика и была организована в 1897 г. при содействии американской фирмы для «изготовления всевозможных весов Фэрбенкс по подлинным американским моделям». За 10 лет работы московское предприятие изготовило около 6000 разного типа весов Фэрбенкс, в том числе большое количество вагонных (до этого их поставляли из-за океана, а впервые вагонные весы американского производства были применены Николаевской дорогой в 1857 г). В Туркестане товарищество специализировалось на торговле хлопкоочистительными машинами.

События Первой русской революции никак не могли пройти мимо подраставшего Попова, хотя, ко-

Матросы
Балтийского
флота. Первая
мировая война

нечно, он был ещё слишком мал, чтобы в них участвовать. Впрочем, в разгар боёв многие рабочие, особенно из числа крестьян-отходников, в отличие от партийных дружинников и студентов предпочли покинуть беспокойную Москву. Но рассказы о баррикадах на Пресне и в других очагах восстания передавались из уст в уста, и порождали легенды, которые неплохо усвоил смыслёный юноша. «Жизнь рабочего, — вспоминал Попов в своей исповеди-автобиографии, — дала мне возможность знакомиться по подпольным тогда историям, с политическими партиями, и, не будучи ещё членом какой-либо партии, благодаря ничтожному знакомству с революционными программами я, однако, по убеждениям был более с.-ром, чем кем-либо ещё».

Прошло какое-то количество времени, и юноша Попов сумел сделать небольшую карьеру — трудоустроился конторщиком в «рабочую газетную артель». Чем-то его трудовая биография напоминает судьбу другого юного отходника, фактически его сверстника, Сергея Есенина. Как и некоторые другие выходцы из деревни, причастные волею случая к миру издательского дела, Попов стал понемножку заниматься

литературным творчеством и постепенно вошёл во вкус. Также как и Есенин, в политике он сочувствовал эсерам, радевшим о крестьянских интересах.

В 1914 г. обладавшего техническими навыками призывника мобилизовали на Балтийский флот. Служить он попал на транспорт «Кама». Транспорт-мастерская Балтийского флота «Кама» был предназначен для обслуживания и ремонта миноносцев.

Сразу после Февральской революции Попов стал членом партии социалистов-революционеров и был избран делегатом от своего корабля в Гельсингфор-

ский совет депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта и секретарём его президиума. По поручению Исполкома он совершил поездку по Финляндии, итогом которой был доклад на экстренном заседании Совета 8 апреля с указанием «слабых мест охраны и обороны Финляндской границы».

В дальнейшем Попов вошёл в состав Гельсингфорской группы эсеров-интернационалистов под руководством прибывших из Швейцарии во втором «пломбированном» вагоне П.П. Прошьяна и А.М. Устинова, обособившейся в отдельную организацию, сделавшись одним из редакторов печатного органа группы — газеты «Социалист-революционер интернационалист». Прошьян с Устиновым позже оставили большой след в образовании самостоятельной партии левых эсеров, второй партии Октября. Они стали членами ЦК левых эсеров и вошли в состав двухпартийного Совнаркома: Прошьян станет наркомом почт и телеграфов, Устинов — членом Президиума ВЦИК. Затем их пути разойдутся, Прошьян вместе с Поповым встанут на путь вооружённого противостояния с большевиками, а Устинов останется их союзником, возглавив образовавшуюся в

результате откола от левых эсеров партию революционного коммунизма. Когда же в июле 1917 г. Прошьяна и Устинова вместе увезли арестованными из Гельсинфорса по распоряжению Временного правительства, то Попов остался единственным редактором оппозиционной газеты.

Но ещё раньше он стал постоянным автором «Известий» Гельсингфорского совета, регулярно помещая в этом органе статьи по текущему моменту, а порой и стихи. Вот одно из его произведений, посвященное празднованию 1 мая в «Гельсинге» (как на

Революционные
матросы

Чувствуют, мол: Русь за нами!
Песнь свободную поёт.
Музыка гремит, а флаги
Ветер вольный развернул,
Чтоб увенчанные стяги
Всем видны были, и враги
Прекратили бы разгул.
Силой мощной единения
(Ведь реакция не спит)
Без раздоров, без волнения,
Справедливость, без сомненья,
Злые силы победит.

Вдруг нежданно мерным шагом,
Нагоняя страх и жуть,
Демонстранты с смертным стягом,
Демонстранты с чёрным флагом,
Смертоносно держат путь.
Предо мной затылок мирный
Мародёра-богача,
Толстый, в складках, очень жирный,
Принимая вид эфирный,
Дал сейчас же стрекача!
А кругом — всё лица, лица...
И болтают, и глядят,
И матросы, и девицы
Вся Финляндская столица.
Вкусно семечки хрустят.

Красно. Стройными рядами
Молодая мощь идёт.
Отбивая такт ногами
Знают, мол, что: Русь за нами!
Песнь свободную поёт.
Силой мощной единенья
(Ведь реакция не спит)
Без раздоров, без волнения,
Справедливость, без сомненья,
Злые силы победит!

тогдашнем сленге именовали современный Хельсинки), под названием «Картинки наблюдателя»:

Пёстро. Очень многолюдно.
Масса любопытных лиц.
Повернуться даже трудно.
Но зато совсем не нудно
Средь хорошеньких девиц.
Подхожу к одной (прекрасна!)
«Здравствуйте! Что ж вы стали тут?
Будете стоять напрасно:
Флагчики здесь не пройдут.»

«Ах, ответила, опасно...
Я боюсь... А вдруг случайно
Кто-нибудь стрелять начнёт
Сговорившись, может, тайно?
Да и так, совсем нечаянно,
Вдруг да кто-нибудь пальнёт!»

Красно. Стройными рядами
Молодая мощь идёт.
Отбивая такт ногами

Графоманским это стихотворение при всей его неотшлифованности и шероховатостях язык назвать не поворачивается. Отнюдь, чем-то блоковским даже повеяло:

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!
Товарищ, винтовку держи, не трусуй!
Пальнём-ка пулей в Святую Русь...

Настанет время, и схваченный вместе с другими левыми эсерами Блок подивится на то, как хорошо его знают и ценят делившие с ним баланду матросы. Однако в раздражительности Попова совсем не обвинишь: ведь его вирши были написаны на семь-восемь месяцев раньше «Двенадцати». Да и в Русь революционный альбатрос не палит, а совсем даже наоборот своим крестьянским нутром на неё опирается и сли-

Второго Всероссийского съезда Советов, того самого исторического съезда в Смольном, провозгласившего переход власти в руки Советов. По словам Попова, он был избран и в состав Центрального исполнительного комитета.

Бойцы Красной
Армии на
привале

Впрочем, в Питере он не задержался, вернувшись обратно в Финляндию. В начале 1918 г. бывший клинский отходник предстал в новой роли — в качестве начальника штаба «Красных Советских Революционных Отрядов». К этому времени (6 декабря) Финляндия обрела вожделенную независимость, на финскую столицу и на страну в целом надвигалась собственная гражданская война. Вооружённое противостояние продолжалось с 27 января по 15 мая 1918-го, между леворадикалами, возглавляемыми Советом народных уполномоченных Финляндии, которых обычно называют «красными», и буржуазными консерваторами, по-фински также, как и в России, именуемыми «белыми». Красные были поддержаны российскими единомышленниками из числа оставшихся тут солдат и матросов, тогда как белые получали военную помощь от Германской империи и, неофициально, от Швеции добровольцами. В итоге стороны понесли такие потери: белые — 3414 убитыми и 1424 расстрелянными; красные — 5199 убитыми и 7370 расстрелянными, не считая русских революционеров. 1767 красных финнов считаются «пропавшими без вести», ещё 11 652 погибло в лагерях. Жертвами белого террора стали полторы тысячи русских, ещё несколько сотен (от 700 до 900 человек) пали в бою. (При том, что де-юре Советская Россия объявляла о своем нейтралитете в конфликте.)

В размещённом за подписью Попова объявлении в январских газетах о мобилизации волонтеров говорилось: «В ряды Красных Советских Революцион-

Владимир
Антонов-
Овсенко

вается с нею в одну «песнь свободную». И надо же так статься, что и сельские пенаты у них оказались в одном уезде: деревенька Кононово и сельцо Шахматово Солнечногорской волости, где поэт Саша Блок с детства проводил летние месяцы и где повстречал свою вторую половину — дочь Д.И. Менделеева.

Но вернёмся в революционный Гельсингфорс. «Наметившийся в среде эсеров раскол ещё более укреплял наши позиции, — вспоминал Антонов-Овсенко. — Энергичная группка «левых эсеров» (Прошьян, Устинов, матрос Попов) служила для нас великолепно службу предварительной расчистки». Тем временем, в сентябре на 3-м Областном съезде армии, флота и рабочих Финляндии Дмитрий Попов был избран членом Облсполкома Советов. В своём заявлении, адресованном в президиум ВЧК 2 февраля 1921 г., Попов утверждал, что являлся делегатом

Лубянская
площадь
и Калязинское
подворье

ных отрядов принимаются граждане мужского пола без различия их национальности, стоящие на платформе Российской Советской Рабоче-Крестьянской Республики».

Итогом деятельности штаба стало формирование отряда из балтийских моряков и финских красногвардейцев, численностью в несколько сотен человек, под командованием Попова. Отряд вёл бои на Карельском перешейке, пока под натиском превосходящих сил в марте 1918 г. не отступил на Петроград. Часть ушедших с Поповым финнов так и осталась служить под его началом вплоть до июльских событий.

В конце марта приказом Высшего военного совета Республики весь отряд был переведён в Москву в распоряжение Президиума Моссовета. 1 апреля рота поповцев совместно с 16-м Летучим Московским отрядом Винглинского вступила в бой с вооружённым отрядом «независимых» анархистов из 50 человек, занявших и грабивших особняк по 1-й Мещанской улице, и заставила их ретироваться. 8 апреля отряд был передан в ведение ВЧК. После переформирования отряда (из него вышла часть финнов и влились черноморские матросы) поповцы получили наименование «Боевого отряда ВЧК». В отряде, подчинявшемся Штабу боевых сил ВЧК, к 1 июля 1918 г. насчитывалось около тысячи бойцов.

«Спецназ» поповцев представлял собой грозную силу: помимо рот пехоты, на вооружении отряда был артдивизион из двух батарей, два бронеавтомобиля «Гарфорд», пулемётной команды в 60 единиц, бомбомётов и конной разведки. В Москве и во время командировок в Подмоскovie и прифронтовую полосу отряд занимался спецоперациями (в том числе разоружением анархистской «Чёрной гвардии» и изъятием документов и оружия в штабном вагоне бывше-

го полковника и будущего мятежника Михаила Муравьёва 29 апреля).

В новой советской столице Попов вместе с женой жил в помещении штаба отряда в бывшем особняке Морозова в Трёхсвятительском переулке, в то время как его родители проживали по адресу: ул. Красносельская, д. 62, кв. 61. Бойцы его отряда облюбовали национализированную гостиницу «Калязинское подворье», находившуюся на Лубянской площади, напротив помещения ВЧК, помещавшейся тогда в доме 11 по Большой Лубянке — бывшем здании страхового общества «Якорь». В начале июля вернувшийся с Восточного фронта командир отряда находился в отпуске у себя в деревне, пока внезапно не был вызван в Москву заместителем председателя ВЧК Вячеславом Александровичем, направившим за ним служебный автомобиль. Можно представить, с каким гордым видом Дмитрий Попов присаживался на завалинку, удовлетворяя интерес односельчан красочными рассказами об участии в жарких боях с финскими белогвардейцами и мятежными чехословаками под Сызранью. Бурный восторг у земляков, особенно у деревенской детворы, должен был вызывать автомобиль с шофёром, одетым в кожаный костюм, защитные очки и краги. Может быть, Попов даже позволил им прокатиться на подножке, а потом кого-то подвёз до Клина. Знали бы деревенские жители, что в последний раз видят своего героя...

6 июля Попов вошёл в состав т.н. «Штаба обороны» партии левых эсеров во главе с Юрием Саблиным в качестве «начоперода» (начальника оперативного отдела). Своё участие в июльских событиях позже он охарактеризовал так: «На требование подошедших вооружённых сил выдать Блюмкина, было отвечено отказом, с чем я был, безусловно, согласен

Мария
Спиридонова

и полагаю, что всякий честный революционер был к тому обязан. События в Трёхсвятительском переулке для меня носят характер самообороны революционеров, вынужденных к тому сложившимися обстоятельствами, и если ЦК полагал их использовать с иной целью, это было нелепостью до того очевидной, что говорить об этом не приходится. Произведённый арест членов ВЧК и некоторых задержанных на улицах советских работников-коммунистов объясняю я необходимостью и боязнью за участь арестованных на съезде Спиридоновой и фракции лев. с.-р.»

КРАСНАЯ АРМИЯ Пятница, 12 июля

К мятежу левых с.-р.

1. Проверка припусков.
2. На грузовикъ.

На
е уст
прав
вакан
слов
селен
Екате
та по
В
стан
неоп
скоро
дирова

С
На
ня, у
шун
цъла
руки
На
ни пр
хутор
Петро
невые
Тени
свом
удали
путь
Проха

ЗВЪРС
По
слаго
Всем
чим
в
свам,
ствах,
слова
контр
знаме
тельс
б-н
слова

Арестованная 8 июля взамен скрывшегося мужа жена Попова — Мария на допросе у председателя Особой следственной комиссии, наркома юстиции Петра Стучки показала: «Муж мой совершенно ничего не говорил мне о выступлении отряда. 6-го июля в 2 или 3 часа он мне сказал, чтобы я ушла из Трёхсвятит<ельского> переулка к его матери <...> переночевать ночь с 6-го на и 7-ое июля. Раньше он мне никогда не предлагал ночевать у своей матери. Я его не спросила, почему я должна уйти из дома, а он мне ничего не объяснил. Больше я его уже не видела». В результате допроса было принято «освободить Попову из-под ареста, не привлекая к суду».

Как вспоминал впоследствии Попов, «до декабря 1918 г. <...> я прожил в Москве (на нелегальном положении. — Я.Л.), лечась от нервного паралича как результата пережитого». Не позднее начала декабря он выехал на Украину, где стал начальником Центрального повстанческого штаба партии — по организации борьбы с петлюровцами. При его непосредственном участии было создано несколько отрядов в Харьковской губернии, которые впоследствии были сформированы во 2-й Украинский советский полк

Комдив
Павел Дыбенко
и комбриг
Нестор Махно
1919 г.

(численностью до 2 500 штыков) под командованием все того же Юрия Саблина. В это время Попов ненадолго вернулся в Москву для участия во II Совете партии, на котором, в частности, заявил о достигнутом соглашении о подчинении левозсеровскому штабу в оперативном отношении анархистских отрядов Нестора Махно численностью до 6 000 человек.

По возвращении назад в Волчанск Попов под фамилией Кормилицына был утверждён помощником командира повстанческого отряда (полка). При наступлении Красной Армии со стороны Казачьей Лопани он одним из первых вошёл в Харьков и разоружил петлюровские части: 1-й гайдамакский Яна Кармелюка и Изюмский офицерский добровольческий полки.

Харьковская газета левых эсеров «Борьба» в те дни сообщала: «Отряд, выстроенный в полном порядке перед зданием участка, при огромной толпе собравшихся, был встречен приветственными речами — сначала командира отряда, указавшего на огромное значение того, что трудовое крестьянство, совместно с рабочим классом, борется за установление Советской власти. Речь его была покрыта восторженными возгласами. <...>

Выступавший затем т. Кормилицын от имени Ц<ентрального> шт<аба> У<краинских> Л. С.-Р. подробно остановился на трогательной истории революционной жизни Марии Спиридоновой».

В конце митинга один из выступающих «предложил отряду назваться 1-м Волчанским повстанческим отрядом имени Марии Спиридоновой. Предложение было встречено долго не смолкавшими криками «ура» и аплодисментами публики».

Затем Попов участвовал в наступлении на города Змиев, Изюм и Бахмут. Под Бахмутом его инкогнито было открыто, после чего он вернулся в Харьков, а оттуда выехал в Киев на II съезд Украинской ПЛСР. По окончании партсъезда отправился в Одессу, затем по вызову ЦК вернулся в Киев, но из-за заболевания испанкой остался в городе при занятии его денкинцами. Позднее выехал в Екатеринославскую губернию, где организовал повстанческий отряд и оперировал против денкинцев в Ново-Московском уезде. После занятия Екатеринослава в сентябре 1919 г. махновцами, знакомыми ему и раньше, Попов прорвался туда на соединение с ними. Здесь в последний раз участвовал в партконференции левых эсеров, после чего подал заявление о выходе из партии. Мотивировал это так: «знакомство с анархистами-коммунистами и литературой Кропоткина окончательно укрепили и завершили сдвиг моих убеждений <...>». В Революционной Повстанческой армии командовал пехотными полками в составе разных соединений. В частности, будучи в арьергарде махновской армии до Кичкаса, Попов вошёл в г. Александровск (ныне Запорожье), где заболел сыпным тифом и был перевезён в одну из деревень около Гуляй-Поля (оправился от болезни лишь в конце марта 1920 г.).

В следующий период махновщины он работал в Культурно-просветительном отделе, сблизившись с лидером анархистской конфедерации «Набат», а когда-то эсером Всеволодом Волиным (Эйхенбаумом). Оба они имели немалое влияние на Махно. Однако вскоре Волин был арестован и увезен в Москву, тогда как Попов был избран в Совет революционных повстанцев — аналог Реввоенсовета в махновской армии. После принятого решения этим органом о соглашении с Красной Армией Попов из Беловодска начал телеграфные переговоры с начальником Особого отдела Южного фронта и членом коллегии ВЧК Василием Манцевым. Получив дальнейшие полномочия повстанческого Совета (соответствующий мандат подписан: «председателем Совета Батькой Махно», и датирован 12 октября), он вместе с тремя другими полевыми командирами прибыл в Харьков, где приступил к подписанию соглашения о совместных действиях с красным командованием во главе с Михаилом Фрунзе. Этот эпизод даже попал в поздний советский фильм о Фрунзе «Маршал революции».

В результате, по итогам этих переговоров махновцы заключили военный союз с Красной Армией и внесли важную лепту в прорыве крымских укреплений врангелевцев. После того как их миссия была выполнена, повстанцам ультимативно было предложено разоружиться и влиться в ряды Красной Армии. Отказ привёл к вероломному нападению на махновцев в Крыму с одновременными массовыми арестами анархистов в Харькове и других украинских городах. В ночь на 26 ноября 1920 г. уполномоченные Махно во главе с Поповым были арестованы в квартире представительства при штабе Южного фронта.

Не позднее января 1921 г. Дмитрий Попов был доставлен в Москву, где допрошен лично Дзержинским. Он содержался под стражей во Внутренней тюрьме на Лубянке, числясь за Особым отделом ВЧК. Предположительно в дни восстания в Кронштадте он был расстрелян во внесудебном порядке. Задним числом отец Иван Сергеевич Попов, проживавший к этому времени по адресу: Большая Садовая, д. 25, кв. 36, написал в предоставленной ему анкете Политического Красного Креста 9 марта 1922 г.: «В январе 21 г. я получил письмо от сына моего, что он находится в заключении в Москве... С тех <пор> никаких сведений о нём не имею. Прошу политический Кр<асный> Крест навести справку о местонахождении моего сына Дмитрия Ивановича Попова». Ответа от возглавлявшего тогда эту правозащитную организацию адвоката Николая Муравьёва мы не знаем, как и места упокоения казнённого Попова. Да и точной даты его расстрела тоже.

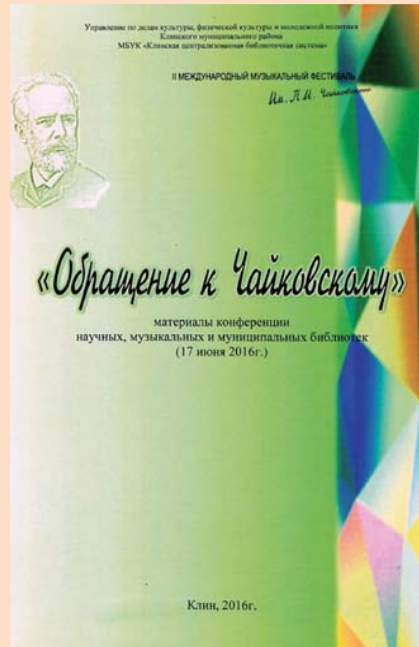
Ярослав Викторович Леонтёв, доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета (Москва)

КНИЖКИ

Составила Г.В. Митькина

Пустырёв, П.В. История боевого пути 365-й стрелковой дивизии первого формирования: совместный проект Свердловской областной общественной молодежной организации Ассоциация патриотических отрядов «Возвращение» и поискового отряда «Память» г. Клин Московской области / П.В. Пустырёв. — [Екатеринбург]: 2014. — 170 с.

«Обращение к Чайковскому»: материалы конференции научных, музыкальных и муниципальных библиотек (17 июня 2016 г.) / Управление по делам культуры, искусства и туризма Администрации Клинского муниципального района, МБУК Клинская ЦБС; отв. ред. И.В. Овчинникова. — Клин: 2016. — 34 с.

Эта книга стала результатом совместного проекта Свердловской общественной организации «Ассоциация патриотических отрядов «Возвращение» и поискового отряда «Подвиг» из подмосковного Клина.

Издание включает материал о боевом пути 365-й стрелковой дивизии первого формирования, её личном составе, потерях. Судьба дивизии невероятно трагична. Дивизия не просуществовала и четырёх месяцев. Почти весь личный состав погиб в окружении под Ржевом. В книге использованы воспоминания ветеранов дивизии, мемуары советских военачальников, архивные документы. В приложении представлен список бойцов 365-й стрелковой дивизии, найденных и перезахороненных в Клинском районе Московской области.

Имена воинов установлены по данным смертных медальонов и именных вещей.

В сборник «Обращение к Чайковскому» вошли материалы научно-практической конференции научных, музыкальных и муниципальных библиотек, проходившей в рамках II Международного музыкального фестиваля имени П.И. Чайковского в Клину. Сборник содержит доклады работников библиотек, музеев, краеведов Москвы, Ижевска, Клина, Истры, Подольска, раскрывающие ресурсы библиотек и музеев о жизни и творчестве великого композитора.

Гудков, Ю.Г. При дороге: художественная публицистика, стихи / Ю. Г. Гудков. — Клин: Клинская типография, 2015. — 116 с.

Книга известного клинского журналиста Юрия Гудкова содержит стихотворения автора, эссе по истории Клина, обширный иллюстративный материал: виды Клина и окрестностей разных лет, фотографии участников Великой Отечественной войны, героев труда.

Эссе начинается признанием автора в любви к родному городу. «Клин — удивительный город. Клин, как магнит, он притягивает каждого, кто хоть раз побывал здесь. Интригует уже название города — Клин. Откуда, почему Клин», — восклицает автор. — «Люди — не птицы, но если бы человек взлетел на высоту птичьего полёта, он бы всё сразу понял». Комментируя историю города XIX столетия, автор замечает: «Клин конца XIX века можно назвать уездным, захолустным, купеческим, ямщицким, и всё будет правильно. Но как его не называй, клинчане любили свой город и любят, как и все, кто заглядывал сюда».

ВАСИЛЬЕВЪ П. П. САНКТЪ ПЕТЕРБУРГЪ

Ф. П. П. БЫКОВЪ

1893 X 25 1903.
Kum

Kum

1893 X 25 1903.

ISSN 2073-1418

9 772073 141508

17001

>